

**Верхотурский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
Верхотурский Свято-Николаевский мужской
монастырь
ГБОУ СО «Верхотурская гимназия»
Верхотурская центральная библиотека
им.И.А.Мухлынина**

**Материалы научно-практической
конференции
«Верхотурский уезд
в истории России»
(к 255-летию начала промышленного освоения
М.М.Походяшиным Северного Урала)**

**2 - 3 ноября 2015 года
г. Верхотурье**

**Екатеринбург
2016**

УДК 94(131.2)
ББК 63.5(410.50)014-62
В23

Редакционная коллегия:

А.Г.Борисов,
научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ;
И.А.Фомичёв,
старший научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ;
Е.Т.Ившина,
библиотекарь по краеведению Верхотурской центральной библиотеки
им.И.А.Мухлынина

Материалы сборника содержат доклады и сообщения научно-практической конференции «Верхотурский уезд в истории России», посвящённой 255-летию начала промышленного освоения М.М.Походяшиным Северного Урала. Тематика докладов посвящена различным вопросам: создание и развитие горнозаводской промышленности на Урале, уральские заводчики и заводы, развитие торговли и предпринимательства, выдающиеся личности в истории Урала, музеи и туризм на Урале, преподавание истории Урала в школе. Сборник может представлять интерес для историков, краеведов, архивистов, музейных работников и всех тех, кто интересуется историей Урала.

ISBN 1604-3-0913-4

© Авторы статей, 2016 г.

Походяшины в истории России

Значительную часть северо-западной территории Свердловской области занимают Волчанский, Карпинский, Краснотурьинский, Североуральский и Новолялинский городские округа. История этих округов неразрывно связана с именем верхотурского купца Максима Михайловича Походяшина. До 1757 г. это был глухой, необжитый край. Река Ляля была естественной северной границей русских поселений в Верхотурском уезде, возникших еще за сто лет до этого. Несколько севернее находилась только деревня Коптякова, да жили семейства ясачных вогул. Казалось, ничто не могло разбудить вековую тайгу. И лишь приход сюда в 1757 г. Походяшина, как сейчас бы сказали, инвестировавшего свои капиталы в развитие этих северных территорий, послужил толчком к развитию края. Буквально в два десятилетия Северный Урал преобразился: были построены заводы, разработаны рудники, шло постепенное заселение.

Биографию Походяшина можно разделить на два этапа: до 1757 г., когда шло, так сказать, «первоначальное накопление капитала», и с 1757 г. время прихода его в уральскую металлургию. В исторической литературе немало написано о роли М.М.Походяшина в развитии Северного Урала. Хотя, на мой взгляд, недостаточно. Личность человека, заводы которого выплавляли большую часть меди на Урале, который к концу своей жизни стал одним из богатейших людей в России, заслуживает не меньшего внимания, чем «хозяйство Демидовых». К сожалению, вот уже на протяжении двух веков образ Походяшина окружают многочисленные мифы и легенды, наверное, больше, чем кого-либо из уральских заводчиков. Как существуют легенды о происхождении богатства Походяшина, так и до сих пор не был известен точный год его рождения, место рождения, происхождение. Как отмечал уральский историк второй половины XIX в. А.А.Дмитриев: «Достоверные известия о Максиме Походяшине начинаются с 1752 г., когда он был записан верхотурским купцом»¹. А ведь Походяшин Максим Михайлович, наверное, единственный из крупных уральских заводчиков имевший местные корни.

Первая легенда о происхождении богатства М.М.Походяшина была записана писателем-мемуаристом А.Т.Болотовым 14 января 1796

г.: «История славного купца и фабриканта Походяшина. Отец и основатель сего дома был простой ямщик или извозчик, возивший, подражаясь на нескольких подводах, медную руду из рудников на заводы в Сибири. Некогда, едуци на семером с работниками своими, остановились они в одном лесу ночевать, спутали лошадей, пустили на траву, сварили кашу, наелись и легли спать. Ночью лошади распутываются и уходят. Путешественники просыпаются, не находят лошадей, разделяются на три партии и идут в разные стороны их отыскивать. Сам хозяин идет лесом долго, долго; находит, наконец, следы лошадей по росе и, следуя им, выходит на берег одной речки и тут их находит. Обрадовавшись, излавливает их всех, схватывает за повод, хочет умыть лицо в реке и вдруг видит камень, похожий на руду медную; смотрит – узнает, что наилучшая руда; идет далее – находит более и более и открывает, что берег той речки на несколько верст укрыт медною рудой, лежащей на самой поверхности; он испытывает копать и открывает еще того больше. Он затевает великое дело. Возвращается по своему следу, замечает оный, уговаривает товарищей поставить на сем месте крест; утаивает от них; возвращается в свое место; едет в губернский город; справляется о узаконениях; предлагает губернатору; обещает ему выгоду, ежели он поможет; грозит ехать в Петербург и подкупать там. Губернатор соглашается, представляет бергколлегии; та велит о нем проведать и, в случае безопасности, дать ему 25 тысяч на заведение завода. Он едет на лучший завод, подговаривает наилучших мастеров, едет с ними и заводит завод. И оказывается, что нигде не было еще столь изобильной и хорошей медной руды; и он, в короткое время, делается страшным богачом и начинает ворочать миллионами». Упоминает Болотов и двух сыновей Максима Михайловича – Николая и Григория².

Не менее красочное предание приводит в 70-х гг. XIX в. пермский старожил и летописец Ф.А.Прядильщиков: «М.М.Походяшин начально принадлежал к обществу верхотурских ямщиков и жил в крайней бедности. Раздумывая о способах поправить свое состояние, он напал на мысль заняться отыскиванием руд, делом не редко столько же благонадежным, как отыскивание кладов. Много труда и времени убил несчастливец напрасно; но, наконец, судьба сжалилась над мучеником, послав ему такой случай. Раз является к Походяшину приятель-вогул, показывает несколько самородков и говорит, что знает в Урале гору, где подобных кусков можно набрать вдоволь, и

что готов указать ее кому-нибудь за 10 рублей. Ямщик не опомнился от радости. Не имея в кармане ни гроша, он просил друга поверить ему секрет на слово, клянется не обмануть и проч. Дикарь твердит одно: «деньги, деньги на ладонь и пойдем в наши кочевья». Чтоб достать запрошенные 10 рублей, Максим Михайлович решается сделать заем их под единственную в доме его ценную вещь – кумачный сарафан хозяйки. Опять горе: жена слышать не хочет про такой изворот, слезно плачет, корит мужа прежними неудачами в поисках. Сколько, однако ж, не спорила бедняжка, сарафан был отобран у нее, заложен и деньги вручены вогулу. Инородец оказался человеком честным: взявши с собой Максима Михайловича, он увел его верст за 150 от Верхотурья, к реке Сосьве, и там ямщик собственными глазами увидел предмет своих желаний – месторождение богатой медной руды. Второй прииск того же металла достался Походяшину гораздо проще, чем первый. Дело было так. Стадо быков, пригнанное в Сосьвинскую пустыню, для продовольствия горнорабочих, паслось несколько дней на одной высоте. Когда трава была съедена скотом до чиста, обнаженный грунт представил пласт верховой медной руды весьма хорошего содержания. В память виновников находки, прииск этот назван Бычковским»³. О безграмотности Походяшина говорит историк Сибири П.А.Словцов: «Сын ямщика, безграмотный, основатель огромных и разнообразных заведений»⁴.

Впервые в литературе имя Походяшина упоминает географ XVIII в., член-корреспондент Российской Академии наук П.И.Рычков в своём труде «Топография Оренбургская», изданном в 1762 г. «...Да от Исетска в 31 версте, вверх по речке Юруму, по течению ея с левой стороны, при деревне Ильиной, в болотном месте найдена земля лазоревая наподобие кубовой краски, которую также маляры употребляют. Сия оттискана Верхотурским купцом и заводчиком Максимом Походяшиным, по данному ему из канцелярии главнаго правления Сибирских и Казанских заводов о прииске руд указу, которой называя ее медною рудою, посторонних без позволения от себя и брать не допускает...»⁵. Упоминается Походяшин и в работе ученого-естествоиспытателя XVIII в. П.С.Палласа, посетившего Северный Урал летом 1770 г. «...Теперь оставалось мне осмотреть токмо прославившиеся недавно в северной горе верхотурского купца Максима Походяшина медные рудники и заводы...»⁶.

Последующие биографы заводчика чаще всего цитируют М.Н.Лонгинова, который, кроме пересказа легенды из Болотова, пишет: «Достоверное исследование о Походяшине говорит, что он был казанский уроженец, добровольно пришедший на промысел в Верхотурье, где занимался плотничеством и извозом. С молодости он уже успешно занимался отыскиванием руды и золота. Найдя последнее, Походяшин выгодно сдал находку в частные руки и приступил к деятельности обширнейшей. В 1740 г. он завел уже пять винокуренных заводов, недалеко от Тагильского завода, в Тюмени, Екатеринбурге и Ирбите. Походяшин записан был верхотурским купцом с 1752 г., а в 1777 г. причислился к первой гильдии. С 1752 по 1756 гг. держал он Верхотурский откуп с купцом Власьевским и был откупщиком в Сибири до конца 70-х годов. Еще с 1755 г. стал он отыскивать новые прииски медной и железной руды, и это предприятие увенчалось успехом... Походяшин умер в Верхотурье вдовцом в 1781 г. и оставил 3-х сыновей. Старший Василий остался в купечестве и умер (еще при жизни отца своего). Второй – Николай служил в гвардии, а меньшой – Григорий, родился около 1760 г., в 1774 поступил в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1783 был поручиком, в 1786 – капитаном и вскоре премьер-майором в отставке»⁷. Ничего пока не могу сказать о сведениях, приведенных Лонгиновым, касающихся сыновей Походяшина. Эти факты требуют проверки. Сведения же о жизни самого заводчика содержат ряд неточностей, и об этом не раз упоминали биографы. Н.К.Чупин в своей статье пишет, что «достоверное известие» «извлечено г.Лонгиновым из записки, которую составил для академика Михаила Петровича Погодина бывший настоятель Верхотурского монастыря архимандрит Гавриил, без сомнения, преимущественно по рассказам старожилков и, отчасти, вероятно, по архивным бумагам Верхотурских присутственных мест»⁸. Сам Чупин в своих статьях ничего нового о родословии Походяшина не сообщает, цитируя в основном Лонгинова и Словцова. Ничего нового не находим мы и у известного русского историка, публициста и прозаика Е.П.Карновича, который также пересказывает Лонгинова⁹.

Замечательно то, что уже упомянутый Прядильщиков приводит новое имя: «Род Походяшиных угас в 1830-х годах. Последним представителем его был, кажется, советник Пермского горного Правления Семен Михайлович Походяшин»¹⁰. Странно, что позднее никто из биографов это имя не упоминал.

Из сыновей Походяшина более известен Григорий, которому как другу издателя и просветителя Н.И.Новикова уделили внимание «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона и «Русский биографический словарь»¹¹.

Прошло сто лет после смерти знаменитого заводчика, а его биография в первой половине жизни оставалась белым пятном. Беда всех исследователей заключалась в том, что никто из них не сделал попытки воспользоваться архивными документами. В своих работах они использовали предания или уже опубликованные материалы. Наверное, единственным исключением среди дореволюционных биографов Походяшина был И.Я.Кривошеков. Так, по материалам архива Верхотурской городской управы он впервые сделал вывод, что Походяшин родился в 1729 г. (*до этого никто из исследователей год рождения не называл – М.Б.*) и происходил из ямщиков г.Верхотурья. Приводит Кривошеков и новые имена, пытаясь увязать их с Максимом Михайловичем: «В конце XVIII столетия в Верхотурье проживали вдова Евдокия Иванова Походяшина с дочерью Агриппиной Михайловной, прихожанки Воскресенской церкви; принадлежали ли эти лица к семье Максима Михайловича не известно, но, судя по одноименности отчеств Агриппины и Максима, можно предположить, что это была мать М.М.Походяшина с дочерью»¹². Правда, дата «1729 г.» была забыта на долгие годы.

Надо признать, что и советские историки не особенно стремились уточнить биографические факты из первого этапа жизни уральского заводчика. А некоторые даже, наоборот, вносили неразбериху. Но кое-какие новые сведения все же появлялись. Так, П.Т.Любомиров сообщает, что два винокуренных завода в Верхотурском уезде, которые позднее перешли в руки П.И.Шувалова, были созданы Походяшиным еще в 1734 г., добавляя, что «винокуренные заводы были у Походяшина с братом (!) ранее металлургических»¹³. И в то же время, такой крупный ученый, как Н.И.Павленко, пишет: «Современникам было непонятно сказочно быстрое обогащение Максима Михайловича Походяшина, превращение скромного уроженца Казани в посадского Верхотурья, а затем в миллионера... Появление первоначального капитала у Походяшина предание связывает с получением 25-тысячной ссуды от Берг-Коллегии. Это предание не лишено известной правдоподобности, хотя подтверждение его в документах мы не обнаружили»; «скорее всего, – осторожно заключает автор, – основным источником накопления

денежных средств Походяшина следует считать винокурение, винные откупа и подряды»¹⁴.

Сибирский историк М.М.Громыко добавляет: «Уже в начале 50-х годов он (*Походяшин – М. Б.*) широко занимался винокурением... Важным источником его обогащения на раннем этапе служили также откупа казенных пошлин. С 1744 по 1756 г. сбор конской пошлыны по Верхотурскому уезду был на откупе у Петра и Максима Походяшиных»¹⁵. Надо отдать должное сибирскому историку: семья Походяшиных настолько заинтересовала ее, что она, проведя специальное архивное исследование, через 4 года подготовила работу «Верхотурские купцы Походяшины». Правда, и здесь не обошлось без переписывания Лонгинова: «Походяшины перебрались в Верхотурье из Казани, по-видимому, в первой четверти XVIII в. Смолоду Максим плотничал, занимался извозом и увлекался поиском металлических руд и золота»¹⁶. К архивным материалам, найденным Громыко, мы еще вернемся.

В 1981 г. забытая было дата «1729 г.» неожиданно всплывает в биографическом справочнике А Г. Козлова¹⁷. Походяшину не только вновь приписывается не принадлежащий ему год рождения, но и меняется отчество на «Максимович». Маловероятно, что ученый, всю жизнь работавший с архивными документами, специально допустил такую ошибку. Скорее всего, произошло досадное недоразумение. Но, «благодаря» справочнику, эти неточности стали тиражироваться и в других публикациях. Такие неточности возможны у краеведов, но странно это видеть у историка. В.А.Чудиновских, еще в 1976 г. поставивший под сомнение дату «1729 г.», вдруг, через 22 года, в «Уральской исторической энциклопедии» сам же употребляет эту дату¹⁸. И, видимо, настолько был высок авторитет Козлова, что и отчество Походяшина он заменяет на «Максимович». К слову сказать, такие ляпсусы снижают ценность энциклопедии. В отличие от историков, наиболее близкими к определению точного года рождения Походяшина оказались краеведы из г.Североуральска Б.М.Золотарев и Н.Т.Литвинов: «Максим Михайлович Походяшин родился в Казани в семье простого ямщика (точной даты рождения пока не установлено, предположительно около 1710 г.)»¹⁹.

Основываясь на архивных материалах, впервые о месте рождения, происхождении и годе рождения Максима Походяшина было сообщено в статье «Особливой статьи градские жители...», опубликованной в газете «Уральский рабочий» в октябре 1999 г., а

позднее, уже с уточненным годом рождения, в докладе «Родословие верхотурского купца и заводчика М.М.Походяшина», опубликованном в материалах конференции 2001 г.

Казалось бы, пожалуйста, пользуйся обработанными архивными материалами. Но не тут-то было.

Приведу цитату из работы (2003 г.) екатеринбургского историка Н.С.Корепанова про Ирбитскую ярмарку: «...Кстати, сказки у них собирал тогдашний бурмистр Верхотурской таможни Максим Походяшин, отец небезызвестного впоследствии заводчика» (*здесь имеется в виду 1734 г. – прим.М.Б.*)²⁰.

Известный ныне писатель Алексей Иванов в своей работе о Чусовой (2007 г.) пишет: «Можно привести и ещё один характерный пример — историю бывшего ямщика Максима Походяшина, который на Северном Урале в 1754 году основал Богословский (а потом ещё и Надеждинский) медеплавильный завод, ставший впоследствии центром Богословского горного округа»²¹.

В 2013 г. сотрудниками Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), доктором и кандидатами исторических наук Е.Г.Неклюдовым, Е.Ю.Рукосуевым, Е.А.Курлаевым и В.П.Микитюком был подготовлен и издан первый выпуск справочника про уральских горнозаводчиков, в котором опять же Походяшин назван уроженцем Казани и год его рождения не указан²². Уважаемые авторы посчитали, что взятых данных из работы Павленко, которой без малого уже полвека, вполне достаточно для издания справочника. А ведь авторы, как историки, должны были понимать, что историческая наука не стоит на месте и, пропагандируя устаревшие данные, вводят читателей в заблуждение. Честное слово – как бороться с такими историками я не знаю. Но давайте на этом закончим обзор литературы и перейдем к архивным источникам.

Первое известное на данный момент упоминание в Верхотурье фамилии «Походяшин» надо отнести к 1670 г. В «Книге переписной и перемерной Верхотурского города дворам 178 г.» есть такая запись: «... от Крестоникольские башни... Двор Никольского церковного дьячка Митки (*Дмитрия – М. Б.*) Походяшина. Дворовому месту длинику тринадцатъ сажен, поперег восемь сажен, а в межах тот двор с ямским охотником с Назаром Опаркиным, а владеет он тем двором по закладной записи приказные избы подьячего Ерофея Головина, а з дву сторон проезже улицы»²³. Как видим, Дмитрий Походяшин был дьячком в Никольском монастыре и, по крайней мере, уже несколько

лет проживал в Верхотурье, раз успел обзавестись своим двором. И двор был не маленький, если сравнивать его с другими дворами по книге. Предположительно Дмитрий Походяшин был из рода верхотурских стрельцов-казаков Завьяловых. На чем основано такое предположение. В «имянной книге Верхотурского города» за 1668 г. упоминается дьячок Покровского девичьего монастыря «Митка Завьялов»²⁴. Мог Митька Завьялов через два года уже писаться как «Митка Походяшин»? Вполне. Тем более один из сыновей Дмитрия Походяшина служил верхотурским казаком. Всё это, конечно, требует проверки с архивными документами Российского государственного архива древних актов.

Какое отношение Дмитрий Походяшин имеет к Максиму Михайловичу? Для этого нужно взять перепись г.Верхотурья 1710 г., где среди верхотурских посадских мы находим «...во дворе Михайло Походяшин, 44 лет, у него мать Федора, 70 лет, жена Марья, 30 лет, дети: Петр, 8 лет, Максим, 2 лет, дочь Матрена, 12 лет; работной человек Егор, 20 лет; у Михайла ж брат Иван Меньшой, 35 лет, у него жена Марья, 35 лет...»²⁵. Здесь мы впервые встречаемся с Максимом и его семьей, хотя и тут мы не находим, что Михаил Походяшин и его младший брат Иван были Дмитриевичами.

В 1721 г. в Верхотурье была проведена 1-я ревизия, которая учитывала каждую мужскую душу. Среди служилых людей мы встречаем знакомое имя «...рядовой казак Иван Дмитриев сын Походяшин, 44 лет...»²⁶. Есть небольшая разница в возрасте, но такие случаи бывали. Мы узнаем, что в период с 1710 по 1721 гг. Иван был поверстан в верхотурские казаки, а самое главное – узнаем имя его отца – Дмитрий. Значит, Михаил и Иван были Дмитриевичами, а дьячок Дмитрий Походяшин является их отцом и дедом Максима. Отсюда можно сделать вывод, что семья Походяшиных, по крайней мере, с 1670 г. живет в Верхотурье и Максим Походяшин является уроженцем г.Верхотурья, а не Казани! Сыном верхотурского посадского (а не ямщика) и внуком священнослужителя.

В документах той же 1-й ревизии 1721 г. среди населения г.Верхотурья была выделена отдельная категория, которая так и называлась: «особливой статьи градские жители». В нее входило всего пять дворов. Чем занимались эти люди, не указано. Только один хозяин назван как «кожевной мастер». Среди этих жителей мы находим и «...двор Петра Михайлова сына Походяшина, 21 года, у него брат Максим, 12 лет, крепостной дворовый человек Осип Иванов,

19 лет, племянник Иван, 1 года... Вместо Петра Походяшина по его велению покровский поп Иван руку приложил...»²⁷. В записи отсутствует имя Михаила Походяшина, очевидно, к 1721 г. он уже умер. Судя по всему, уже в это время семья Походяшиных являлась одной из зажиточных верхотурских семей. Если в 1710 г. она проходила в общем списке посадских людей, то уже в 1721 г. выделена в особую категорию. Да и не каждый посадский мог позволить себе иметь «работного человека», как Михаил Походяшин, или «крепостного дворового», как Петр. В 1721 г. возраст Максима указан – 12 лет. Значит можно предположить, что он родился в 1709 г. В то же время, по переписи 1710 г. ему – 2 года. Очевидно, в 1721 г. возраст Максима указан не ровно 12 лет, а 12 лет плюс несколько месяцев. Сопоставляя эти две даты, можно сделать вывод, что знаменитый уральский заводчик Максим Михайлович Походяшин родился в 1708 году! Не все ясно в этой записи с «племянником Иваном». То ли это сын Матрены, а значит, племянник братьев Походяшиных, то ли это племянник «дворового человека Осипа Иванова».

Вернемся к переписи 1710 г. Брат Михаила Походяшина – Иван, назван «меньшим». В русских семьях случалось, что два, а то и три ребенка носили одно и то же имя. В таких случаях старшего называли «большой», а младшего – «меньшой». Значит, у Походяшиных должен был быть «Иван Большой». Но в материалах 1-й ревизии во всем Верхотурском уезде фамилия «Походяшин» больше не встречается. Кажется, тупик. Обратим внимание на запись 1721 г., где есть приписка «Вместо Петра Походяшина по его велению покровский поп Иван руку приложил...». Не является ли это зацепкой? К тому же, в 1721 г. есть и перепись священнослужителей г.Верхотурья, где мы находим: «...Покровской церкви поп Иван Дмитриев, 62 лет, его сын пономарь Иван, 23 лет...»²⁸. Пусть фамилия «Походяшин» в данном случае не указана, что характерно для священников, но, судя по имени отца, по возрасту, можно предположить, что «Иван Дмитриев» и есть тот самый «Иван Большой». Также в окладной книге г.Верхотурья за 1709 г. можно найти: «...Покровского девичьего монастыря... дьячек Иван Дмитриев...»²⁹, который получил денежный оклад 2 рубля. Из трех братьев Походяшиных только он продолжил дело своего отца – стал священнослужителем. Правда, если проанализировать известные имена верхотурских церковников 1-й четверти XVIII столетия, можно еще несколько человек отнести к Походяшиным, но это только пока

предположения, и для проверки нужны дополнительные архивные материалы. Можно только сказать, что позднее среди верхотурских священнослужителей фамилия «Походяшин» не встречается. Вероятно, они сменили фамилию, – возможно, на «Поповы». Для такого предположения есть некоторые основания. Так, в имянной книге г.Верхотурья за 1709 г. «с хлебными и соляными оклады» указаны: «...Покровского девичьего монастыря... дьячек Иван Попов...»³⁰, получивший «...4 чети бес полчетверти ржи, 2 чети с полуосминою овса, 2 пуда соли...».

Итак, старший Иван стал священнослужителем, Михаил был зажиточным посадским г.Верхотурья, младший Иван был служилого сословия – верхотурский казак. Кстати, последнее упоминание о младшем представителе этого поколения Походяшиных мы встречаем в окладной книге за 1724 г.: «...служилые люди... рядовым казаком по 4 рубли по 8 алтын по 2 денги... Ивану Походяшину... взял и росписался...»³¹. По всей видимости, младший Иван мужского потомства не оставил.

Перейдем к рассмотрению следующего поколения. Имя сына Ивана Дмитриева Походяшина Большого мы встречаем в переписной книге посадских людей г.Верхотурья за 1748 г.: «Умершаго безграмотного приписного в посад в 1734-м году ис пономарей Ивана Походяшина рожденной после прежней переписи сын Михайло, 7 лет»³². Как мы видим Иван Иванов Походяшин в 1734 г. был записан в посадские и умер до 2-й ревизии, оставив сына Михаила.

Чем занимался Петр Михайлов Походяшин? Скорее всего, торговлей. На это указывает запись в расходной книге Верхотурской земской конторы за 2-ю половину 1723 г.: «...Того же числа (11 августа 1723 г. – М. Б.) по указу Его Императорского Величества из Верхотурской канцелярии за рукою воеводы господина Беклемишева дано из земской канторы ис казны Его Императорского Величества из рентереи из неокладных зборов, которые взяты ис канцелярии, с найму подвод десятой денги, гостиной сотни Петру Походяшину за взятой у него бечевник, которой у него взят на новые медные заводы (Лялинский медеплавильный завод – М. Б.) для розмеру плотины и протчего, мерою тридцать сажен, восемь алтын две денги. Отдал счетчик Степан Коростелев. При сей статье вышеписанные денги восемь алтын две денги Максим Походяшин принял и росписался»³³. Как видим, кроме того, что семья Походяшиных уже в 1-й четверти XVIII в. была довольно состоятельной и выделялась в верхотурской

среде, так еще практически все мужчины рода знали грамоту. Это развеивает еще один миф – о неграмотности Максима Походяшина. В дальнейшем, многие доношения и рапорты будут подписаны его рукой. Уже пятнадцатилетним отроком Максим участвует в торговых делах старшего брата. М.М.Громыко в своей статье отмечает: «Наиболее ранний из найденных нами документов относится к 1733 г. и касается брата Максима – «Петра Михайловича сына Походяшина», который был в это время «верхотурским посадским человеком» и получил купчую «крепость» на луговую землю копен на 80. Приобретение участка земли под городом – дело обычное для зажиточных горожан в Сибири. Деятельность знаменитой Верхотурской таможни, провоз через которую, как известно, был обязателен для всех товаров, превращала городок в ворота из Европы в Азию... Тут-то и было раздолье ловким верхотурцам, вроде братьев Походяшиных: и подряды на извоз (с наймом ямщиков, что победнее), и продажа сена и овса коням, да продуктов людям, и перепродажа более тонкого товара. Г.Ф.Миллер, составляя руководство для русского купечества – «Описание торгов сибирских», отметил, что Верхотурье своим купечеством не славится. Очень немногие там в конце 30-х – начале 40-х гг. имели капитал, приближающийся к 1000 рублей. Не случайно дальновидный М.Походяшин, как только нажил заметный капиталец, вложил его в дело вне Верхотурья»³⁴.

Старший брат Максима – Петр Михайлович Походяшин – умер в 1768 г., будучи верхотурским купцом 3-й гильдии. Практически ничего не известно о сыне Петра – Василии, кроме того, что он, как и отец, с 17-го марта 1775 г. был зачислен в верхотурские купцы 3-й гильдии. По ревизии 1782 г. ему 35 лет и он женат на дочери тобольского купца Петра Богданова. У них приемыш Прокопий³⁵. В 1785 г. Василий был ратманом городского магистрата г.Верхотурья³⁶. Возможно, его сыном был Григорий Васильевич Походяшин – в 1827 г. подпоручик строительного отряда Главного управления путей сообщения³⁷. О дальнейших представителях этой ветви Походяшиных ничего не известно.

Но давайте вернемся к Максиму Михайловичу. К 27 годам (1734-1735 гг.) он уже бурмистр – служитель Верхотурской таможни и его имя фиксируется в документах, связанных с Ирбитской ярмаркой³⁸. Сибирский историк М.М.Громыко в своей статье отмечает: «Деятельность знаменитой Верхотурской таможни, провоз через которую, как известно, был обязателен для всех товаров, превращала

городок в ворота из Европы в Азию... Тут-то и было раздолье ловким верхотурцам, вроде братьев Походяшиных: и подряды на извоз (с наймом ямщиков, что победнее), и продажа сена и овса коням, да продуктов людям, и перепродажа более тонкого товара. Г.Ф.Миллер, составляя руководство для русского купечества – «Описание торгов сибирских», отметил, что Верхотурье своим купечеством не славится. Очень не многие там в конце 30-х – начале 40-х гг. имели капитал, приближающийся к 1000 рублей. Не случайно дальновидный М. Походяшин, как только нажил заметный капиталец, вложил его в дело вне Верхотурья»³⁹.

П.Т. Любимиров отмечает, что уже в 1734 г. Походяшиным были созданы два винокуренных завода в Верхотурском уезде⁴⁰. Действительно, сведения об этом мы находим в документах Пермской казенной палаты, где в 1789 г. со слов одного из сыновей Походяшина записано, что Фоминской «винокуренной завод, как он догадывается, построен на государственной земле, а утвердительно сказать не может, потому что о заведении оного в делах покойного отца ево никаких бумаг не находит, которые столь долгое время конечно и сохраниться не могли, а надлежит о сем иметь справку в архивах бывшего верхотурского комисарства или Тобольской губернской канцелярии, а ему известно толко, что не один родитель ево, а обще с товарищами ево, верхотурскими посадскими людьми Максимом Зиновьевым и Афанасием Серебряниковым, оным владели до 1740 г., а в оном году те товарищи ево Зиновьев и Серебряников принадлежащие свои части уступили ему, по которой уступке родитель ево один и владел, а в 1755 г. продал покойному господину сенатору и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, а в 1772 г. от сына ево господина Тайного советника действительного камергера и кавалера графа Андрея Петровича Шувалова опять оной с протчими винокуренными ж заводами обратно к себе перекупил...»⁴¹.

Здесь же на речке Бобровке у него была мучная мельница на «одном поставе», которой он владел совместно с русскими ясачными Реутовыми⁴². В дальнейшем Максим Михайлович расширяет сеть винокуренных заводов: здесь же у него появляются еще два Фоминских завода; в 1747-1751 гг. в Ялutorовском дистрикте он строит Уковский винокуренный завод, предположительно став таким образом основателем г.Заводоуковск в Тюменской области; недалеко от Уковского строит Падунский⁴³; был владельцем Усть-Миасского и Боготольского (недалеко от Красноярска) винокуренных заводов. В

1770 г. Походяшин вместе с старшим сыном Василием основывают Успенский винокуренный завод (ныне поселок Заводоуспенский Тугулымского городского округа Свердловской области)⁴⁴.

«Но самый надежный доход Походяшин, как и многие его предприимчивые современники, получил в 40-х и первой половине 50-х гг. от откупов. Петр с Максимом держали вместе в течение 13 лет откуп «конских сборов», а Максим еще одновременно получил обильную прибыль с «питейных сборов», которые взял на откуп в компании с купцом А.Власьевским. Поставка вина со своих «заводов» и откупа винного торгового залажили прочную основу легендарного состояния Походяшина. В документах 1753 г. власти официально именуют его «верхотурский купец, а винной подрядчик» или «верхотурский купец, а питейных и прочих сборов откупщик». Таким пришел Походяшин в металлургию; пришел, как мы видим, отнюдь не скачком из бедняков в заводчики, через счастливый случай»⁴⁵.

Наблюдая за бурным развитием уральской металлургии и, очевидно, скопив к тому времени достаточный капитал, Максим Походяшин, будучи человеком прозорливым, решает вложить эти средства в металлургическое производство. Первую попытку в этом направлении он делает вместе со своим компаньоном, верхотурским же купцом Алексеем Власьевским. В 1753 г. они просят Канцелярию Главного заводов Правления передать на их содержание находящиеся в Красноярском уезде казенные заводы: медеплавильный Луказский и железоделательный Ирбинский, которые к тому времени были остановлены «за пресечением руд». Получив разрешение и осмотрев заводы, они пришли к выводу, что «от немалого оных бездействия в пустоте стояния, и что они погнили и обветшали, и что ж от повреждения плотин требуют поправления не малую сумму, и за другою их невозможностию взять они не желают»⁴⁶. В том же году они получают разрешение на прииск руд в Сибирской и Оренбургской губерниях. Руду они нашли и через два года получили разрешение на строительство собственного завода на речке Язагаш, притоке Енисея, в том же Красноярском уезде. По всей видимости, одновременно, Максим Михайлович проводит поиски руд и в родном Верхотурском уезде, которые в 1757 г. увенчались успехом. После этих открытий он больше не участвует в строительстве Язагашского завода.

В 1758 г. Максим Михайлович приступил к строительству Петропавловского завода (ныне г.Североуральск) на речке Колонге, рассчитанного на обнаруженные по соседству медные и железные

месторождения. Строительство велось вольнонаемными работниками из Верхотурского и соседних уездов. Начав с плавки чугуна, после открытия в 1760 г. на р. Турье медных рудников, с богатейшим содержанием руды, перевел предприятие на выплавку меди. Начав разработку рудников, положил тем самым основание поселению Турьинских рудников (ныне г. Краснотурьинск)⁴⁷. В 1760 г. совместно с тульским купцом Василием Артемьевичем Ливенцовым Меньшим приступил к строительству чугуноплавильного и железоделательного Николае-Павдинского завода на речке Павде (ныне поселок Павда Новолялинского городского округа). В том же 1760 г. к Петропавловскому заводу и будущему Богословскому были приписаны 4200 государственных крестьян из Чердынского уезда для строительства заводов и вспомогательных работ. В 1766 г. началось строительство Богословского медеплавильного завода⁴⁸, крупнейшего для своего времени. Со времени своего основания занимавший первое место по количеству выплавляемой меди на Урале, производивший более 30% общероссийской меди. Выплавляемая медь отправлялась на Екатеринбургский Монетный двор.

Неожиданно в 1769 г. М.М. Походяшин приобретает в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии у великоустюжских купцов А.А. Плотников и А.В. Панова чугуноплавильный и железоделательный Ньючимский завод. Здесь Максим Михайлович со свойственной ему энергией принялся за дело: поставил шесть новых кричных молота, увеличил производительность завода, доведя выковку железа до 30000 пудов в год⁴⁹.

Огромное хозяйство требовало и огромного количества рабочих рук, а их не хватало. С 1762 г. положение еще более осложнилось: по императорскому указу приобретать крепостных теперь могли лишь дворяне, а Максим Михайлович имел лишь купеческое звание. К тому же в 1774 г. кончался срок работы приписанных крестьян на заводах Походяшина. Неожитый, суровый край, тяжелые условия труда на заводах и рудниках не могли привлечь вольнонаемных работников. Перед М.М. Походяшиным стояла задача: любой ценой приобрести необходимую рабочую силу. И такая возможность появилась. Владелец Пожевского завода В.А. Всеволожский решил «продать» Походяшину три четверти его с приписанными крепостными. 15 января 1774г. Берг-коллегия удовлетворила такую просьбу заводчика. Согласно этой сделке Максим Походяшин приобретал три четверти рудников и приисков из приписанных к Пожевскому заводу, которые

за истощением рудных запасов были заброшены, три четверти заводских строений, которые еще предполагалось соорудить, но самое главное – 3900 душ из вновь приписанных к заводу крепостных. Походяшин приобрел именно то, что ему требовалось – «рабочих людей». Прошло два года. 10 февраля 1776 г. Берг-коллегия официально разрешила М.М.Походяшину перевести крепостных, приписанных к Пожевскому заводу, на Петропавловский и Богословский заводы⁵⁰.

В 1775 г. Максим Михайлович вложил капитал в совершенное новое для себя дело, купив у верхотурского купца Осипа Коновалова Туринскую бумажную фабрику⁵¹. По версии некоторых уральских краеведов на этой фабрике в 1787 г. вышла книга “Приключения посадского Ивана Зубарева”, весь тираж которой по приказу Екатерины II был изъят и уничтожен⁵². Сей факт, конечно, любопытный, но требующий проверки.

После попытки совместно с А.Власьевским построить завод в Красноярском уезде, Походяшин не забыл эти места и продолжал здесь поиски руд. К 70-м гг. XVIII в. в Красноярском и Томском уездах у него было около трех десятков медных и железных рудников и приисков. Первая группа находилась в районе реки Чулым и его составляющих: Черного и Белого Июсов (это северная часть нынешней Хакасии). Вторая группа находилась севернее, в районе нынешних городов Красноярского края: Боготол, Ачинск, Назарово, где все тот же Чулым делает петлю. Сохранился план, составленный в октябре 1777 г. «по указу Канцелярии главного заводов правления, по просьбе заводчика Максима Походяшина, назначенному для медеплавильного завода месту». Место это находилось на р.Печище, притоке Черного Июса в Томском уезде. Завод предназначался для проплавки руд с рудников первой группы. Для рудников второй группы назначались места под заводы на речках Караковой и Барабановой, притоках Чулыма. Приступили ли к строительству заводов пока не известно. Но рудники разрабатывались и руда поставлялась на казенные Колывано-Воскресенские заводы⁵³.

Этот эпизод из биографии говорит об удивительной энергии, жизнедеятельности Максима Михайловича. В возрасте далеко за 60, почти 70, у него были еще далеко идущие планы. Как будто человек собирался прожить два века. И только смерть смогла остановить его. Умер он 25 декабря 1780 г., оставив после себя огромное хозяйство, «хозяйство Походяшина».

Хотелось бы сказать несколько слов о Максиме Михайловиче как о храмостроителе. Будучи внуком и родственником священнослужителей и, являясь прихожанином храма Покровского девичьего монастыря, на его средства 19 сентября 1744 в г.Верхотурье была заложена, как монастырская, Покровская церковь, каменная, одноэтажная, однопрестольная, без колокольни. В Верхотурье же в 1754 г. была заложена двухэтажная и двухпрестольная каменная церковь во имя Иоанна Предтечи и Варвары великомученицы⁵⁴. В 1758 г. одновременно со строительством Петропавловского завода он строит там и деревянную церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла, которую снабдил всей необходимой церковной утварью, богослужебными книгами, колоколами, пригласил священника⁵⁵. Пройдет несколько лет и в 1767 г. в Петропавловском заводе на средства Походяшина будет заложена одноименная каменная двухэтажная церковь. А в Богословском заводе был построен соборный Введенский каменный, двухэтажный и двухпрестольный храм⁵⁶.

Старшим сыном Максима Походяшина, очевидно, был Василий. Впервые мы встречаемся с ним в октябре 1760 г., когда он подписывает доношение в Канцелярию Главного заводов Правления: «верхотурский купец Василей Походяшин руку приложил»⁵⁷. В дальнейшем он активно участвует в хозяйственной деятельности своего отца. Как отмечает М.М.Громыко: «...В конце 60-х гг. он начинает появляться в документах в качестве самостоятельного юридического лица с тем же определением, что и отец, – «верхотурский купец и содержатель медных заводов». Имя Василия Походяшина нашумело в деловых кругах России в 1769-1770 гг. в связи с конкурентной борьбой вокруг крупного казенного подряда на поставку вина в Сибири. Одновременно с описанной операцией он организует строительство нового винокуренного завода (*Успенского – М.Б.*). В этой связи Василий Максимович писал в январе 1770 г. тобольскому епископу Варлааму: «... имею я намерение при вновь строящемся моем тюменского ведомства винокуренном заводе построить вновь деревянную... собственным своим коштом церковь...» Все письмо проникнуто уверенностью в своих возможностях, твердой убежденностью в перспективности затеянного предприятия, уместности подобного обращения к епископу. Это речь человека, ощущающего себя причастным к вершителям судеб края; человека, умело обживающего этот край, с несомненной, впрочем,

выгодой для себя. Василий умер 19 августа 1771 г., не успев по-настоящему развернуться...»⁵⁸.

Вторым по возрасту был Михаил, и остается только удивляться тому, что исследователи, работавшие с архивными документами, не обратили внимание на это имя, хотя он, как и Василий, принимал участие в строительстве заводов. Так, 23 апреля 1761 г. он подписывает доношение в Канцелярию Главного заводов Правления, в котором просит произвести отвод лесов к Николае-Павдинскому заводу: «...заводчика и верхотурского купца Максима Походяшина от сына ево Михаила Походяшина»⁵⁹. К сожалению, об этом сыне М.М.Походяшина известно меньше всего. Есть еще один вариант о происхождении Михаила. Как было сказано выше, у Ивана Иванова Походяшина после его смерти остался малолетний сын Михаил. Возможно, Максим Походяшин взял на воспитание сына своего умершего двоюродного брата. Но это пока только предположение, которое также требует архивного исследования.

Будучи по природе неглупым человеком, Максим Михайлович отлично понимал значение образования для будущего своих сыновей. Все они были грамотными, а младшие, Николай и Григорий, через военную службу получили дворянство. О Николае известно, что в 80-х гг. XVIII в. он, будучи обер-провиантмейстером, жил в Москве в таком престижном месте, как Нескучный сад, по соседству с князьями Трубецкими, Голицыными, бывшим прежде заводчиком П.А.Демидовым⁶⁰. Владел крестьянами. В прошении в департамент уделов Николай Походяшин писал: «Имею я в Костромской губернии в Ветлужском уезде недвижимое имение, доставшееся мне от надворного советника Михаила Прокофьева сына Рябова по купчей, совершенной 1791 г. ноября в 9 день, да от полковника князя Николая Ивановича Одоевского в 25 деревнях...»⁶¹. Любопытный факт: в доме на Тверской, где он проживал в начале XIX в., располагался музыкальный магазин Франца Иванова Грандмезона, где продавались ноты, музыкальные инструменты, струны².

Младший, Григорий, будучи молодым офицером, был принят в масоны ложи Ора (точнее – Горуса) в Петербурге. В 1781 г. стал членом-учредителем масонской ложи Золотого ключа в Перми⁶³. А в 1785 г., приехав в Москву, познакомился с известным просветителем XVIII в. Н.И.Новиковым, которому неоднократно передавал крупные суммы денег на просветительно-благотворительные предприятия. В 1791 г. деятельность «Типографической компании» Новикова почти

прекратилась. Положение ее дел было безвыходно, и члены ее были, наконец, вынуждены в ноябре 1791 г. составить акт об ее уничтожении и передаче всех дел Новикову и Походяшину⁶⁴. Очевидно, финансовая помощь Новикову явилась одной из причин, побудивших Походяшиных продать свои заводы в 1791 г. Вообще, как пишет М.М.Громько, «вопрос о деятельности Григория Максимовича Походяшина как видного русского просветителя конца XVIII – начала XIX в. должен стать объектом самостоятельной статьи»⁶⁵.

Надо сказать, что благотворительность была отличительной чертой семьи Походяшиных. Особенно это проявлялось в отношении к церкви. Вспомним, что ими было построено 6 церквей. 4 из них построены Максимом Михайловичем: 2 – в Верхотурье, в Богословском и Петропавловском заводах; Василием Походяшиным – в Успенском винокуренном заводе и Григорием в 1787 г. в Турьинских Рудниках Максимовская церковь. Наверное, сюда надо отнести и попытку наладить производство колоколов на Богословских заводах.

Стремилась братья Походяшины и, по мере возможности, облегчить жизнь населения своих заводов. Тут не прав Н.К.Чупин, утверждавший: «...ни школ грамотности, ни госпиталей, ни аптеки при Походяшиных заведено не было, не было также не только врача, но и лекарского ученика...»⁶⁶. Если мы посмотрим ведомость, составленную в 1791 г. при передаче Богословского завода в казну, мы найдем записи: «...госпиталь и лекарской дом – 1» стоимостью «2758 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп.», «при лазарете на лицо состоит разных медикаментов и вещей, о коих прилагается при сем особо учиненной по званиям реистр, на 763 руб. 29 коп.»⁶⁷. Имеются косвенные данные и о наличии школы на Богословских заводах. Даже если мы возьмем план Успенского винокуренного завода, составленный в 1778 г., на нем мы найдем школу⁶⁸. Не чужды были братьям и различные по тем временам новшества. В той же вышеупомянуемой ведомости мы находим: «...вновь зачаты строится ранжаря и сад – 522 руб. 3 $\frac{1}{4}$ коп., ...часы на колокольне – 600 руб...» Какой завод в то время мог похвастаться часами на колокольне?

Были ли у Василия, Николая и Григория дети, пока не известно. Но мы теперь знаем, что у Максима Михайловича был и четвертый сын – Михаил. Поэтому можно предположить, что упоминаемые И.Я.Кривошековым Евдокия Ивановна и Агриппина Михайловна Походяшины являются женой и дочерью, а названный

Ф.А.Прядильщиковым Семен Михайлович Походяшин – сыном Михаила Максимовича. Известно, что Семен Михайлович в 1799-1801 гг. был горным управителем Турьинских рудников, маркшейдером⁶⁹. Позднее, в 1808 г., будучи советником Пермского горного правления (позднее Уральского), берг-гауптманом 6-го класса, принимал участие в усмирении мастеровых и непрременных работников Сысертских заводов⁷⁰. Был женат на Софии, дочери действительного статского советника Ивана Даниловича Прянишникова⁷¹, и у них было две дочери Вера и Надежда. В 1831 г. почти три месяца исполнял должность Главного начальника горных заводов хребта Уральского⁷². Умер в Екатеринбурге в 1834 г. в чине статского советника⁷³.

Сестра Семена Михайловича, Агриппина, была замужем за купцом 3-й гильдии г.Туринска Ефимом Ивановичем Топорковым. Запись об этом мы находим в «Книге городских обывателей Туринского общества» начала XIX в.: «женат вторым браком бывшего Верхотурского купца Михаила Походяшина на дочери девице Агрофене имеющей 40 лет»⁷⁴.

В изданных в 1998 г. «Очерках истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края» говорится, что верхотурский купец А.В.Зеленцов, живший на рубеже XVIII и XIX вв., тоже был женат на дочери Михаила Походяшина⁷⁵. В 1806 г. коллежский ассессор и верхотурский именитый гражданин Алексей Васильевич Зеленцов получил разрешение Сената купить у тайного советника П.Г.Демидова «железодолаемые» заводы, «...состоящие в Пермской губернии, а имянно: в Екатеринбургской округе Ревдинской, в Красноуфимской Бисертской и в Оханской Рождественской и вновь выстроенной Верхнерождественской...»⁷⁶.

Интересным источником для изучения родословий являются исповедные росписи. Поэтому не удивительно, что в исповедной росписи Архангельской церкви Ревдинского завода за 1812 г. мы находим такую запись: «...6) Здешняго господина завододержателя коллежского ассессора Алексея Васильева Зеленцова жена Евдокия Михайлова – 55 лет, дети ее: коллежский ассессор Александр Алексеев – 28 лет, губернский секретарь Алексей Алексеев – 26 лет, губернский секретарь Платон Алексеев – 25 лет, губернский секретарь Михайло Алексеев – 23 лет, Аполлон – 16 лет, Аполлинария – 17 лет. Мать ее вдова купеческая жена Евдокия Иванова Походяшина – 82 лет, внучка ее купеческая дочь Августа Алексеева Попова – 13 лет, живущая при ней поповская дочь девица Наталья Васильева – 28 лет. Берггауптмана

Семена Михайлова Походяшина дети: Вера – 5 лет, Надежда – 2 лет. Вдова коллежская ассесорша Евдокия Иванова Барбот де Марни – 31 лет, дети ее: Николай Николаев – 5 лет, Раиса – 13 лет, Елисавета – 6 лет, мать ее вдова купеческая жена Параскева Николаева Зеленцова – 58 лет...»⁷⁷.

Как видим, все вышеперечисленные лица находились в родственных отношениях и поэтому проживали на одном дворе. Здесь мы находим подтверждение того, что Евдокия Ивановна Походяшина является матерью Евдокии Михайловны и Семена Михайловича Походяшиных. Евдокия Ивановна названа «купеческой женой». Отсюда можно предположить, что и Михаил Максимович Походяшин был верхотурским купцом. Судя по записи, сыновья Зеленцовых, а правнуки Максима Михайловича, являлись государственными чиновниками. Надо сказать, что в XIX в. фамилия «Зеленцовы» встречается среди горных инженеров. Очевидно, это потомки М.М.Походяшина по женской линии. Через Зеленцовых Походяшины находились в родстве и с такой известной фамилией, как Барбот де Марни. В ревизской сказке купцов и мещан г.Верхотурья за 1850 г. сказано, что жена Алексея Васильева Зеленцова – Авдотья Михайлова «с 1835 г. находится в неизвестной отлучке»⁷⁸.

В метрической книге Максимовской церкви Турьинских Рудников за 1799 г. мы находим запись от 23 октября, что у живущего в Суходойском руднике верхотурского мещанина Павла Филиппова Мелькова родился сын Константин, восприемником которого был маркшейдер Семен Михайлов Походяшин. Казалось бы, какая связь между Мельковым и Походяшиным? В большинстве случаев восприемниками являлись ближайшие родственники. Это подтверждает запись в исповедной росписи Богословского завода за 1801 г.: «Верхотурский купец Григорий Филиппов Мельков – 34 лет, ...мать его вдова Устинья Максимова – 60 лет...»⁷⁹. Судя по отчеству и возрасту, Устинья являлась дочерью Максима Михайловича Походяшина, сестрой Михаила и теткой Семена Михайловича. Так семья Походяшиных породнилась с другими верхотурскими купеческими семьями: Зеленцовыми и Мельковыми.

В тех же «Очерках истории и культуры города Верхотурья...» опубликован синодик Иоанно-Предтеченской церкви Верхотурья конца XVIII – начала XIX в., в котором есть поминальная запись «рода господ заводчиков Походяшиных». Здесь встречаются уже знакомые нам имена, много новых имен, среди которых имена

священников, очевидно, относящихся к ветви, идущей от Ивана Дмитриевича Походяшина⁸⁰. Упоминается иеромонах Иоасаф Походяшин, который в 1736–1738 гг. был наместником Верхотурского Николаевского монастыря⁸¹. При нем, в 1736 г., был достроен и освящен каменный Николаевский храм⁸². Кто скрывается под монашеским именем Иоасаф, пока не известно. Или это уже известный нам человек, или новое лицо. Какое-то родственное отношение к Походяшиным имела и верхотурская купеческо-мещанская семья Клевцовых⁸³. Назван родственником Походяшиных и верхотурский мещанин Петр Каргаполов, работавший штейгером на Турьинских рудниках во 2-й половине XVIII в.

О большом значении семьи Походяшиных в истории Верхотурья говорит тот факт, что эту фамилию, очевидно при крещении, взяли ясачные вогулы Лялинской волости Верхотурского уезда. Один из них, Афанасий Евстафьевич Походяшин, будучи уже мастеровым, был похоронен в 1810 г. на старом кладбище Богословского завода⁸⁴.

В заключение хотелось бы еще раз процитировать М.М Громыко: «Незаурядная семья Походяшиных заслуживает внимания историка в силу сложной и многозначной деятельности ее представителей в разных областях общественной жизни России»⁸⁵. Действительно, в период с 70-х гг. XVII в. и до 30-х гг. XIX в. верхотурская семья Походяшиных представлена практически всеми социальными слоями тогдашней России. Здесь духовенство и посадские, казаки и купцы, мещане и дворяне. Были среди них заводчики и монахи, военные и священники, горные и гражданские чиновники, просветители. Чтобы лучше понять значение семьи Походяшиных в истории Урала и России, нужна дальнейшая работа в архивах Екатеринбурга, Тобольска и Перми, Москвы и Петербурга.

Примечания:

¹Дмитриев А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. Вып.1. С.38.

²Болотов А.Т. Памятник протекших времен или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737-1796. Тула, 1988. Т.2. С.373.

³Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь, 1890. С.64-65.

⁴Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1844. С.68; Чупин Н.К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. 1873. Т.II. № 5. С.333.

- ⁵Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч.2. С.166-167.
- ⁶Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской АН. СПб, 1786. Ч.2. Кн.1. С.277.
- ⁷Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.234-236; Чупин Н.К. О начале и развитии... С.332.
- ⁸Чупин Н.К. О начале и развитии... С.331.
- ⁹Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России // Собрание сочинений. М., 1995. Т.1. С.600-603.
- ¹⁰Там же. С.65.
- ¹¹Энциклопедический словарь, изд. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб, 1898. Т.24а. С.764; Русский биографический словарь. СПб, 1905. С.725.
- ¹²Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда. Пермь, 1910. С.224.
- ¹³Любомиров П.Т. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С.360.
- ¹⁴Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводладельцы. М., 1962. С.242.
- ¹⁵Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. С.52.
- ¹⁶Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения. 1969). Новосибирск, 1973. С.137.
- ¹⁷Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVIII – начало XX века. Свердловск, 1981. С.109.
- ¹⁸Чудиновских В.А. Походяшин М.М. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С.424.
- ¹⁹Золотарев Б. М., Литвинов Н. Т. Церковь святых Петра и Павла. Североуральск, 1990. С.4.
- ²⁰Корепанов Н.С. Ирбит и Ирбитская ярмарка в XVIII веке // Очерки истории Урала. Выпуск XX. «Ирбитская ярмарка». Екатеринбург, 2003. С.51.
- ²¹Иванов А.В. Message: Чусовая. СПб., 2007. С.152-153.
- ²²Неклюдов Е.Г., Рукосуев Е.Ю., Курлаев В.П., Микитюк В.П. Предприниматели Урала XVII – начала XX века. Справочник. Выпуск 1. Уральские горнозаводчики. Екатеринбург, 2013. С.65.
- ²³ГБЛ. Ф.218. Собрания отдела рукописей. № 547. Л.18.
- ²⁴РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.509. Л.256об.
- ²⁵РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1539. Л.42об.
- ²⁶Там же. Д.1508. Л.20об.
- ²⁷РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1508. Л.77об.
- ²⁸Там же. Л.314.
- ²⁹ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.464. Л.1-7об.
- ³⁰РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1501. Л.137об.
- ³¹ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.464. Л.78.

- ³²РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.582. Л.15.
- ³³Там же. Л.101об.
- ³⁴Громыко М. М. Верхотурские купцы Походяшины... С.139, 140; РГАДА. Ф.1467. Оп.1. Д.238. Л.2об.
- ³⁵ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2958. Л.8.
- ³⁶ГАСО. Ф.491. Оп.1. Д.46. Л.9.
- ³⁷Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1827. Ч.1. С.855.
- ³⁸ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.563. Ч.2. Л.157об.
- ³⁹Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения. 1969). Новосибирск, 1973. С.139, 140; РГАДА. Ф.1467. Оп.1. Д.238. Л.2об.
- ⁴⁰Любомиров П.Т. Очерки по истории... С.256.
- ⁴¹ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2480. Л.3, 3об.
- ⁴²Там же. Д.1598. Л.154об.
- ⁴³Ермачкова Е.П. Максим Походяшин – основатель Уковского завода // Словцовские чтения – 2005: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С.67-68.
- ⁴⁴Бессонов М.С. Походяшины – основатели поселка Заводоуспенского // Весн. Ирбит, 2003. № 4. С.12 – 13.
- ⁴⁵Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины... С.141; РГАДА. Ф.1467. Оп.1. Д.14. Л.96; Д.61. Л.294.
- ⁴⁶ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1463. Л.197.
- ⁴⁷Там же. Оп.12. Д.3125. Л.75, 259.
- ⁴⁸Там же. Оп.1. Д.1719. Л.86; Д.1734. Л.178; Д.1852. Л.117.
- ⁴⁹Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. Пермь, 1911. Отдел VII. Горные заводы и промыслы Урала. С.484-485.
- ⁵⁰Металлургические заводы Урала XVIII-XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С.384.
- ⁵¹Участкина З.В. Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С.128.
- ⁵²Павлов В. Люди и книги. Опыт «инвентаризации» уральского книгопечатания // Урал. Екатеринбург, 2003. № 3.
- ⁵³ГАСО. Ф.24. Оп.2. Д.264. Л.38 об.; Ф.59. Оп.3. Д.1762а.
- ⁵⁴Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 16 января 1898. №2. Отдел неофициальный. С.25.
- ⁵⁵Государственный архив в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.1. Д.2501. Л.12, 24-24 об.; Д.2748. Л.5.
- ⁵⁶Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.300-301, 314.
- ⁵⁷ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.19об.
- ⁵⁸Громыко М. М. Верхотурские купцы Походяшины... С.148; ГАТОТ. Ф.156. Оп.1. Д.146. Л.1, 67.
- ⁵⁹ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1734. Л.152.

- ⁶⁰Киприн В., Шаляпина Т. Нескучный сад // Москва. М., 1989. № 1. С.146.
- ⁶¹РГИА. Ф.515. Оп.7. Д.16.
- ⁶²История Москвы. М., 1954. Т.3. С.72.
- ⁶³Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С.31.
- ⁶⁴Гаршин Е. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. СПб., 1887. Т.29. С.638.
- ⁶⁵Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины... С.149.
- ⁶⁶Чупин Н.К. О начале и развитии... С.327.
- ⁶⁷ГАСО. Ф.24. Оп.31. Д.6006. Л.2-24, 176-182об.
- ⁶⁸Там же. Ф.59. Оп.7. Д.304.
- ⁶⁹Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С.259, 309; ГАСО. Ф.767. Оп.1. Д.1.
- ⁷⁰Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С.86; ГАСО. Ф.12. Оп.1. Д.258. Л.20об.
- ⁷¹ГАПК. Ф.37. Оп.2. Д.242. Л.10об.
- ⁷²Бессонов М.С. Походяшин – внук Походяшина // Первые Походяшинские чтения. Региональная краеведческая научно-практическая конференция. 3-4 июля 2003 г., Верхотурье. Екатеринбург, 2005. С.24.
- ⁷³ГАСО. Ф.6. Оп.1. Д.65. Л.257об.
- ⁷⁴Государственный архив в г.Тобольске. Ф.И154. Оп.20. Д.2454. Л.21об.
- ⁷⁵Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С.134.
- ⁷⁶ГАСО. Ф.24. Оп.3. Д.127. Л.44.
- ⁷⁷ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.7081 (Листы дела не пронумерованы).
- ⁷⁸Там же. Д.282. Л.127.
- ⁷⁹Там же. Ф.6. Оп.3. Д.3 (Листы дела не пронумерованы).
- ⁸⁰Очерки истории и культуры... С.134.
- ⁸¹ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.683. Л.170об.
- ⁸²Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Екатеринбург, 16 января 1898. № 2. С.25.
- ⁸³ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.1.
- ⁸⁴Там же. Д.12. Л.342об.
- ⁸⁵Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины... С.137.

Акилова Ангелина Архиповна

Невьянский период жизни Григория Демидова. 1715-1731 гг.

В ноябре 1715 года исполняется 300 лет со дня рождения Григория Акинфиевича Демидова, основателя первого на Урале научного

учреждения – оранжерейного ботанического сада в городе Соликамске. Соликамцы чтят память Г.А.Демидова. Создан Демидовский клуб, проводятся исторические Демидовские чтения и научно-практические конференции. В 2001 году на стене церкви Иоанна Предтечи, где в 1731 году венчался Г.А.Демидов с А.П.Суровцевой, была установлена мемориальная доска, на которой изображен портрет Григория Демидова с ананасом в руках, в честь 270-летия первого в России ботанического сада. Созданный в 1994 году Анатолием Михайловичем Калининым питомник декоративных культур, с 2008 года носит наименование «Мемориальный ботанический сад Г.А.Демидова». С 2011 года ведется работа по созданию «Демидовской энциклопедии» – справочного издания, которое было подготовлено к 300-летию Григория Демидова и вышло в сентябре 2014 года.

Белым пятном пока остается невьянский период жизни Григория Демидова, где 14 ноября 1715 года он родился, провел детство, отрочество и жил вплоть до 1731 года, до отъезда в Соликамск. Нам, невьянцам – жителям «Демидовского гнезда», интересно узнать, как был устроен господский дом, кто и как в нем проживал, как воспитывали и чему учили детей горнозаводчика. Скучны сведения о частной жизни семьи Акинфия Никитича Демидова, их быте, окружении, увлечениях, семейных отношениях, домашнем обучении детей. Потому наша задача – собрать по крупицам любые свидетельства о частной жизни семьи Демидовых на Невьянском заводе в период 1715-1731 годов.

Современные исследователи проявили значительный интерес к личностям династии Демидовых. Одним из монументальных исследователей стал Бернгард Борисович Кафенгауз, автор «Истории хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв. Опыт исследования по истории Уральской металлургии». Он писал: «Внимание историков и исследователей направлялось на историю государственных учреждений, заводов, военного искусства. В меньшей степени их привлекали вопросы социального развития России, личной жизни». Историк В.О.Ключевский (1841-1911) заметил, что «наш XVIII век еще остается в научной полутьме».

Впервые биографические данные рода Демидовых, разбросанные по различным изданиям, были сведены воедино в работе «Род дворян Демидовых» Константином Дмитриевичем Головщиковым. В книге Вильяма де Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов 1735

г.» размещены рисунки Невьянского, Шуралинского, Быньговского, Верхне-Тагильского, Выйского заводов. На рисунке Невьянского завода обозначен господский дом, каменная башня и деревянная церковь в окружении деревянной крепостной стены с башенками. Описание господского дома встречается и у П.С.Палласа в «Путешествии по разным местам Российского государства в 1770 году».

В 1991 году доктором исторических наук Анастасией Семеновной Черкасовой в городе Екатеринбурге было основано научное, культурно-просветительское общественное объединение «Демидовский институт». «Документы – самый надежный свидетель эпохи» – к такому выводу пришли единомышленники и коллеги А.С.Черкасовой. В этом стиле вышли два тома исторического альманаха «Демидовский временник» в 1994 г. и 2008 г. О наиболее известных представителях династии горнозаводчиков, их вкладе в развитие промышленности, общественной и культурной жизни рассказывает Игорь Михайлович Шакинко в книге «Демидовы. Историческое повествование с портретами».

Наиболее подробные документальные сведения о жизни Григория Акинфиевича Демидова можно почерпнуть в исследованиях Игоря Николаевича Юркина «Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства», «Демидовы. Столетие побед», а также в книгах доцента кафедры архивоведения исторического факультета УрФУ, кандидата исторических наук Елены Павловны Пироговой «Библиотеки Демидовых». В «Альманахе Международного Демидовского фонда» с 2001 года публикуются собранные воедино материалы традиционных Демидовских чтений. Уделяется внимание генеалогии рода Демидовых.

Указом Петра I от 4 марта 1702 года казенный Невьянский завод был передан Никите Антюфееву (Демидову). На Урал из Тулы был отправлен старший сын Акинфий Никитич Демидов 24 лет от роду. Вскоре было принято решение отправлять на Урал всю семью. В донесении от 19 февраля 1704 года в Ямской приказ Никита Демидович Антюфеев сообщал, что он отпускает своего сына Акинфия с женой и детьми, четырьмя работниками и провожатым в Сибирь. Акинфию в это время было 26 лет. Работники ехали тоже с семьями, так что уже в первые десятилетия в заводском поселении сложился детский мир, который впитывал все, что видел и слышал, по-своему осмысливая и переживая прошлое и настоящее.

Более 20 лет (1702-1726 гг.) главным производственным объектом на Урале и резиденцией заводовладельцев был Невьянский завод. Для постоянного проживания семьи был выстроен обширный господский дом. В переписной книге Верхотурского уезда по итогам переписи населения Невьянского завода от 23 июля 1710 года указано: «Казенный двор, в нем живущих людей: мужеска полу 21 человек, женска полу 14 человек» [11]. Кроме семьи Акинфия, состоявшей тогда из шести человек, при нем были записаны еще семь рабочих людей, исполнявших роль обслуживающего персонала.

К 1717 году вокруг завода и хозяйского дома была возведена крепость. По изображению её в рукописной книге В.де Геннина, крепость была прямоугольной. Внутри крепость была застроена относительно свободно: небольшую её часть занимал завод, в центре размещались «величавый и обширный», по описаниям П.С.Палласа, двухэтажный каменный «хозяйской» дом с двумя флигелями и конторой, деревянная церковь, торговые лавки, амбар «для клажи, где медная и протчая здешняя работа продается» и заводская колокольня «двадцати семи сажень вышиною с колокольною музыкой», а также сад, оранжерея, постоялый двор и даже зверинец [5, с. 225].

Характерно, что все здания, включая доменные корпуса, были выстроены капитально. Жилые каменные дома в крепости имели чугунные крыльца, а дом заводовладельца был обнесен кирпичной оградой с «железными дверьми». Сохранилось несколько описаний господского дома. Вот как описывает его К.Д.Головщиков: «На заводе, находившемся в Екатеринбургском уезде ... до сих пор можно видеть стародавний дом Никиты Демидова, в нем хранится множество бумаг. В этом доме... устроена была Никитою Демидовым, не знавшем отдыха себе и не терпевшим ленивых, акустика, дававшая ему возможность слышать всё, что говорилось и делалось за несколько комнат. Дом этот построен весь из камня, железа и дуба; стены двухаршинной толщины и до сих пор ничто не изменилось в нем со времен первого владельца. Узкие окна, узкие чугунные лестницы, поставцы в стенах, балконы, на которых может стоять лишь один человек, всё напоминает о давно прошедших днях» [2]. Господский дом, сводчатые потолки которого описывали многие в нем побывавшие, благополучно простоял до страшного пожара 1890 года.

В переписной книге Невьянского завода от декабря 1721 года записано: « Во остроге камиссара Никиты Демидова двор, в нем живет

камиссар Никита Демидов, сказал себе от роду 65 лет, у него сын Акинфей 40 лет, у Акинфея жена Афимия Иванова дочь (Пальцева-авт.) 30 лет; детей, Прокопей 9 лет, Григорей 6 лет, Иван 16 недель. У него же домовые люди». Всего при хозяйском дворе записано 34 человека, в том числе 9 детей, сверстников Прокофия и Григория [14]. К сожалению, невьянский заводской архив погиб в пожаре, поэтому сведения о жизни и деятельности Акинфия Никитича Демидова исследователи черпают из документов, сохранившихся в других архивах, или из свидетельств современников.

В 1726 году, в год получения дворянства, Акинфий купил дом на Стрелке Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Дом был большим, в три этажа. Принадлежал потомкам до 1800 года.

Как уже отмечалось, 14 ноября 1715 года в господском доме Невьянского завода родился Григорий Акинфиевич Демидов. Родители были довольно молодыми: Акинфию – 37 лет, а Ефимии Ивановне – 27 лет. Они были полны жизненных сил.

Чуть раньше Григория, 29 октября 1715 года у Петра I и Екатерины родился долгожданный наследник престола Петр Петрович (1715-1719). По старинному русскому обычаю родственники и знатные особы при поздравлении роженицы дарили ей подарки. Не стал исключением и Никита Демидов. Он преподнес императрице 100 тысяч рублей и замечательные золотые вещи, которые были найдены в древних Сибирских курганах. Подарок этот заинтересовал царя. Он отдал приказ губернатору Сибири собирать древние золотые изделия и присылать их в Петербург для музея. Так родилась не только Сибирская коллекция Петра I – гордость Эрмитажа, но и российская археология [6, с. 124-125]. В октябре 1715 года родился еще один знаменитый мальчик внук Петра I Петр Алексеевич – будущий император России Петр II (1715-1730). Думается, что и рождение Григория Демидова было отмечено в семье по достоинству.

Воспитанием и образованием детей в семье Акинфия Демидова, вероятнее всего, занималась мать Ефимия Ивановна, довольно молодая еще женщина. Как правило, с первых дней жизни ребенка родители приучают его к определенному режиму, порядку, учат говорить. Особенно велика в этот период роль матери – естественной воспитательницы.

Годы раннего детства Прокофия и Григория были заполнены напряженной деятельностью деда и отца по выполнению казенных заказов (железа и вооружения) для государства и армии в период

тяжелой и длительной Северной войны 1700-1721 годов. Акинфий был занят производством. Он строил и запускал в действие новые передельные железоделательные заводы: Шуралинский (1716), Быньговский (1718), доменный и передельный Верхне-Тагильский (1718-1720), расположенные вблизи Невьянского завода. Строился и в 1721 году был пущен Вогульский медеплавильный, а затем и доменный Нижне-Тагильский заводы. Повседневная жизнь заводладельцев, ее нервный ритм напрямую затрагивала семью, а значит, у детей складывалось впечатление, что без заводов жизнь, несомненно, была бы более спокойной. Не случайно Акинфий Демидов в прошении на имя императрицы в октябре 1741 года доказывал правомерность своего проекта завещания о передаче всех заводов младшему сыну Никите тем, что старшие – Прокофий и Григорий – «не имеют охоты к размножению и содержанию заводов». Отец приучал своих сыновей к организации производства, брал их в поездки по заводам. Слова Прокофия о «сибирском воспитании» предполагают о приобщении детей к заводским делам с младых лет.

Семья вела патриархальный образ жизни, видимо, поэтому поблизости от господского дома была выстроена деревянная Спасо-Преображенская церковь. Весь уклад жизни семьи, единство взглядов её членов оставляют глубокий след в сознании детей, имеют большое воспитательное значение. Акинфий Никитич очень серьезно относился ко всему, что было связано с жизнью семьи, с продолжением Демидовского рода. Дети могли общаться с дедом Никитой Демидовым, приезжавшим на Урал с целью помощи сыну Акинфию в строительстве новых заводов. Со сверстниками из дворовых людей, а их согласно переписи 1721 года насчитывалось 9 человек, сыновья Прокофий и Григорий наверняка играли в народные игры.

Воспитание – передача общественно-исторического опыта новым поколениям с целью подготовки их к общественной жизни и производительному труду. Дети ремесленников в начале XVIII века получали подготовку к жизни и основы образования в своих семьях. Основными книгами в обучении были азбука, букварь, псалтырь, часослов. До начала XVIII века в России не было государственных светских учебных заведений с необходимым набором уже известных в мире математических, физических и гуманитарных дисциплин. Сам патриархальный уклад российской жизни еще не созрел для такого новшества.

Домашнее обучение грамоте «книжное учение» начиналось с азбуки и букваря. После овладения знаниями чтения букв, переходили к чтению Часослова и Псалтыри. Часослов – богослужебная книга с церковными часами с полунощницей, утренней и вечерней. По нему читали небольшие молитвы на разное время суток и разные случаи жизни. Далее приступали к чтению Псалтыри. Это библейская книга Ветхого Завета и состоит из 150 псалмов. Псалтырь была переведена на славянский язык просветителями Кириллом и Мефодием.

Рассмотрим другие возможные учебные книги, которыми могли пользоваться дети Акинфия Демидова. В первой четверти XVIII века использовались Азбука Василия Бурцева (1634 г.) и Букварь Кариона Истомина (1694 г.). В течение второй половины XVII века в Москве было издано около 300 тыс. печатных букварей. Букварь К.Истомина на каждую букву алфавита имел рисунки предметов, названия которых начинаются на изучаемую букву. Вот, к примеру, буква «К»:

Киты суть в морях, кипарис на суше,
юный, отверзай в разум твоя уши.
В колесницу сядь, копием борися,
конем поезжай, ключом отоприся...

Тут же были нарисованы и кит, и кипарис, и конь с коровой.

При чтении дети и взрослые пользовались буквами церковнославянской азбуки. Читать на этом языке было сложно, особенно детям. Поэтому в 1708 году Петром I была введена гражданская азбука, были упрощены начертания букв, устранены надстрочные знаки и лишние буквы.

В XVIII веке Россия достигла заметных успехов в культурном развитии, чему способствовали Петровские реформы просвещения. Были написаны первые учебники. Великий Ломоносов «вратами учености» назвал Грамматику Мелетия Смотрицкого и Арифметику Леонтия Магницкого. В учебнике Смотрицкого (1619 г.) впервые в отечественном языкознании представлен полный курс грамматики. Автор предназначал свой труд учителям, обращая внимание на роль грамматических знаний при обучении письму и чтению славянских текстов. Своим учебником Смотрицкий заложил основы современной грамматики, терминологии, и, что еще важнее, утвердил единые для своего времени грамматические нормы литературного языка. Грамматика М.Смотрицкого сохранялась в качестве школьного учебника более 130 лет, до появления Грамматики Ломоносова в 1755 году.

Л.Ф.Магницкому было поручено написать учебник по математике. В 1703 году «Арифметика, сиречь наука числительная» вышла в свет. Книга использовалась для самообразования, так как написана в интересной и популярной форме: остроумные формулировки задач и необычные способы решений; примеры, взятые из жизни. Некоторые задачи автор сопровождал рисунками. «Арифметика» Магницкого тоже открывалась стихами. Она вышла в 1708 году и начиналась такими строчками: «Арифметике любезно учися, в ней разных правил и штук придержиися...». Из «Арифметики» Магницкого до нас дошли и до сих пор существуют такие обозначения как: сумма, числитель, знаменатель, диагональ, меридиан, географические широта и долгота и др. До середины XVIII века это был основной учебник по математике.

В 1709 году Никите Демидову думный дьяк Андрей Виниус подарил книгу «Книга православное исповедание веры соборная и апостольская церкви восточная». Она имела вклеенный лист, содержащий стихотворную дарственную надпись, первые буквы строк которой, написанные красными чернилами, образовывали акростих: «Комиссару Никите Демидовичю». Получатель книги был, как принято считать неграмотен. Подтверждением этому считается отсутствие автографов и прямое свидетельство на этот счет хорошо знавшего его В.Н.Татищева. В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищах» он писал: «Мы все знали кузнеца, а потом дворянина Никиту Демидова, который грамоте не учен, но другие ему Библию читали, он все, в памяти достойные, в которой главе стих не токмо сказать, но пальцем место указать мог». Неумение читать не слишком мешало Демидову приобретать знания, особенно значительный интерес у него вызывала литература духовного содержания. Подарок думного дьяка А.Виниуса был оценкой культурных и духовных запросов Никиты Демидова, выходявших за пределы предпринимательства.

Акинфий Никитич грамотой владел, умел читать и писать. В его деловой переписке можно увидеть множество практических советов, рационализаторских предложений по технологии горно-металлургического производства. Акинфий был первым из Демидовых, кто начал собирать книги, коллекции по минералогии, картины.

24 марта 1726 года императрица Екатерина I подписала Указ о присвоении Демидовым дворянского звания. Тогда же был пожалован

и герб, на котором изображены три рудоискательные лозы и серебряный молот. Это накладывало на семью и обязанность получать регулярное образование.

Акинфий Демидов обладал значительной по объёму библиотекой. Согласно «Описи генеральной» 1745 года «книг русских и немецких» у него было 441, что означало крупное по тем временам книжное собрание [7]. Значительную часть этой библиотеки составляли богослужебные и учебные книги. Но большей частью она состояла из широкого круга светской литературы по истории, географии, философии, книг познавательного и развлекательного чтения (описаний фейерверков, коронации Анны Иоанновны, даже оперные либретто и др.). Особое место в этом книжном собрании занимала литература по горному делу, металлургии, механике, кораблестроению, навигации, экономике и финансам. Состав книжного собрания характеризует Акинфия Демидова и его семью как любознательных людей с широким кругом интересов. Сыновья Акинфия Прокофий, Григорий и Никита будут представлять первое по-настоящему «книжное» поколение Демидовых.

Наличие учебной литературы в собрании Акинфия Демидова насчитывало: псалтырей учебных – восемь, часословов – тринадцать, азбук учебных – семь, что позволяет предположить, что эти книги использовались для обучения сыновей в семье и детей в заводской школе. В «Памяти» Петра I от 1702 года о передаче Невьянского завода Никите Демидову указывалось, чтобы при его заводах на собственные деньги «однолично деткам школы были бы построены и работников добрых и смышленных к тому делу у домен и у руд, и у угольного жжения учить, чтоб и впредь за оскудением людей остановки и никаких вредительских причин не учинилось».

Первая цифирная частная школа на Урале была открыта при Невьянском заводе в декабре 1709 года. По словам известного историка Сибири Петра Андреевича Словцова в «Историческом обозрении Сибири» эта школа предназначалась «для грамоты, для счисления и руководства к заводскому делу». Цифирная (арифметическая) школа в Невьянске стала одним из первых учебных заведений в стране, где разрешалось учиться детям рабочих людей. Ее образовательный уровень был к тому времени достаточно высок: ученики изучали не только грамматику, арифметику, чистописание и Закон Божий, но и начальную словесность, историю, географию, черчение и статистику. Школа готовила приказчиков, счетоводов и

других заводских служащих. После смерти Акинфия Никитича Демидова и раздела наследства в 1758 году школа была переведена на Нижнетагильский завод. На основе этой школы было организовано заводское училище.

Цифирные школы – начальные школы с математическим уклоном, были основаны в России в 1714 году для обучения детей дворян, купцов и чиновников «цифири и некоторой части геометрии». В Екатеринбурге первая цифирная школа была открыта на Уктусском заводе В.Н.Татищевым в 1721 году. А в марте 1724 года местный заводской комиссар Ф.Нехлюдов подписал письмо уктусскому учителю Петру Рыбникову «О приезде со школою в Екатеринбург». В.Н.Татищев лично разработал инструкцию «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах», которая считается первой в истории России программой профобучения. Школьные выпускники поступали на мастерские должности, а частью шли в ученики механические, лабораторные, лесных надзирателей, маркшейдерские и др. Татищев разработал серьезную программу школьного строительства на Урале. Он вел постоянную переписку с Академией наук по научным вопросам о присылке на уральские заводы учителей, учебников, пособий, приборов и инструментов. Его образовательный проект опережал время почти на семьдесят лет.

Не получив систематического образования, в связи с его отсутствием в стране, Прокофий и Григорий, а затем и младший брат Никита Демидовы многому научились, живя на Невьянском заводе. Помимо общей грамоты – умения читать книги и писать письма – они постепенно овладевали различными техническими умениями и навыками и даже элементами дворянского воспитания. Прокофий Акинфиевич вспоминал, как в молодости учился «на лапирах битца», то есть фехтовать [8,303].

Интереснейшей находкой сотрудников библиотеки Нижне-Тагильского музея является книга Лаврентия Ланга «Ежедневная записка пребывания агента (Ланга) при дворе Пекинском». В ней описывалось путешествие автора в Персию и Китай в 1718 году. Лист белой бумаги, переплетенный вместе с книгой, заполнен пространством отзывом Никиты Акинфиевича Демидова: «Прямо сей неутомимый вояжир и хороший описатель господин Ланг достоин похвалы – за толикие труды свои. А сего отменного трудолюбца я персонально имел знать по возвратному его приезду к покойному отцу моему в Сибире на заводе нашем Невьянском, где оной до шести недель

продолжал свою бытность». Позднее Лаврентий Ланг в 1719-1735 годах трижды побывал в Китае в качестве секретаря русского посольства. Отзыв Н.А.Демидова ценен для исследователей тем, что проливает свет на некоторые факты биографии Демидовых [4].

Известно, что в 1729 году Акинфий Демидов купил в Соликамске четыре солеварни, которые с 1705 года не работали, и их необходимо было запустить в действие. Решено было направить туда 16-летнего сына Григория Акинфиевича. Делая вывод из вышесказанного, можно с уверенностью сказать, что не мог Акинфий Никитич отправить в 1731 году своего, еще довольно молодого, сына в самостоятельную жизнь без образования и соответственной практической подготовки по управлению хозяйством в Соликамске. Воспитываясь в семье на Невьянском заводе, Григорий Демидов получил всесторонне широкое образование и воспитание, обладал покладистым характером и практическими навыками. Б.Б.Кафенгауз в своей работе «История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.» отмечал, что Григорий Акинфиевич известен читателям гораздо меньше, чем его братья. Сведений о нем нет ни у биографов рода Демидовых, ни в Русском биографическом словаре. Только историк Великий князь Николай Михайлович Романов написал о нем несколько строк: «...Свою сравнительно недолгую жизнь Г.А.Демидов посвятил расширению горных промыслов, оставленных ему отцом, и к полученным в наследство четырем горным заводам он прибавил еще два, устроенные им самим. Он, по-видимому, был человеком, понимающим цену просвещения, ибо не только щедро благотворил Московскому университету, но и дал самое тщательное образование сыновьям». Следует добавить, что и дочерям тоже.

Как часто и повсеместно мы не замечаем тех, кто рядом с нами обладает каким-либо даром, но не оценен окружающими. И как справедливо заметил А.С.Пушкин по этому поводу: «Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...». В исследовательской работе собраны и обработаны материалы о родовом гнезде Демидовых на Урале – господском доме при Невьянском заводе, семейном укладе, воспитании и образовании детей в период 1715-1731 годов. Записи в Переписной книге от декабря 1721 года дают нам сведения о составе семьи Демидовых и позволяют утверждать, что Григорий Демидов родился на Урале, на

Невьянском заводе. Здесь он воспитывался и получил первоначальное образование.

Информационные источники:

1. Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г. Вильям де
2. Геннин. - М.: Изд. «История заводов», 1937; Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых / К.Д. Головщиков. - Ярославль, 1881.
3. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории Уральской металлургии. Т.1 / Б.Б. Кафенгауз. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949 – 525 с.
4. Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил / сост.: И.Г. Семенов, Л.П. Малеева - 3-е изд., перераб. и доп. - Екатеринбург: Баско, 1995. - С.54.
5. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства в 1770 году / П.С. Паллас. – СПб: При Имп. Академии наук, 1786 – 225 с.
6. Пиотровский, М.Б. Эрмитаж и Демидовы / М.Б. Пиотровский // Альманах Международного Демидовского фонда. – М.: Классика, 2001. – С.124-125.
7. Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых. – Екатеринбург: «Сократ», 2000. – С.208.
8. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – С.303-304.
9. Рыбин В.И. Первая школа на Урале. Календарь-справочник Свердловской области 1969 г. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1968.- 207 с.
10. Черкасова А.С. Ваши особые научные познания... известны мне / А.С. Черкасова // Демидовский временник. Кн. 1. - Екатеринбург, 1994. - С.10-30.
11. Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства / И.Н. Юркин. - М.: «Наука». 2001. - С.26, 38-39.
12. Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед / И.Н. Юркин. - М.: Молодая гвардия, 2012. - С.287, 324-327.
13. Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус – М.: Наука, 2007. - С.249-259.
14. РГАДА. Ф.271, оп.1, кн.1394, л.243- 244.

Андруховский Феликс Иосифович

**Воспоминания о Новолялинском бумажном комбинате
за период с 1913 года по 1918 год**

В сентябре 1913 года, согласно письму бывшего в то время директора бумкомбината Карла Карловича Бергстрема, я приехал с Украины в Лялю в качестве мастера механической мастерской.

Строительство комбината в то время находилось в следующем состоянии: было построено 12 жилых домов, делали прочистку леса для постройки домов на участке, где сейчас проходит улица Ленина. Установлены были колонны и покрыта крыша бумажной фабрики, а стенки заливались бетоном и выкладывались кирпичом внутри корпуса. Силовая станция была обшита опалубкой и крыша была приготовлена для заливки бетоном. Котельное отделение - кирпичный корпус - уже был выложен, крыли крышу и подготавливали фундамент год котлы. Насосная станция находилась в таком виде: долбили колодец, и была сделана деревянная обшивка с железной крышей и печкой для отопления при укладке кирпичом корпуса, так как уже наступила зима, а стенок еще не было. Механическая мастерская (в то время она считалась ремонтной мастерской) - корпус был готов, вставляли окна, двери, настилали полы и крыли крышу. Лесопильный завод - кончали сруб корпуса, крыли крышу, строили транспортеры, опилотаски и эстакады для укладки пиломатериалов.

Дома на Береговой улице были заселены исключительно администрацией и учреждениями, а для рабочих были построены большие казармы (некоторые из них и до сего времени сохранились и переделаны на многоквартирные дома). Кроме того, многие из вновь поступающих рабочих строили себе бараки, а то и землянки, и так жили. Например, высококвалифицированный медник-слесарь Костылев, который погиб в гражданскую войну и похоронен в братской могиле, в 1913 году построил землянку на берегу реки Ляли, где сейчас выгружаются баланс бумажной фабрики и жил там около года. Так делали многие.

Индивидуальная стройка, начиная с 1913 года, особенно быстро развивалась около станции и в Теребиловке. Вблизи станции больше всего строились спекулянты, а в Теребиловке - шулеры и живодеры. Так, уже в 1914 году около станции появилось много всяких мелких торговцев промтоварами, продовольствием и всякой мелочью, а в Теребиловке можно было получить всякие законные и незаконные удовольствия - тут и водка, и картежная игра, и танцы и т.д. А чаще всего было так, что если после полочки человек пошел в Теребиловку провести весело время, то оттуда он приходил домой без копейки и с подбитыми глазами. Поэтому в 1913 году этому району и дали название "Теребиловка", так как там действительно "теребили" подчистую и безбоязненно. Полиция не вмешивалась, а если после необходимости вынуждена была вмешаться, то выходила оттуда с

полными карманами и удовлетворенная, а виновных оставляла безнаказанными. Только уже в 1914 году там начали строить свои дома честные рабочие города.

Вот в таком положении в 1913 году я застал строительство города Новая Ляля. Однако, мои воспоминания больше всего будут относиться к монтажу и установке машин и оборудования. Причём следует отметить, как было организовано строительство предприятия. Поселок Новая Ляля относился к Николо-Павдинскому акционерному обществу, которое являлось хозяином Новой Ляли, Старой Ляли, Кытлымских приисков и Лобвы.

Строительство бумкомбината по договору проводило Петербургское акционерное общество железобетонных сооружений. В договор этого общества входило: построить сроком до 1 января 1914 года железобетонные корпуса - со всей обстановкой (окна, двери, и т.д.) бумажной фабрики, силовой станции и котельной, причем в договоре как будто было указано, что за невыполнение работы в срок общество строителей обязано было платить большую неустойку. Но акционеры-строители при заключении такого договора не учли уральские климатические условия. А как назло зима в 1913 году началась в сентябре. Работа по железобетонным сооружениям в зимних условиях проводилась в особо напряженном состоянии. Десятники, прорабы настолько следили за рабочими, что если рабочий на одну минуту прекращал работу, то ему писали штраф. Дошло даже до того, что в туалете был поставлен специальный сторож, который следил, чтобы рабочие не задерживались там. Но как не спешили, в ноябре был поставлен лишь корпус бумажной фабрики, а для силовой станции всего только были залиты колонны и потолочные балки. Из-за сильных морозов заливку бетонным составом производить было почти что невозможно. Но акционеры строители нашли выход, чтобы не уплатить неустойку. 21 ноября по старому стилю был религиозный праздник – Введение во храм пресвятой Богородицы. Все рабочие праздновали, а в это время в строящемся корпусе силовой станции загорелись леса, которые были настроены вокруг корпуса и внутри. Противопожарного оборудования абсолютно никакого не было. На пожар сбежались люди, почти все были пьяны, крику было много, а толку никакого. Леса вокруг и внутри строящегося корпуса силовой станции сгорели, потолок обвалился, стены потрескались. Этим акционеры-строители закончили выполнение договора.

Как помирились между собой акционеры Николо-Павды и акционеры-строители, мне неизвестно, но авторитетные люди того времени утверждали, что поджог был сделан умышленно акционерами строителями во избежание платы неустойки за просроченное время.

Другое строительство, как то: механическая, насосная станция, лесозавод, жилые дома производили подрядчики, которых было очень много. В рабочей силе нужды не было. Каждый день приезжали рабочие со всех губерний. Из Вятской больше всего приезжали плотники, а из Казанской землекопы.

Строительство жилых домов проводилось очень быстро, Например, в конце 1913 года по улице Ленина были построены дома от почты и до клуба. Причем надо отметить, что для высшей администрации строились дома специально по занимаемой должности, Например, по улице Береговой дом, в котором живет в данное время три семейства, в том числе и директор, принадлежал полностью директору фабрики Бергстрему. Дом, в котором живет в данное время Левицкий, принадлежал зам. директора Стрему. Но в 1913 году и в начале 1914 года этот дом временно был занят под чертежное бюро и кабинет директора. На месте, где в данное время находится клуб им.Ленина, строили двухэтажный дом (он сгорел в двадцатых годах) управляющему округом Колотилову. Кроме того, по улице Береговой были построены особняки для главного инженера, для главного механика, для начальника силовой станции и для заведующего производством.

Непосредственным руководителем строительства со стороны акционеров-строителей являлся главный инженер Август Соломонович Розенталь. По монтажу оборудования по всем отделам того времени основным руководителем был директор Карл Карлович Бергстрем. Возглавлял весь Николо-Павдинский округ управляющий Колотиллов.

Розенталь А.С. был человек пожилой, симпатичный, довольно внимательный ко всем вопросам строительства и как будто с добросовестным отношением к рабочим. Но его подчиненные - в основном десятники - были кровопийцы для рабочих. В частности, старший десятник некто Тараканов, который давал возможность рабочим довольно хорошо зарабатывать, штрафовал за каждую мелочь и требовал взятки, в результате рабочий получал копейки. Кроме того, рабочего в то время еще крепко сосали выпивкой

младшие десятники, и таким образом смазывалось лицо такого хорошего инженера, руководителя строительства как Розенталь только потому, что он на такие подлости не обращал внимания и не принимал соответствующих мер.

Директор Бергстрем, по специальности инженер-химик, человек довольно хозяйственный и умный, но по отношению к рабочим был не человек, а зверь. Рабочего он считал за скотину и все подчиненные боялись его, как религиозные люди того времени боялись черта.

Управляющий округом Колотиллов, выходец из рабочих, добился благодаря своей преданности делу, высокого звания управляющего округом. Для рабочих и вообще для всех сотрудников это был, как говорится, душа, а не человек. Например, если рабочий ему пожаловался на какую-нибудь обиду со стороны одного из руководителей, то он эту жалобу разбирал справедливо и давал соответствующее указание тому руководителю прекратить безобразничать. Ему в таких случаях подчинялись даже такие самолюбы и гордецы, как директор Бергстрем. В общем, его любили и уважали рабочие и служащие.

Я вспоминаю этих трех высокопоставленных руководителей потому, что мне приходилось от них получать указания по работе.

Итак, по приезду в сентябре 1913 года мне, как мастеру, дано было директором указание ознакомиться с первичными работами. К тому времени было принято на постоянную работу человек десять, но все они были разбросаны. Например, кузнецы Шутов и Злобин работали в кузнице около лесопильного завода, слесари Прибытков и братья Маракулины в малом магазине около силовой станции. Моя обязанность была собрать их всех в механическую и приступить к монтажу оборудования механической мастерской с установкой трансмиссии, локомотива и т.д. С 1-го октября 1913 года приступили к установке. Одновременно, по мере надобности, принимали требуемых рабочих.

Квалифицированные рабочие-токари, слесари, кузнецы, модельщики и т.п. являлись к директору или к главному механику. После оформления их направляли в мое распоряжение. А чернорабочие приезжали и собирались на площади, где сейчас проходная. Если мне, или же кому-нибудь из десятников требовались рабочие, то выходили на эту площадь и выбирали рабочего, который на вид посильнее. И вот таким способом в конце октября было набрано и включено в штат человек 80.

В середине ноября в механической мастерской уже были установлены и пущены в ход станки: два токарных, один фрезерный, два сверлильных, один радиальный, два строгальных (оба уже в металлоломе) и временно был установлен локомотив, который посредством трансмиссии приводил в движение все станки. Трансмиссия была проведена по обоим стенкам механической мастерской, в том числе и модельной, в которой были установлены ленточная пила, токарный станок по дереву, небольшой сверлильный станок и строгальный станок (4х-сторонний). Участниками этого монтажа были Прибытков, Маракулины, Мальков, Распопов, Панышин, Байкалов, Вахляев, Шутов, Злобин, Забродин, Сычев, Костылев, Климов, Ремизов, Жуков, Ложкин, Паспортов, Орехов, Глушков и многие другие, фамилии которых не помню. Необходимо отметить, что работали тогда с повременной оплатой труда. Ставка чернорабочего была восемь копеек в час, а мастеровых от восьми до одиннадцати копеек в час, в зависимости от того, какую он выдержал пробу.

До ноября работали по десяти с половиной часов, с шести часов утра до шести часов вечера с перерывами полчаса на завтрак и один час на обед. В середине ноября директор дал приказ работать с шести часов утра до семи часов вечера с такими же перерывами, т.е. работать одиннадцать с половиной часов. Этот приказ вызвал конфликт. Рабочие проработали так несколько дней. Однажды после завтрака я пришел в мастерскую и, несмотря на то, что звонок уже был, рабочие все собрались в одном месте и к работе не приступили, Я спросил: "Почему вы не приступили к работе?" Мне ответили: "Феликс Иосифович, не будем мы работать по одиннадцать часов с половиной. Ведь подумайте сами - приходим домой, надо воды, надо дров, да и отдохнуть надо. Тяжело так работать". Я, не разобравшись в деле, сказал им: "Ведь вы ничего не теряете, вы работаете, час лишний, но вы и получаете плату за этот час, а вот я на окладе, мне за этот час не платят". Мне ответили: "Нет, не так, Вы пятьдесят рублей в месяц получаете, вас это устраивает. Мы же получаем копейки, и если мы лишний час проработаем, то будьте добры нам платить в двойном размере. При новых условиях мы это право уже теряем". Я со своей стороны им ответил: " Я здесь не причем, приступайте к работе, а я об этом заявлю главному механику». Как назло, мимо механической в это время проходил директор. Рабочие сказали: "Вот директор идёт, вы и заявите директору, а мы к работе не приступим".

Я сразу навстречу директору. По правилам того времени снял шапку, поклонился ему и сказал: "Господин директор, рабочие не соглашаются работать одиннадцать с половиной часов в день". Он глаза вытаращил на меня и крикнул: «Кто? Почему? Зовите их всех в контору и сами заходите туда!" Я вернулся к рабочим и передал все, как было. Один из рабочих воскликнул: "Давай ребята, пойдем нечего бояться!"

Контора механической мастерской находилась там, где сейчас находится шлифовалка и инструментальная. Стенки, которая, отделяет инструментальную от шлифовалки, в то время не было, был только низкий барьер. Зашли мы все туда, директор уже ждал за барьером. Он по-зверски посмотрел на всех и сказал: "Андруховский, заходите сюда (он, как финн, всегда говорил с ударением на "а"). Я зашел за барьер, он спросил: "Кто сказал, что не будет работать одиннадцать с половиной часов?" Я ему ответил: "Все говорили". А он как взревел: " Нет, нет, все не говорили, один кто-то говорил, кто?!" Выступил слесарь Вашляев и сказал: « Я говорил от имени рабочих, тяжело работать одиннадцать с половиной часов". Директор его уже не слушал, повернулся ко мне и сказал: "Этому человеку, через час чтобы был выдан расчет!" Опять повернулся к рабочим и спросил: "Кто еще не согласен?" Тут второй выступил и сказал: "Карл Карлович, ведь тяжело работать". Директор опять: "Через час расчет!" И опять: "Кто еще?!" Третий выступил и сказал: "Карл Карлович, ведь так нельзя, мы вас просим, а вы даете расчет!" Директор его не выслушал и закричал: "Через час расчет!" И вот пока эти три человека прошли, то остальные рабочие ушли на работу, боясь расчета, а кровельщик Байкалов почему-то остался и молча стоял. Директор к нему подошел и спросил: "А вы как?" Тот ответил: "Да так, Карл Карлович, как другие, так и я". Директор ему сказал: "Нет, нет, вы сам за себя, хотите работать, или нет?" Тот ответил: "Ну что же, Карл Карлович, буду работать". А директор ему сказал: "Нет, вы подозрительный человек, получайте расчет". Повернулся ко мне и сказал: "Этим четверем человекам выдать расчет и они на Ляле больше работать не будут". И, действительно, так и получилось. Директор издал циркуляр, который являлся обязательным для всего округа, в нем говорилось, что этих четырех политически ненадежных человек нельзя было куда-либо принимать на работу. Этот циркуляр по договоренности обязаны были выполнить не только предприятия акционерного общества Николо-Павды, но и частные предприятия,

такие как Лаптевский лесозавод, Сабуровский и Пушкарёвский (в общем на территориях между Богословом и Гороблагодатской).

Три человека имели возможность уехать, а кровельщик Байкалов приехал в Лялю с большой семьей, в зимний период и без средств. Нигде его на работу не принимали, и уехать было невозможно. Человек остался с семьей в самом критическом положении. На третий день после увольнения во время завтрака он пришел ко мне на квартиру, поставил на стол бутылку водки, сам встал на колени и со слезами просил принять его на работу. Я его поднял, успокоил, он мне рассказал о том циркуляре и о своем бедственном положении. Безусловное ему обещал поспособствовать, насколько возможно, чтобы его приняли на работу, сказал, чтобы он забрал водку, так как я не пил. Он не захотел взять, тогда я всунул ему в карман деньги и предложил под вечер придти в цех узнать, как обстоит дело. Этот случай на меня настолько подействовал, что я места себе не находил. Я надеялся помочь этому человеку, так как он был единственный кровельщик в механической и как раз выполнял спешную работу - из кровельного железа делал трубы для вагранки. В то время должность главного механика временно исполнял конструктор технического бюро Пуститен Иван Иванович (финн). Он ежедневно приходил в механическую мастерскую проверять ход работ. Когда мы с ним подошли к вагранке, я ему рассказал, что остановка произошла из-за отсутствия кровельщика. Рассказал и об увольнении Байкалова, что он в нужде и просит принять его на работу. Иван Иванович сначала упирался, говорил, что Байкалова из-за циркуляра принимать нельзя, но я ему стал доказывать, что человек нужен, и какая разница, один Байкалов уволен, а другой поступит. Иван Иванович с этим согласился, посоветовались мы с бухгалтером и приняли Байкалова.

Тут как будто бы можно поставить точку, но нет! Ведь есть люди с такими запоминающимися физиономиями, что их можно узнать, один раз увидев, и через несколько лет. Так получилось и с Байкаловым. Директор проходил через механическую мастерскую по истечению трех месяцев после этого инцидента, увидев Байкалова, подошел к нему и сказал: "Вы были уволены, почему опять работаете?" Байкалов в расплохе ответил: "Я просил, и Андруховский с главным механиком меня приняли". Директор приказал Байкалову идти сейчас же в контору и сам побежал туда. К Пустинену и ко мне тут же послали посыльного. Я пришел в контору, а директор с Пустиненом ругаются по-фински. Потом директор

сказал мне: "Идите на свою работу". А Байкалову угрожающе помахал пальцем и сказал: "Надо рапотать и карашо рапотать, идите!" На этом и закончилось.

Это я описал только один такой случай, а их было очень много со стороны директора Бергстрема. Например, в 1914 году чернорабочих работало много, уже было три десятника: это Фокин - десятник землекопов, а впоследствии плотников, Хребтенко - десятник бетонщиков и каменщиков, Исупов - десятник по разгрузке оборудования и перемещения тяжестей. Как известно, все эти работы проводились вручную, зачастую с применением русской песни "Дубинушка". Однажды перетаскивали двухтавровую балку №30. Тащили волоком, и когда запевала пропел один из куплетов "Дубинушки", вся бригада стояла на месте, держась за веревку, а когда запевала воскликнул: - "Сама пойдет, идет- идет!", то балка ходом двинулась. Бергстрем все это время стоял на строительной площадке и внимательно смотрел на эту работу. Потом позвал Исупова и сказал:- "Прекратить песню петь, а балку тащить непрерывно!" Через некоторое время Исупов зашел к директору в кабинет и сказал: "Господин директор, без песни никак у рабочих не ладится работа". Бергстрем написал записку на финском языке главному механику с приказанием уволить Исупова за неумение руководить и назначить другого десятника и отдал записку Исупову для передачи ее по назначению. Исупов принес записку главному механику, тот прочитал ее и спросил: "За что тебя увольняют?" Исупов удивился, рассказал, как было дело, но его все равно уволили.

Или еще: Бергстрем не любил, что бы с какой-нибудь просьбой обращались письменно, но не каждый это знал. Один из приезжих рабочих, по профессии каландровщик, работал уже как штатный, получая оклад тридцать рублей в месяц. Так как фабрика еще строилась, он временно работал в бригаде такелажников с тем же окладом. Он написал директору заявление, в котором описал свою нужду и просил прибавить ему оклад. Директор прочитал заявление и на финском языке написал: "Уволить с циркуляром как политически неблагонадежного". И человека уволили, оставив в самом бедственном положении. Ни от кого не было никакой защиты, тем более что в Лялю съехались рабочие со всех концов России, еще не перезнакомились и не могли поддерживать друг друга.

Особенным бичом для рабочего были взятки, пьянка, подхалимство и мастера, потерявшие человеческую совесть. Мастер

того времени являлся в цехе не только как хозяин производства, но и как полный хозяин рабочих своего цеха. У мастера - пропойцы и взяточника, пьяницы и подхалимы были на первом месте, а честные труженики зачастую оставались в трудном положении, как в отношении зарплаты, так и в отношении жилплощади.

Механическая мастерская (ремонтная) в ноябре 1913 года была уже полностью оборудована вышеперечисленными станками и получила первый заказ (я это хорошо помню) - на изготовление для насосной станции решетки перед шлюзами к колодцу насосной и рейки для подъема шлюзов (подъемный механизм был изготовлен на Надеждинском заводе). Вторым заказом было изготовление циклона для корообдирочных станков. С начала декабря 1913 года механическая мастерская уже работала полным ходом. Приехал штатный главный механик - Гененг Элис Карлович (финн) - человек умный, с хорошим характером и представительный.

В декабре 1913 года начало поступать оборудование для бумажной фабрики: бумажная машина №1, дефибреры и т.д. Корпус бумажной фабрики в основном был уже готов (вставляли окна и двери), но выгрузку оборудования производили внутрь корпуса и здесь произошло столкновение со строителями, так как по плану монтажа машин сушильные цилиндры надо было закатить в самый конец бумажного зала, а главный инженер строительства Розенталь поставил вопрос так: - "Перетаскивайте как вам угодно, а в течение двадцати суток я вам катить их не дам, или же за последствия отвечаете вы". Управление комбината для перекачивания цилиндров в бумажный зал пришлось делать особый настил с расчётом, чтобы не передавалось никакого сотрясения на железобетонный пол.

В тоже время управление комбината получило сообщение от американской фирмы, изготовлявшей бумажную машину №1, что в начале февраля 1914 года придет монтер для монтажа бумажной машины, которую он обязан будет смонтировать в течение двадцати одного дня. Для этого со стороны комбината в обязательном порядке до февраля должны быть подготовлены все фундаменты под привод, начиная от мешального бассейна и кончая накатом. Так же установлены и проверены по уровню и по центру чугунные шины во всю длину машины и забетонированы с болтами с таким расчётом, чтобы с первого февраля можно было монтировать машину. Кроме того, в обязательном порядке требовалось, чтобы был установлен монтажный кран с передвижной тележкой во всю длину машины. В этом же

сообщении со стороны американской фирмы предупреждалось, что срыв срока монтажа по вине комбината будет относиться за счёт комбината, а также и неустойка. Это все должно было оплачиваться золотом. Тут и появилось трудности. Первая - крана нет! Вторая - не прибыли еще чугунные шины под бумажную машину, а в подвале бумажной фабрики до самого потолка лежал строительный мусор: щебень, затвердевший цемент, обрезки дерева и т.п. Все это надо было убрать вручную, вывезти на тачках через окна, в то время, когда стояли невыносимые морозы, а срок был короткий.

Так как в механической мастерской было уже два мастера, я и Глушков Василий Васильевич, мне предложили перейти на монтаж бумажной машины и до приезда монтера установить шины и подготовить фундаменты под привод. Это было числа восемнадцатого декабря. Я, безусловно, согласился, так как монтаж машин являлся самым моим любимым делом. Хотя это и было любимое дело, но я попал в такие ужасные условия, что вспоминаю их с ужасом и теперь. В подвале бумажной фабрики были маленькие окна, замаранные цементом, было темно, днем и ночью подвал приходилось освещать керосиновыми факелами. Было очень холодно, подвал отапливали железными печками, стоял угар от печек и от керосиновых факелов.

На очистку подвала были переведены все рабочие - Хребтенко и под его же ведение была передана бригада землекопов. Несмотря на все трудности, работа по очистке подвала под руководством Хребтенко так и кипела, так что через пять дней я уже имел возможность делать разметку центров привода. По моей просьбе Хребтенко освобождал площадь до требуемой глубины одновременно с обоих концов машины, так что я имел возможность делать разметку на фундаменте в двух местах. На мое счастье, с бумажной фабрики "Белого Ключа" приехали рабочие-бумажники по приглашению Стрема Владимира Карловича. Это была бригада сильных и трудолюбивых рабочих, в которую входили: Савиных, Печёнкин, Серебрянников, Заворотный, Шулятьев, Распопов, Печищин, Шишкин. Всего человек шестнадцать, фамилии остальных не могу вспомнить. Всю эту бригаду временно дали в мое подчинение для ускорения дела и действительно, дело пошло очень скоро, даже сверх всякого ожидания. Я не успевал давать размеры на изготовление ящиков под заливку фундаментов цементом. Вскоре возникло затруднение: на американских чертежах все размеры были указаны в футах и дюймах, а при монтаже бумажной машины, которым я

занимался в 1912 году на Украине, в чертежах были даны размеры метрические. Я опасался ошибок при переводе. Все же числа десятого января 1914 года фундаменты почти что были готовы, за исключением только тех, которые задержали строители. Задержали потому, что они были расположены около колонок под электромоторы бумажной машины, под вакуумные насосы и под масляный насос. Оказалось, что котлованы этих агрегатов по американским чертежам глубже, чем по чертежам строителей под основные колонны пола бумажной машины, По договоренности управления комбината с управлением строителей, строители взяли эти фундаменты под свою ответственность, и они их изготовили с уменьшением глубины котлована на уровень котлована колонн.

После окончания фундаментов для привода, бригаду, находящуюся в моем распоряжении, частично раскомандировали по основным их специальностям. Серебрянникова (мастера слесарей) перевели в мастера механической мастерской, Распопов и Печищин (кузнецы) ушли в кузницу; Заворота (слесарь-медник) - в дефибрерную на монтаж к немецким монтерам; Савиных - на водопровод рольного отдела и т.д. Осталось у меня четыре человека, с которыми с 20-го января 1914 года я стал устанавливать фундаментные шины под машину №1. Шины были установлены и залиты.

Оборудование бумажной машины и дефибреров прибыло уже полностью, в том числе поступил и подъемный кран с тележкой для дефибреров. Управление комбината договорилось с немецкими монтерами фирмы "Фойт", чтобы они согласились монтировать дефибреры посредством обыкновенных подъемных талей, а передвижную тележку с подъемным механизмом временно уступить на монтаж бумажной машины. Механической мастерской был изготовлен под эту тележку передвижной мост. По обеим сторонам бумажной машины под руководством десятника Фокина временно были устроены деревянные котлы, на которые выше машины проложили рельсы и установили изготовленный мостовой кран с тележкой дефибреров. Все выше перечисленные работы проводились в напряженном темпе и были закончены в срок, т.е. до 1-го февраля.

В первых числах февраля приехал американец, который совершенно не знал русского языка, но в работе был очень расторопным, поворотливым и главное без всяких ошибок распаковывал последовательно те ящики, в которых было упаковано

требуемое оборудование. Если была необходимость дать какое-нибудь разъяснение, то переводчиком мог быть исключительно только инженер В.К.Стрем. Руководство монтажом американец довольно понятно осуществлял мимикой, и дело кипело так, что в течение трех недель машина была собрана при наличии небольшой бригады. Правда, бригада была опытная, так как состояла из финнов, знакомых с такой машиной. Она приехала в Лялю в конце января с бумажной фабрики в Финляндии. Фамилии их я не помню, за исключением работавших на монтаже привода, которым руководил я. Со мной работали Тунайнен, Пипирнен, Лененен, Мякинен и еще три человека.

В конце февраля монтаж бумажной машины был закончен, монтаж дефибреров подходил к концу. Основная задержка была исключительно из-за силовой станции. После пожара железобетонного корпуса силовой станции в ноябре 1913 года акционеры решили построить временный кирпичный корпус (там, где сейчас находятся котлы высокого давления), но дело в том, что стояли сильные морозы, а в то время кирпичную кладку в таких условиях не вели. Приходилось строить укрытие - деревянный балаган вокруг требуемого кирпичного корпуса. Стенки этого балагана внутри обшивали кошмой, ставили железные печки и таким способом по кирпичику вели кладку. Это было ужасное строительство: дым, угар, вонь прелой кошмы и испарения вяжущего состава. Но все-же люди работали и работали по двенадцать часов, а то и больше. Одни стремились побольше заработать, других к этому вынуждало наличие большого семейства, а третьи (и их было большинство) работали так, чтобы скорее пустить в ход бумажную фабрику. В частности, это были те бумажники, которые приехали специально работать на бумажных агрегатах. Их было очень много: с Белого Ключа, со Скины (бывшая бумажная фабрика Володковича), с Петербургской бумажной фабрики, из Финляндии. Все эти люди работали не покладая рук.

После окончания монтажа бумажной машины меня перевели в силовую станцию на монтаж котлов "Стерлинга». На монтаж котлов приехал из Москвы монтер, некто Бах, фирмы "Пло", которая являлась представителем английской фирмы "Стерлинг". Фирма "Пло" на своих московских заводах изготовляла к котлам "Стерлинг" топки и проводила по России монтаж котлов. С монтером Бахом приехал его помощник, некто Савицкий. В первых числах марта, под общим руководством Баха мы приступили к монтажу. Котлы №1 и №2

монтировала бригада, состоящая из пяти человек под руководством Савицкого, а котлы №3 и №4 монтировала бригада так же из пяти человек под моим руководством. Надо отметить, что когда я перешел в котельную, то барабаны котлов были уже установлены на каркасы, проверены и скреплены между собой концевыми кипяtilьными трубами, оставалась только вставлять кипяtilьные трубы и завальцовывать. Эта работа была для меня новая, хотя и кропотливая, но довольно интересная. Бригада у меня была сильная и серьезно преданная делу. Это Федор Иванович Кривошеин, братья Маракулины и еще двое, фамилий которых не помню.

Поскольку силовая станция задерживала пуск бумажной фабрики и лесопильного завода, то приходилось работать усиленно, не считаясь ни со временем, ни с трудностями. В марте, не смотря на то, что временный корпус силовой станции еще не был закончен, приступили к монтажу турбины, так как фундамент под турбину мощностью в три тысячи лошадиных сил уже был готов и затвердел. Эту работу проводил инженер-турбинщик, присланный фирмой, и два машиниста по турбинам, специально выписанные из Финляндии (фамилии их я не помню). Общее руководство, по силовой станции осуществлял русский инженер Гребень. Это человек среднего возраста, опытный и довольно хороший для подчиненных. В половине марта четыре котла были закончены, испытаны, акт испытания подписан техническим инспектором по котлонадзору, после чего приступили к обмуровке и установке топок. После этого инженер Гребень поручил мне установить два питательных насоса Варгнинтона и приступить к установке приводной части искусственной тяги, которая стояла в помещении, где находятся вентиляторы дымососов старой котельной и состояла из пятисильной паровой машины и сменной трансмиссии во всю длину стенки. Помещение дымососов предназначалось для приведения в работу вентиляторов после продолжительной остановки паровой турбины. Паровая машина в это время работала насыщенным паром от пятого котла, который был установлен без пароперегревателя. Пар в пять атмосфер давления предназначался специально для пропарки баланса в кохерах бумажной фабрики и для отопления цехов.

Для этой работы мне была выделена бригада слесарей: братья Маракулины, Федор Иванович Кривошеин и еще три человека (фамилии их не помню). Когда мы приступили к выполнению задания, у нас получилась большая неприятность. Инженер Гребень имел

привычку при недостатке людей вмешиваться со своей помощью в тяжелую работу. Часто бывает, что такая помощь со стороны администрации оказывается лишь помехой. Так получилось и у нас. Когда мы перетаскивали насос по каткам на фундамент, а четырехцилиндровый насос был все-таки тяжеловат, инженер Гребень на эту работу смотрел, смотрел, подошел и начал помогать, толкая насос сбоку, как раз в это время передний каток еще не дошел по длине насоса и одной трети, задний каток уже вышел (а катки были из двух дюймовых труб), так что подошва насоса была совсем близко от пола и ступня Гребня каким-то образом попала под насос. Каток вышел и Гребню прижало ногу. Он закричал медвежьим голосом, а пока мы узнали, в чем дело, прошло секунд 15. А он все кричал, но не говорил, отчего. Как только мы обнаружили, что нога инженера прижата насосом, насос подняли и Гребня на руках вынесли к подошедшей случайно телеге, на которой и увезли его в приемный покой (больницы в то время еще не было). Приемный покой находился на улице Береговой в доме №4, в средней квартире, где живет сейчас семья Барканова. Врача тоже не было, а принимал и лечил больных фельдшер Кузьма Николаевич Стрелков. Инженер Гребень несколько дней пролежал дома с больной ногой. Жил он на улице Береговой в доме-особняке, который находится около ЖКО (в данное время он переделан на двухквартирный). По многим вопросам мне зачастую приходилось ходить на дом к инженеру Гребню, так как телефонов в то время было очень мало.

Между тем в котельной стоял настоящий хаос, так как одновременно проводились разные работы и разными бригадами, а именно: обмуровка котлов, установка паропроводов, транспортёра для подачи щепы, экономайзера, водопровода, искусственной тяги, монтаж топок и настил железного пола у топок. Само помещение котельной было тесным, а крыша в то время была совсем низкой, так что на котлах и по проходу около транспортера надо было ходить в наклонном положении (ее подняли метра на два с половиной уже в 1915 году). Но, несмотря на такую тесноту и множество бригад разных профессий, работа шла споро, взаимоотношения между бригадами были хорошие. Бригады помогали друг другу, что ускоряло работу. Так что в конце апреля питательные насосы и искусственная тяга были закончены. Меня переключили на установку насосов в насосной станции. Надо отметить, что на насосную станцию первоначально обращали внимание, цех маленький и была надежда

все скоро установить. Вышло не то, потому что берег оказался каменистый. Колодец долбили с января по апрель 1914 года день и ночь самыми разными способами: зубилом, ломом, в редких случаях применяли взрывчатку и то малыми зарядами, из-за опасения разрушить площадь больше требуемой. Только в конце апреля можно было приступить к установке насосов.

Мне было дано задание, установить четыре насоса с моторами, начиная от приемной трубы с клапаном и вывести трубы от насосов за стенку насосной станции. К насосной уже вели трубы из бумфабрики и из силовой. Бригада мне была дана из приезжих бумажников: братья Олешковские, Шулятьев, Тумаков (впоследствии он был электромонтером), Шашко Илья, Печёнкин, в общем, человек двадцать. Много было затруднений в том, что согласно чертежей, всякие отводы и полуотводы диаметром четыреста миллиметров были довольно громоздки: начнем собирать, а отверстия для болтов не сходятся. Приходилось намечать отверстия, снимать отвод и волоком тащить в механическую для сверления. На это уходило много времени.

Примерно в конце месяца четыре насоса были почти что установлены с выводом водопроводов, но опять получилась в насосной большая задержка: весенняя вода сошла как будто нормально, то есть по такому уровню, как было предусмотрено проектом насосной станции, но в начале июня, после сильного дождя, вода стала подниматься сверх нормального уровня и насосную начало заливать. Нам пришлось все четыре мотора поднимать на возвышенность. Едва только подняли, как вода в насосной поднялась выше пола на полтора метра и так простояла трое суток. В тот период во всех цехах оборудование было установлено и подготовлено к пуску, в том числе паровые котлы и паротурбины с генераторами. После того, как вода в реке вошла в свое русло, усиленно приступили к чистке насосной станции от мусора, установке моторов и подсоединению их к линии. Следует отметить, что опробование котлов и паровой турбины было устроено с одним центробежным насосом в качестве временной водокачки для питания котлов и таким способом котлы и паровая турбина были опробованы с выпуском отработанного пара в атмосферу. Центробежный насос работал от электромотора постоянного тока по линии, взятой от динамо-машины, временно установленной в механической мастерской.

После приведения в полную готовность насосной станции в середине июня был начат пуск комбината. При пуске во всех цехах особых дефектов в оборудовании не было, так как по всем цехам и на каждом участке были расставлены люди весьма опытные, да и техперсонал из опытных специалистов. Например, в силовой станции турбогенератор обслуживали двое опытных машинистов - финны, в котельной был опытный кочегар Федорович, в корообдирке бумажной фабрики - старик Кислицын, в дефибрерном отделе - Мазаник (дед токаря Мазаника Бориса Александровича), сортировки и папмашины обслуживал Шулятьев из Белого Ключа, бумажную машину обслуживали исключительно финны. Кроме того, к каждому отдельному участку были прикреплены опытные мастера по слесарному делу. Таким образом, к каждому агрегату был прикреплен специалист, который смотрел, чтобы он работал без дефектов. Например, к дефибрерному отделению был прикреплен слесарь-ремонтник Заворотный, к бумажной машине, саморезке и к каландрам был прикреплен я, к котельной - слесарь Шнайдерихт, к корообдирке и варочным котлам был прикреплен мастер Серебрянников.

Нужно отметить, что недостатки конструктивного характера все же были, например, в корообдирочном отделении циклон, установленный для подачи коры на транспортер, подающий кору в топку пятого котла, настолько засорился корой, что впоследствии его пришлось выбросить, а денег он стоил немалых. На папмашинах квадраты для намотки запасной древесной массы были изготовлены фирмой «Фойта» такой конструкции, что зачастую намотанный рулон массы вынуть не было возможности, и приходилось его разрубать топором во всю длину, а это тормозило работу. На бумажной фабрике самым большим недостатком были верхние прессовые валы, изготовленные из дерева. В результате, если под шабер попадал комок массы или незначительный сучёк, то вал получал по окружности борозду, и его надо было протачивать. Кроме того, зачастую вал ослаблялся в дисках чугунных шеек и полностью приходил в негодность, а изготовление нового вала было делом нелегким. С такими валами мучились почти до тридцатых годов, пока их не заменили гранитными. Кроме того деревянные валы весом не соответствовали требуемой прессовке, поэтому была необходимость делать дополнительный нажим посредством грузов через рычажную систему на скользящие подшипники, которые имели водяное охлаждение. Шейка вала сильно нагревалась и ослаблялась в дереве,

отчего вал приходил в негодность. Все же, несмотря на такую искусственную прессовку, бумажное полотно из прессовой части выходило настолько влажным, что для полной просушки на сушильной части приходилось уменьшать скорость бумажной машины. Все это в данное время на бумажной машине №1 устранено: деревянные валы заменены гранитными, подшипники скольжения заменены подшипниками качения, привод заменен новой много-моторной конструкцией. От фирменной конструкции машины №1 остались сушильные цилиндры, фундаментные шины и незначительные детали на сеточном столе. Таким образом, машина стала неузнаваемой по сравнению с оставленной акционерными Советской власти.

В первых числах июля 1914 года бумажная фабрика была полностью опробована и освоена и начала нормально работать, а также и лесозавод. Но примерно 17 июля Германия напала на Россию и этим была нарушена жизнь населения всей России, в том числе и в Новой Ляле. С объявлением всеобщей мобилизации с бумкомбината набралось мобилизованных человек восемьдесят. Это только те, которые были штатными работниками комбината, а было много внештатных работников из соседних поселков на лесовыгрузке, которая в то время производилась лошадьми, так как лесотяги еще не были установлены. Поэтому комбинат стал испытывать затруднения в рабочей силе. Оставшимся рабочим приходилось работать чуть ли не целыми сутками. Больше всего пострадали цеха: механическая мастерская, котельная, лесозавод и гужевого транспорт, который находился в частных руках. Большая часть леса на строительство и лесозавод вывозилась жителями из окружающих поселков, в которых после мобилизации остались только женщины и старики. С доставкой сырья на комбинат создался кризис, но и в цехах дело обстояло не лучше, за исключением турбинного отдела и бумажной фабрики, так как там работали финны, не подлежащие мобилизации.

Управлению комбината пришлось во многих местах уплотнять рабочие места оставшимися рабочими. Я был переведен в котельное отделение заканчивать монтаж пятого котла "Стерлинг", так как монтеры, которые были командированы фирмой для монтажа котлов, как только услышали о войне, сразу же уехали, даже не сдали пятый котел. Но мой перевод был на очень короткое время, так как 6 августа 1914 года царской полицией я был арестован и сослан в Вятскую губернию, как австрийский подданный. Разрешение переехать в Лялю

под надзор полиции я получил в июне 1915 года, работать я поступил слесарем в механическую мастерскую.

Поэтому подробности за пропущенный период я не описываю, но остается фактом, что перед отъездом мобилизованных людей на сборный пункт, они собрались на площадь, где сейчас находится типография и пригласили директора Бергстрема дать им разъяснение, как будут обеспечены их семейства. Директор явился к ним и всех заверил, что их семейства в занимаемых квартирах как жили, так и будут жить, но не успели мобилизованные доехать до фронта, как всех оставшихся солдаток из квартир переселили в общую казарму, где многосемейным жить было очень трудно. Еще у меня сохранилось воспоминание о том, что во время тяжелых проводов людей на войну многие из призванных: модельщик Жуков, каландровщики Олешковские, Федорович и другие на мое сочувствие заявили: "Ты не беспокойся, сейчас все серьезно взялись за оружие, но это оружие будет повернуто на тех, кто затеял эту войну!"

Первым строителем корпуса механической мастерской был подрядчик, фамилии его я не помню. Корпус мастерской был построен в конце сентября 1913 года. Монтаж оборудования производился, начиная с первого октября 1913 года и окончился в конце ноября 1913 года, остались незначительные недоделки, но уже с 1 января 1914 года мастерская работала полным ходом, выполняя всевозможные заказы, связанные с монтажом оборудования всех цехов: бумажной фабрики, силовой станции и транспорта, который состоял из одного паровоза "Кукушки" и железнодорожной ветки от станции Ляля до бумажной фабрики и биржи лесозавода.

Нужно отметить интересный случай, который произошел при монтаже механической мастерской и задержал на несколько дней установку трансмиссии. Порядок в то время существовал такой: машинные детали отечественного изготовления, т.е. российских фабрикантов поступали на станцию Ляля наложенным платежом и акционеры обязаны были платеж производить наличными деньгами. Когда на станцию Ляля прибыло оборудование трансмиссии: валы, кронштейны, подшипники и шкивы - в общем, на крупную сумму денег, управление выдало эту сумму экспедитору с тем, чтобы он выкупил это оборудование. Ждали со станции оборудование день, второй, третий и нет ни оборудования, ни экспедитора. На четвертый день управление Гораблагодати получило от экспедитора письмо

следующего содержания: "Деньги прогуляю, тогда вернусь обратно в Лялю!" Пришлось акционерам платить вторично.

Монтаж оборудования механической мастерской проводился под моим руководством, согласно чертежей, следующими рабочими:

- ✓ слесари: Прибытков, братья Маракулины, Глушков Василий Васильевич - впоследствии он стал мастером, Паньшин, Вашляев, Князев, Евдокимов, Паспортов, Орехов, Костылев, Бобров, Рыков, Тараканов.
- ✓ кузнецы: Шутов, Злобин.
- ✓ столяры - модельщики: Жуковы, Сычѳв, Ложкин, Ремизов, Ижаков.
- ✓ шорник Мальков Григорий.
- ✓ каменщики - бетонщики: Мастерков, Трофимов.

Вот эти люди и были в 1913 году основными монтажниками оборудования механической мастерской. Почти к каждому из них прикреплены по два-три чернорабочих.

Администрация механической мастерской состояла из следующих лиц: главным механиком и заведующим мастерской был временно Пустинен Иван Иванович, впоследствии Генинг Злес Карлович; конструктор - Карелиус Александр Карлович; бухгалтер Щипанов; табельщик - Берстенов.

Возглавляемая директором Карлом Карловичем Бергстромом работа проводилась больше всего с повременной оплатой, в редких случаях сдельно, зачастую давали на урок.

Начиная с 1915 года, механическая мастерская была весьма загружена работой. Управление бумажного комбината для сохранения штата рабочих и служащих и увеличения прибылей «Николо-Павды» за счет империалистической войны заключили договор с военным ведомством на изготовление ящиков для транспортировки снарядов на фронт. Для этого понадобилось построить деревообделочный завод, гвоздильный и шурупный завод.

Кроме того, акционеры в Финляндии купили оборудование какого-то старого целлюлозного завода и начали строить целлюлозный завод на левом берегу реки Ляли. Для этого пришлось построить мост через реку Ляля и дополнительно построить деревянный корпус для мастерской на левом берегу Ляли, сейчас на этом месте мастерская капитального ремонта. В то время в этой мастерской был установлен валовой старый токарный станок, сверлильный станок и несколько тисов. Эта мастерская до революции

считалась, как отдел механической мастерской. Надо отметить, что все работы, как по ремонту действующего, так и по монтажу вновь поступающего оборудования проводились исключительно механической мастерской. Главным механиком ее, начиная с 1915 года и до февральской революции был Шемейтко Федор Федорович (русский немец). Это был человек среднего возраста, техник с большой практикой по механизмам всевозможных машин, но вместе с тем заядлый деспот, гонитель рабочего класса и подхалим по отношению к администрации. Он же и заведовал механической мастерской.

Штат мастерской в 1915 году состоял из 300 человек. Люди были с разных мест, больше всего местные жители из окружающих поселков. Поскольку бумкомбинат считался военным предприятием, то вся молодежь стремилась поступить на работу туда, чтобы избежать мобилизации. Кроме того, много работало беженцев из Белоруссии, Украины, Прибалтики, а также пленные: чехи, венгры, австрийцы. Пользуясь такой разношерстностью рабочего класса, такому типу как Шемейтко можно было, как угодно издеваться над рабочими. Одни боялись попасть на фронт, другие боялись безработицы, а третьи работали принужденно, не имея вообще никаких прав. Те же, которые и могли бы противодействовать, Шемейтко, избегали вмешиваться, не надеясь на поддержку остальных рабочих.

В состав администрации управления Ново-Лялинского бумкомбината в 1915 году и до февральской революции входили следующие лица: директор комбината Бергстрем Карл Карлович, его заместитель Стрем Владимир Карлович, начальник бумажной фабрики Лепенен, начальник силовой станции Заксер, инженер-строитель Константиновский, главный механик Шемейтко, он же и заведующий механической мастерской, мастер механической мастерской Скорьпин Константин Григорьевич, бухгалтер бумажной фабрики Щипанов, бухгалтер механической мастерской Синицын Василий Аркадьевич, инженер по монтажу целлюлозного завода Сухоросов, механик Ермаков, начальник деревообделочного завода Молочков.

Штатными рабочими бумажной фабрики на основных агрегатах больше всего работали финны, а на подсобных, как-то: саморезки каландры - трое братьев Олешковских, Левицкий - каландровщик, на дефибрерах - Мазаник, на продольнорезательном станке Репин Роман, на варочных котлах Альбетов, на корообдирочных станках Кислицын. В механической мастерской был следующий основной штат: слесари

Прибытко, Половинкин, Черкасов, Заворотный, Мазанник Иосиф, Костылев, Токарев и много других фамилий, которых не помню. В модельном цехе: Сычев Степан, Ложкин, Ремизов, Гоголев, Гудович, Лукьянчиков. Токари - Маст, Аносов. Кроме того, слесарями и токарями работало много пленных австрийцев.

Итак, в 1915 году исключительно рабочими механической мастерской под руководством главного механика были построены гвоздильный и шурупный заводы. Оборудование гвоздильного завода акционерами было куплено в Петрограде, причем старое и допотопное, так что его с первых же дней пришлось ремонтировать и тогда, только устанавливать. Эту работу производили я, Половинкин, Прибытко и Черкалов.

Оборудование шурупного завода: три станка для штамповки головок шурупов и шестьдесят станков-автоматов для обработки головок шурупов и нарезки резьбы были получены из Америки и установлены. Но пуск их был задержан из-за отсутствия электромотора и произведен только после революции в 1918 году.

Деревообделочный завод был пущен в начале 1916 года. Вся работа проводилась силами механической мастерской, которая работала круглосуточно. В 1916 году гвоздильный и деревообделочный (ящичный) заводы работали уже полным ходом.

В общем, в 1915 году особых приключений не было, но уже с 1916 года началось большое брожение. Вызвано это было больше всего вследствие удорожания продуктов и неприятными известиями с фронта. Немец душил людей газом, а в нашей армии солдаты получали винтовки одного калибра, а патроны другого и оказывались беззащитными. Кроме того, часто задерживали выдачу зарплаты. Звонкая монета, как серебряная, так и медная из обращения совсем исчезли, вместо нее были выпущены бумажные марки наподобие почтовых.

В июне 1916 года произошла большая неприятность для комбината: сгорела силовая станция. Этот пожар сильно отразился как на зарплате рабочих, так и на финансовом состоянии акционеров. После пожара, безусловно, комбинат остановился. Часть рабочих была использовано на разборке металлических конструкций какого-то бездействующего железодельного завода в Старой Ляле. Разобранные части доставлялись на Новолялинский комбинат и использовались для постройки центрального склада, который существует до сих пор. Остальные рабочие были переведены в

механическую на строительство целлюлозного завода и восстановление силовой станции. Последствия пожара были следующие: у котельной сгорела полностью крыша, транспортер подачи топлива, в некоторых местах погнулись трубы паропровода. Котлы повреждений не получили. Что касается турбины и генератора, то из-за масляного резервуара и масляного трубопровода, а также из-за изоляции обмотки генератора, турбогенератор и сама турбина были накалены почти-что до красна.

Пожарной команды на комбинате не было, Пока с Лобвы приехала пожарная команда, крыша корпуса уже сгорела, а турбина с генератором в масле еще пылали. Пожарники стали усиленно лить на агрегаты воду, благодаря этому масло пока не выгорело до основания, так и горело, а корпуса от резкого охлаждения дали трещины: статор генератора в двух местах поперек окружности, а у турбины на фундаментной плите, которая являлась одновременно масляным резервуаром. Обмотка генератора вся сгорела, остались голые шины. Кроме того, выплавился баббит из всех подшипников. Самым трудноустраняемым повреждением оказалась деформация корпуса турбины, которая произошла из-за трещины фундаментной плиты.

После этого пожара акционеры решили на комбинате создать свою добровольную пожарную дружину. Для этого построили около проходной небольшое помещение, в котором были размещены ручные на колесах пожарные насосы, конюшня на шесть лошадей и конторка брандмейстера. Штат сначала был следующий: брандмейстером был временно назначен из рабочих некто Кисельников, заместителем его один из беженцев Алецкий, конюхами четыре человека из пленных. Добровольцами в дружину записалось человек двадцать, в том числе Половинкин, Заворотный, Шулятьев, я, Богданов Павлин Иванович, остальных не помню. Команда была организована, но как вести борьбу с пожаром, не знал ни один человек. Управление комбината пригласило из пожарной команды города Екатеринбурга брандмейстера на пару дней для проведения с нами инструктажа. Приехал брандмейстер по фамилии Петров, человек весьма представительный, с черной окладистой бородой, высокого роста, средних лет, с громовым голосом, настойчивый и вспыльчивый. По рекомендациям он был большой специалист по тушению пожаров. В субботу он с нами провел инструктаж, а в воскресенье вместе со всем обозом мы выехали на практическое занятие к казарме, которая находилась на берегу, сейчас здесь размещается мастерская и контора

ЖКО. Заливали крышу, выполняя все указания Петрова. По окончании он нам рассказал все наши недостатки, посоветовал, как их исправить, но, в общем, остался доволен, попрощался и уехал. В таком виде пожарная команда оставалась до сентября 1916 года, а затем акционеры прислали настоящего брандмейстера - отставного офицера Александра Александровича Блюмберга. Это был человек довольно грамотный, среднего роста, худощавый, расторопный в пожарном деле, но подхалимствующий перед администрацией и заядлый кадет (это выяснилось после революции, или, точнее, после изгнания колчаковцев с Урала). Тогда он был снят с должности за антисоветскую деятельность.

Итак, после пожара немедленно приступили к разборке турбогенератора. Сначала решили провести ремонт своими силами, с переводением силовой станции в корпус, который был поврежден пожаром в 1913 году. Этот корпус был достроен и были изготовлены фундаменты. Сюда были брошены почти все мастеровые, в том числе и я. Работа велась в две смены, т.е. круглосуточно. В течение трех месяцев ремонт был окончен и силовая станция в начале сентября была пущена. Во время ремонта использовалась паровая машина со встроенной динамо-машиной мощностью в 400 лошадиных сил и установлена временно малая турбина с генератором мощностью в 400 киловатт. Так что механическая, лесопильный завод и деревообделочный завод работали полностью, Паровые котлы пустили в работу уже через несколько дней, а крышу делали на ходу. Ремонт турбины и генератора взялся руководить начальник силовой станции инженер Заксер и старший электромонтер техник Пестов. На ремонт турбины было выделено примерно 10 слесарей из механической мастерской: Половинкин, Казин, Шнейдерихт, Лиодорф, Прибытков, Якимов, я и другие. Для ремонта треснувшей фундаментной плиты управление пригласило из Екатеринбурга частного автогенщика со своим аппаратом, он заварил трещину, а на утро оказалась трещины в другом месте. Так он варил три-четыре дня и отказался. Тогда Шемейтко выделил самого лучшего кузнеца из механической, Распопова, который из котельного железа толщиной десять - двенадцать миллиметров на трещины приделал заплаты, прикрепив их болтами, все это было сделано достаточно прочно и нисколько не пропускало масло. Такими же заплатами скрепили статор генератора.

Однако после этого появились особые трудности. Так как статор генератора получил деформацию, то когда нижнюю часть установили на фундамент, залили подшипники баббитом и начали укладывать вал с рабочими колесами, оказалось, что лопатки рабочих колес задевают за лопатки статора. Тогда все растерялись, в том числе и Заксер. Получилась неудача и со статором генератора. Вся его изоляция сгорела, в том числе и на железных листах, впрессованных в корпус статора и ротора. Пестов решил извлечь все листы, вычистить их и собрать с прокладками из самой тонкой папиросной бумаги. В результате четвертая часть листов не вместились в статор, а всего листов было около четырех тысяч штук.

После этого акционеры по телеграфу срочно просили шведскую фирму выслать специалистов и вскоре приехали инженер-турбинист и инженер-электрик. Турбинист приехал со своими измерительными приборами и сразу же нашел выход. Он достал подшипники, проверил, насколько деформирован корпус и дал указание перезолить подшипники и расточить их на полтора миллиметра в сторону. После этого лопатки не задевали, но вал стоял еще не точно по центру. Пришлось вторично перезоливать и растачивать, а потом и еще раз, пока не подогнали посадку с точностью до одной сотой миллиметра. Что касается генератора, то приехавший инженер дал указание достать все листы, почистить их, смазать изоляционным лаком и собрать. Листы вошли все.

С остальными ремонтными работами уже не было никаких задержек. Когда ремонт закончили, рабочие ушли по своим цехам. Меня перевели на гвоздильно-шурупный завод на установку трех дополнительных волочильных станков, которые были изготовлены механической мастерской. Штат этих заводов находился под ведением механической мастерской, состав его был следующий: мастером был финн, специально выписанный; волочильщиками работали Бяков, Сажень (он, как опытный каменщик в начале февральской революции был переведен на сооружение дымогарной трубы целлюлозного завода высотой около шестидесяти саженей), Кудрявцев, Драчев (во время революции ушел в Красную Гвардию), один финн - фамилию которого не помню; станочник гвоздильных станков Исаков Николай, слесарь-наладчик Кудрявцев, травильщик проволоки Шнижко, кочегары (они же и сторожа) Шеститко, Тит и Соковец, плотник Ишаков Федор.

В 1916 году по всему производству была организована охрана со стороны полиции. Причем не для охраны имущества предприятия, для этого были сторожа. Это была шпионская полиция, по несколько человек в каждом цехе, особенно в механической мастерской. В конце года, после убийства в Петрограде Распутина, стали усиленно преследовать рабочих, так что если где-нибудь остановиться человека три-четыре, то сразу появлялся полицейский и прислушивался, на какую тему ведется разговор. Газеты из-за тщательной проверки цензурой стали выходить с большими перебоями и пробелами, Я выписал газету "Уральский Край", в которой в январе 1917 года, несмотря на цензуру, появилась большая статья об убийце Распутина, она крепко задела царское правительство, в том числе и самого царя с царицей. На другой день газета не вышла, только через две недели я получил из Екатеринбургга газету, но уже с наименованием "Зауральский Край".

В 1917 году на Новолялинском предприятии между людьми создалось какое-то напряжение, чего-то ждали. С фронта известия поступали весьма неприятные: солдаты сидят в окопах полуголодные, обмундирование изнашивается, замены нет, вши заедают. В Петрограде стоят очереди за продовольствием почти что круглосуточно. Шли слухи о том, что царица-немка вместе с Распутиным подталкивают царя действовать в пользу немцев, а царь спяна это выполняет.

Из административных лиц комбината в начале 1917 года одни уезжали, другие ходили, опустив голову, а некоторые начали придирается к рабочим из-за каждой мелочи. В числе последних был и механик Шемейтко: он решил все неприятности вымещать на рабочих и чуть ли не доходил до кулаков! Своего восемнадцатилетнего сына Анатолия, который работал слесарем, он так побил, что тот сел на поезд и больше не вернулся. Было много случаев, что рабочие из-за него уезжали из Ляли. Так продолжалось до февральской революции. После свержения царя и ареста министров в первое же воскресенье по просьбе кадровых рабочих механической мастерской Скорынин созвал собрание в конторе мастерской, где в первую очередь был поставлен вопрос об изгнании Шемейтко из Ляли. Для решения этого вопроса Скорытин по телефону пригласил директора Бергетрема. Директор немедленно явился, узнал, в чем дело и сказал: "Все это так скоро сделалось, что я не ожидал, но о Шемейтке я вопроса решить не могу, об этом надо говорить с управляющим округом, да я и не знаю, кого, же назначить на его место". Директору ответили, что на

должность механика вполне подходит Скорытин. Так и не решив вопроса, директор ушел. Но в тот, же день гудком созвали собрание всего комбината, на которое явился директор и заместитель управляющего Рюмин. Собрание было в бумажной фабрике. Сразу же приступили к вопросу о Шемейтко. Рюмин категорически заявил, что не допустит выбирать механика, он должен быть назначен администрацией. Некоторые рабочие, которые не знали Шемейтко, стали его защищать, но рабочие механической мастерской категорически заявили, что Шемейтко до работы не допустят. Кузнец Распопов сказал: "Вот нам бы в механики Генинга Элиса Карловича, хороший человек!" Это подхватил директор: "Да, он мне писал, что может приехать в Лялю, я ему дам телеграмму и он приедет". На этом и разошлись.

На другой день Шемейтко попросил, чтобы собрали рабочих механической мастерской и он сам поговорит с рабочими. Скорытин объявил об этом рабочим и вечером они собрались в модельной мастерской. Туда же пришел Шемейтко. Он стал извиняться перед рабочими, а потом стал рассказывать свою биографию. В это момент столяр Гоголев (он был высокого роста) взобрался на верстак и закричал громовым голосом: "Товарищи! Что мы будем слушать его сказки!? Долой его и кончен разговор!" Тут все остальные рабочие вскричали: «Долой, долой!» Шемейтко одел шапку на голову и вышел, а за ним несколько рабочих, они его вывезли на тачке за проходную. После этого никто Шемейтко не видел. Вскоре после этого приехал Генинг и принял все дела механической и строительства целлюлозного завода.

Как будто в механической все успокоилось, но не тут-то было! Акционеры все надеялись, что это все временное явление, когда рабочие вмешиваются в хозяйственные дела, и начали постепенно механическую упразднить. Для гвоздильно-шурупного завода приняли пожилого техника Балышова и завод от механической отпал. Слесарей постепенно стали переводить по другим цехам, а многие стали увольняться и им с удовольствием давали расчет. Финны все, как из механической, так и из бумажной фабрики, уехали на родину, в том числе и мастер гвоздильного завода, на место которого назначен был я. Остались финны - механик Генинг и директор Бергстрем, да мастер бумажной фабрики Пипирнен, который женился на русской и она не хотела с ним ехать в Финляндию. Пленные тоже почувствовали свободу. Полицейских всех арестовали и направили на фронт. Стража

на пленных мало обращала внимание и одни пленные разбрелись по цехам, где им было выгоднее работать, а остальные убежали неизвестно куда. В результате, в июле механическая осталась без людей и ее закрыли на неопределенное время. Но и при закрытых дверях любимцы Скорытина потихоньку все, же там работали. Механик Генинг контору и свой кабинет устроил в помещении целлюлозного завода, а Скорытин остался при механической в качестве мастера и так велось до Октябрьской революции.

Пленные свободно бродили по Ляле, пока летом 1917 года Керенский не объявил, что война будет до победного конца, и за отказ и сопротивление виновные будут считаться контрреволюционерами и будут расстреляны. После этого приказа охрана пленных опять их погнала в казармы под надзор и содержали со всей строгостью. На этом настаивала лялинская милиция. Следует сказать, что в Новой Ляле наблюдали за порядком две организации: милиция, в которой состояли больше всего меньшевики, и Красная Гвардия, где начальником был Грачев. Контакта между этими организациями не было.

В марте по цехам бумкомбината прошли первые официальные собрания для выборов депутатов в исполнительный комитет Совета поселка Новая Ляля, в том числе и в механической мастерской. В механической самым активным рабочим считался Половинкин - он показал себя как при свержении Шемейтко, так и в борьбе за восьмичасовой рабочий день с сохранением существующей зарплаты. Мы, рабочие механического цеха и выбрали Половинкина депутатом. Это была наша ошибка - Половинкин поработал в исполкоме месяца полтора, потом собрал в механической собрание и категорически отказался работать в исполкоме, мотивируя это тем, что ему никто не будет платить за эту работу. Как его не уговаривали, что со временем это наладится, он не хотел и слушать и ушел работать слесарем на бумажную фабрику. Как будто это не имело особого значения, но рабочие убедились впоследствии, что Половинкин является чуждым элементом. Удостоверились в этом тогда, когда на Урале оперировали колчаковские банды и Половинкин добровольно поступил работать к ним, по слухам секретарем карательного отряда.

Бумажная фабрика, несмотря на то, что уехали все финны, работала нормально, так как при финнах было много опытных бумажников из русских, но им не доверяли ответственную работу. После отъезда финнов братья Кислицыны, Янковские, Исаков заступили на их места и фабрика работала. Но другая беда: в

центральном складе последняя сетка бумажной машины оказалась поврежденной каким-то вредителем (был забит сквозь ящик и сетку стальной штырь). В результате по всей длине сетки были рваные дыры, и она оказалась почти что непригодной. Правда, Иосиф Янковский был специалист зашивать рваные сетки, но, как известно, на такой сетке получается очень много бракованной бумаги и машина часто вынуждена останавливаться для починки сетки. В России сетки не изготовляли, а получали их из-за границы (кажется, из Англии). Транспорт в это время был занят исключительно военными перевозками и под осень 1917 года машина была остановлена. Заготавливали только древесную массу, которую складывали в подвале бумажной фабрики и во дворе на территории комбината.

Из-за отсутствия железнодорожного транспорта на комбинате за последние годы скопилось много бумаги (бурой обертки). Корпус, в котором во время Отечественной войны был устроен картонный цех, при капиталистах служил складом для бумаги. Он был весь забит листовой и рулонной бумагой вплоть до 1918-20 годов. В те годы из-за отсутствия газетной бумаги употребляли на газеты рулонную бумагу, а листовую в качестве писчей и плакатной.

В 1917 году в Новой Ляле был большой пожар. Загорелись штабеля леса на берегу - баланс для бумажной фабрики. По-видимому, их кто-то поджег из врагов Советской власти. Я шел на обеденный перерыв и вдруг увидел среди многочисленных штабелей как-то сразу поднявшийся клуб черного дыма, в тот же момент появилось большое пламя. Я сразу же повернул сообщить об этом в пожарную, но туда уже сообщили с каланчи. Пожарные сразу же выехали, но что они могли сделать с таким пожаром, если в их распоряжение были лишь четыре ручных насоса! Пожар охватил почти всю площадь сложенного леса, а пожарникам пришлось только предохранять от пламени лесотягу и дома по Береговой улице. Но все равно, нам бы при таком сильном пламени ничего не спасти! Только благодаря тому, что вскоре пошел сильный дождь, огонь погас. Но все, же две трети бревен сгорело.

Все лето между февральской революцией и Октябрьской проходили всякие собрания. Большевики свое говорили, эсэры свое, а иногда появлялись и анархисты, но толку от всего этого не было. Очевидно, Генинг и Бергстрем знали, что творится в Петрограде, так как в конце сентября или в начале октября Бергстрем почти что

скрыто уехал, забрав свое семейство, Генинг же семейство отправил, а сам остался один от всей многочисленной Лялинской администрации.

В конце октября 1917 года на комбинат пришла самая радостная весть, что временное правительство разогнано, Керенский сбежал и установлена Советская рабочая, крестьянская и солдатская власть. Сразу же коммунисты в лице инженера-энергетика Александрова, Иванова, рабочего Лаптевского завода, Гришина, Аксенова - слесаря механической мастерской и многих других взялись наводить порядок.

Этот период я не описываю, так как не в курсе дела и уверен, что это опишет Чашихин, я же в это время был занят на производстве. На этом я заканчиваю воспоминания за период от начала существования и постройки бумажного комбината до 1918 года.

Примечание: Воспоминания о Новолялинском бумкомбинате составил бывший работник комбината Феликс Иосифович Андруховский 19 августа 1967 года. Материал для публикации предоставлен работниками Новолялинского краеведческого музея.

Арданова Наталья Васильевна

Верхотурье XVIII – начала XIX вв. в исследованиях иностранных ученых

В XVIII – начале XIX вв. Верхотурье оказалось в центре внимания ученых и историков. Через город пролегали маршруты известных ученых-путешественников, в том числе и иностранных: Д.Г.Мессершмидта (1719, 1726), Г.Ф.Миллера (1742), И.Г.Гмелина, П.С. Палласа (1770) и других европейских ученых, которые оставили бесценные сведения о Верхотурье.

Д.Г.Мессершмидт был одним из первых иностранных ученых, кто исследовал природу Урала и Сибири¹. В 1716 году он был приглашен Петром I в Россию «для изучения всех трех царств природы». В 1718 году Мессершмидт прибыл в Санкт-Петербург и в 1719 году был уже в Соликамске, откуда по Бабиновской дороге 24 декабря 1719 года (по ст.стилю) прибыл в Тобольск². Во время этой экспедиции вел путевой дневник, который был использован и частично опубликован во второй половине XVIII в. Палласом и Стеллером. Когда Мессершмидт выехал в Сибирь из Петербурга, была зима. Из Казани на санях через Хлынов (Вятка) он прибыл в Соликамск, а затем по Бабиновской дороге достиг Верхотурья. Он пробыл в городе трое суток и описал его

соборы, монастыри и общий вид ландшафта; затем на лошадях достиг Тюмени и Тобольска. На обратном пути он снова проезжал через Верхотурье, где весь день 1 апреля 1726 года провел, оформляя таможенные дела, был принят воеводой и утром следующего дня отправился вдоль реки Сосьвы к Караульному заводу, а оттуда в Петербург³. Экспедиция Мессершмидта по Уралу и Сибири продолжалась 7 лет. Из своего путешествия он привез богатейшие и разнообразные коллекции, дневниковые записи, карты. Это были первые научные наблюдения, которые положили начало планомерному исследованию Урала и Сибири.

Изучение природы и естественных богатств Сибири, истории и этнографии населявших её народов в дальнейшем было возложено на академический отряд Второй Камчатской экспедиции, в составе профессоров (академиков) Г.Ф.Миллера и И.Г.Гмелина. В 1742 году они посетили Верхотурье. За время работы экспедиции Г.Ф.Миллер посетил все уральские города и сибирские уезды, обследовал архивы увиденных им городов и за 10 лет путешествий собрал огромный массив ценнейших материалов по истории, экономике, географии, демографии, археологии, этнографии и языкам сибирских народов. Он выявил и опубликовал, в том числе, и большое количество источников по истории Верхотурья. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) находятся наиболее интересные материалы по ранней (XVII-XVIII вв.) истории города, как социально-экономической, так и истории его строительства. В фонде 199 («Портфели Миллера») обнаружены документы о строительстве и ремонтах деревянного и каменного кремлей Верхотурья, Покровского женского монастыря, о городских пожарах и многие другие. Ценнейшие сведения из истории города изложены автором в многотомном труде «История Сибири». Принимал участие в обработке материалов, собранных Миллером, академик И.Е.Фишер, который в 1740 году в составе Камчатской экспедиции исследовал «сибирские земли». В 1768 году он издаёт на немецком языке в сокращённом варианте труд Миллера, а в 1774 году в Петербурге свою книгу под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири...».

Хотя вопросы истории города рассматривались Г.Ф.Миллером и И.Е.Фишером в контексте колонизации Сибири, первоначальная история Верхотурья была выяснена исследователями достаточно полно. С тех пор без упоминания Верхотурья и его роли в

отечественной истории не обходилось ни одно общее сочинение по российской истории⁴.

Биография Г.Ф.Миллера связана с Верхотурьем не только его посещением и исследованием. В 1742 году в Верхотурье Миллер сочетался браком со вдовой немецкого врача-хирурга. Это подтверждает и И.Гмелин в своем дневнике: «Господин профессор Мюллер ждал меня здесь, потому что мы договорились через переписку, что возвращаться в Россию будем в одной компании. С ним ехал художник Лурсениус и новая путешественница, любимая жена профессора Мюллера, с которой его здесь, в Верхотурье, обвенчал пастор евангелистской церкви, специально приехавший из Катариненбурга этим летом»⁵. Существует предположение, что в Верхотурье в 1743 году родился старший сын Миллера.

Ценным не только для истории Верхотурья, но и всего Урала и Сибири является путевой дневник И.Гмелина, собранные материалы обработаны в трудах «Путешествие по Сибири». В некоторых местах сведения об общественной жизни в городах Урала в середине XVIII в. совершенно уникальны. Интересно описание верхотурской таможни: «В 11 часов утра до обеда прибыл я в Верхотурье. От таможни до самого города меня сопровождали два солдата. Несмотря на то, что весь мой инструментарий разрешили разгрузить в квартире, которую мне предоставили под жилье, тут же была вызвана охрана, которую не убрали до тех пор, пока таможенная служба все не осмотрела. Досмотр проходил на следующий день после прибытия, точнее 15 ноября до обеда и продолжался довольно короткое время. Таможенники осмотрели все снаружи; когда они никаких запрещенных товаров не обнаружили, на их лицах можно было прочесть, что растения, минералы и другие природные предметы вызывают у них отвращение. Считаю, что досмотр прошел спокойней, умеренней, чем в Тобольске, где все вещи пересмотрели и перерыли так, будто они принадлежали человеку, подозреваемому в контрабанде товаров. С верхотурскими таможенниками мы расстались мирно и дружелюбно. Они будут пить кровь там, где есть что взять»⁶.

Таможенные службы были открыты в обеих частях города, чтобы осматривать все, что везут из Сибири и в Сибирь: одну у Покровского монастыря против реки назвали Плесовская, другую у Ямщицкой слободы назвали Боровская. У таможен стояли сторожевые избы, были устроены палисады с воротами, и здесь постоянно находилась таможенная охрана.

Ученый подробно останавливается на описании каменного кремля и центральной части Верхотурья, благодаря этим записям мы имеем ценные сведения о том, как выглядел город в 1-й пол. XVIII в. Из дневника И.Гмелина «Путешествие в Сибирь»: «...на Троицком камне располагается маленькая каменная крепость, построенная в форме четырехугольника, и с землей связана через двое ворот. Между этими воротами стоит главная каменная церковь, построенная в хорошем архитектурном стиле; половина ее находится вне крепости. Над нею стоит высокая каменная колокольня, на которой есть часы с боем...»⁷. Далее идет подробное описание стен, башен и зданий кремлевского комплекса: воеводской канцелярии, 4 каменных хранилищ, предназначенных для купеческих товаров, большой каменной кухни, сторожевого здания, здания для воеводы.

Уникальными являются сведения о гостином дворе в Верхотурье. В XVII в. он располагался в кремле, находился под неустанным надзором городской администрации, сосуществовал с таможенной и предназначался для обеспечения контроля над транзитной торговлей и бесперебойной отправки в Сибирь «хлебных запасов» и «русских товаров»⁸. Выстроенный в 1705-1719 годах в камне он должен был отражать важную роль Верхотурья как крупного административного и торгового центра⁹. Постройки гостиного двора перемещаются из кремля в посад, где городскому купечеству было удобнее вести дела.

Из заметок И.Гмелина: «Перед крепостью у главной церкви находится рынок. Торговый дом стоит на другой стороне, считая от крепости, немного дальше от речки. Он, также как крепость, четырехугольником и построен из камня. Его главный вход расположен как раз против рынка, имеет сводчатые ворота, на втором этаже которого располагается каменная таможня со складом и кладовками. По обе стороны, по углам, стоят две каменные церкви; одна посвящена Спасу Нерукотворному, другая Воскресению Христову. Над последней строят каменную колокольню. Этот торговый дом с запада на восток, вместе с церквями составляет 31 сажень в длину и 26 в ширину. Внутри вдоль трех стен расположены 27 торговых лавок с деревянными прилавками. Под таможенной находятся два склада и еще один – под первой церковью, вход в него с угла, внутри торгового дома. Эти склады предназначены для хранения товаров проезжающих мимо купцов, которые на некоторое время останавливаются в Верхотурье...Посреди торгового дома под деревянной крышей стоят весы»¹⁰.

Кроме того, Гмелин отмечает, что в разных местах города имеются еще 28 торговых лавок верхотурских жителей. На южной стороне от торгового дома стоит местная Управа, а рядом Земская изба, где имеют возможность собираться местные жители. На рынке «против торгового дома» находится винокуренный завод для переработки водки, тут же стоит трактир и еще два находятся в разных частях города.

Запрещение никакими другими дорогами не ездить, кроме как через Верхотурье, являлось стеснительным для торговли вообще, но способствовало процветанию Верхотурья. Купцы из Москвы, Устюга и других городов Европейской России, приезжая в Верхотурье по зимнему пути, дожидались там иногда по несколько месяцев конца весны, чтобы продолжать дальнейший путь в Сибирь водою, заживались иногда подолгу в Верхотурье и на обратном пути, выжидая установления санной дороги. Наймом квартир и покупкой съестных и других нужных припасов они приносили прибыль местным жителям. По тем же самым причинам, как купцы, должны были останавливаться в Верхотурье приезжавшие в Сибирь и из Сибири воеводы сибирских городов и состоявшие при них дьяки, также чиновники, посылавшиеся из столицы с разными поручениями в Сибирь. Имея обращение с приезжими из более просвещенных мест, верхотурцы приобретали от них много разных сведений, так что Гмелин в 1742 году нашел их гораздо более развитыми и гораздо более знакомыми с различными местностями государства, чем жители какого-либо другого сибирского города¹¹.

Большое значение, по мнению ученого, имеет такое занятие верхотурцев, как сбор кедровых орехов. Сибирского кедра в окрестностях города очень много и промысел приносит хороший доход. Кедровые орехи собирают и в других местах и польза их известна, однако Верхотурье – первое место, откуда эти орехи можно доставить в Россию. Большое их количество и удобство сбора является причиной того, что здесь мало занимаются земледелием.

В 1738 году в Верхотурье был большой пожар, сгорело 249 домов, в проезде Гмелина, на месте пожарища было еще много незастроенных пустырей. Во время этого пожара пострадали почти все каменные постройки кремля. В Портфелях Миллера содержатся ответы на «Запросные пункты» из Верхотурской канцелярии 1740-1742 годов. В них указано, что «от пожарного случая в 1738 году июля 18 дня в городе Верхотурье казенного и прочего сгорело на соборной

Троицкой церкви 6 глав деревянных, которые обиты были черепицей..., на колокольне кровли деревянные, крытые тесом, на канцелярии кровли и в сенях потолок, на 4 кладовых палатах потолки, кровли и двери, наугольной башни шатер...»¹².

В составе 2-й Камчатской экспедиции (1733-1743 гг.) работало несколько рисовальщиков (рисовальных мастеров). В 1728 году был выписан из Пруссии в качестве рисовальщика И.В.Люрсениус. Во время экспедиции Г.Ф.Миллера и И.Г.Гмелина по Сибири в 1733-1742 годах И.В.Люрсениусом был сделан рисунок, передающий панораму центра Верхотурья с правого берега Туры, по которому была сделана гравюра П.А.Артемьева. Датировка рисунка 1742 годом была проведена сотрудником Русского музея М.А.Алексеевой. Кремлевский комплекс изображен на гравюре довольно четко, при этом почти не отражены последствия пожара 1738 года. Художник, видимо идеализировал состояние кремлевского ансамбля, показав его состояние гораздо лучшим, чем было на самом деле¹³.

В 1770 году Верхотурье посетил Петр Симон Паллас – один из крупнейших ученых XVIII в. в области естествознания. В своих исследованиях Паллас объехал большую территорию Южного, Среднего и Северного Урала. Его наблюдения касались, в основном, геологического строения Урала. Изучая размещение горных пород и минеральных богатств, Паллас пришел к выводу о различии геологического строения западного и восточного склонов Уральского хребта и отметил, что для каждого из них характерны определенные типы полезных ископаемых¹⁴. Много внимания Паллас уделил изучению растительного и животного мира Урала. Особое место в наблюдениях ученого занимают этнографические описания. Подробно Паллас описывает вогулов, с которыми он встречается по пути в Верхотурье: «Живущие в одной местности Вогульцы, не имея ни хлебопашества, ни скотоводства, питаются одною только диких зверей ловлею; в прочем образа жительства, строениями и одеянием подражают совсем Россиянам, даже и говорят по-русски, а свой язык употребляют наипаче пред Русскими стыдятся»¹⁵.

В XIX веке продолжают исследования и изучение Урала. В июле 1828 года по поручению попечителя Казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина в научную командировку по Пермской губернии и Уралу отправляется А.Я.Купфер, где проводит минералогические исследования, а также обследует Уральские заводы. В путешествии Адольфа Купфера сопровождал казанский

аптекарь Карл Клаус, который был хорошим рисовальщиком. На основе его рисунков Купфер сделал цветные литографии, которые стали иллюстрациями к его книге «Путешествие на Урал (1728 г.)». В том числе был сделан рисунок Верхотурья, благодаря чему можно увидеть как выглядел город в начале XIX в. А.Купфер пишет о городе: «Бесспорно, главная достопримечательность здесь – мужской и женский монастыри, действующие уже более 200 лет. Сюда прибывают паломники из разных мест. Богатые архивы Верхотурья имеют, на мой взгляд, большое значение для изучения и понимания истории России. Например, я лично, видел указы московских царей на бумажных свитках ...11 сентября в Верхотурье было уже так холодно, что нельзя было выходить без ватного пальто: ртутный столбик термометра опускался ниже отметки замерзания воды. Однако, это было время, когда только что закончился сбор урожая»¹⁶.

В 1841 году был сделан еще один рисунок Верхотурского кремля по заказу английского геолога Мурчисона, он приложен к его книге «Геология Европейской России и Уральских гор». В 1840-1841 годах Мурчисон совершил поездку по Уралу с целью изучения Уральских гор. Было сделано 7 пересечений Урала по маршруту: г.Нижний Тагил, Кушва, Серебрянский завод, далее – по р.Чусовой до д.Усть-Койва, на Бисертский завод, гору Качканар, Нижнетуринский завод и г.Верхотурье до Богословского завода. Когда от Верхотурья он направился вдоль Уральского хребта на север по направлению к Богословскому заводу, он записал в своем дневнике: «Густая зелень скрадывает боковые виды, путешественнику представляются только под ногами его коня тундристые и болотные прозябания – нет ни прогалин, ни просеков; в мрачных и грозных лесах лошадь переступает боязливо между полусгнившими пнями, древними стволами, погружаясь нередко по стремяна в вязкую тину»¹⁷.

Список ученых, историков и путешественников, посетивших Верхотурье в период XVIII – XIX вв. можно дополнить именами иностранцев А.Гумбольта, А.Регули; и именами российских ученых и путешественников: С.П.Крашенинникова, Д.Я. и Х.П.Лаптевых, И.И.Лепехина, Н.Я.Озерецковского, Г.П.Гельмерсена и других, чьи исследования и описания дают нам возможность составить определенное представление об истории города, социально-экономических аспектах и природном богатстве края.

Примечания:

- 1.Архипова Н.П. Вклад западноевропейских ученых XVIII-XIXв. в познание природы Урала//<http://www.elar.urfu.ru>. С. 135.
- 2.Там же. С.136
- 3.Там же. С.136.
- 4.Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926): закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2012. С.287.
- 5.Гмелин И. Путешествие в Сибирь. Соликамск, 2012. С.52.
- 6.Там же.С.51.
- 7.Там же. С. 52.
- 8.Корчагин П.А. Указ. соч. С.220.
- 9.Там же. С.223.
- 10.Гмелин И. Указ. соч. С.83.
- 11.Токмаков И.И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья. М., 1899. С.285.
- 12.Корчагин П.А. Указ. соч. С.180.
- 13.Там же. С.181.
- 14.Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы//Сайт «Уральская библиотека»// <http://www.urbibl.ru>
- 15.Кисер Т.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи П.С.Палласа: этнографический ракурс // Сайт СибАК, <http://www.sibac.info>. С.279.
- 16.Путешествие на Урал// Сайт «Областной газеты», <http://www.oblgazeta.ru>
- 17.Ваксман С. Условный знак – Пермь //<http://www.ashipunov.info>. С.60-61

Гунгер Юрий Владимирович

Герой Гражданской войны Б.В.Дидковский: мифы и реальность

Именем героя Гражданской войны Бориса Владимировича Дидковского названы улицы в Верхотурье и Павде, клуб РОСТО (ДОСААФ) в Карпинске, геоморфологический, ботанический и исторический памятник природы «Перевал Дидковского», пик Дидковского на Приполярном Урале.

Миф 1-й. «Еще в начале октября 1918 года, когда шли бои под Верхотурьем, Уралобком РКП(б) и командование 3-й Красной армии направили в этот район бывшего председателя Верхотурского городского Совета Б. Дидковского... для проведения мобилизации, организации красногвардейских отрядов и укрепления левого фланга

и тыла 3-й армии. Дидковский назначается начальником советских войск на участке Кизел-Усолье-Соликамск-Павда»¹.

Чтобы отделить факты от мифов необходимо ответить на вопросы: когда и в какой точке Северного Урала появился Б.В.Дидковский? На первый взгляд кажется, что сведения об этом очень противоречивые. Сам Б.В.Дидковский сообщал в автобиографии: «в октябре из Перми командирован Обл. парт. комитетом с отдельным паровозом со спец. поручениями в прифронтовую полосу около Верхотурья»². В другой автобиографии Дидковский сообщал, что он «в РККА с начала октября 1918 г.»³. В наиболее объемном труде о Б.В.Дидковском авторы сообщают: «Уралобком, эвакуировавшийся в Пермь, осенью 1918 года вызвал Дидковского из Москвы и срочно направил на Северный Урал для выяснения военной обстановки», и уточняют: «белогвардейцы, обтекая левый фланг 3-й армии, уже заняли Надеждинск, Богословск и Верхотурье»⁴. Верхотурье было занято белыми 13 октября, Надеждинск и Богословск – только 20 октября⁵, но красные (Надеждинский военно-революционный комитет и другие органы советской власти) оставили их 11 октября⁶. Видимо, поэтому авторы «поторопились» с занятием белыми Надеждинска и Богословска.

Следовательно, имеются жесткие рамки появления Дидковского «в прифронтовой полосе около Верхотурья»: не ранее 13 октября (занятие белыми Верхотурья) и не позднее 15 октября (более поздние даты «началом октября» уже никак не могут быть).

Где появился? Ответ кроется в указании на «прифронтовую полосу около Верхотурья». 13 октября перемешавшиеся остатки красных отрядов отошли из Верхотурья в район станции Карелино и частично в сторону Старой Ляли. Передовые дозоры белых располагались в районе выселков Фоминского и Шведова⁷ (ныне станция Косолманка). Таким образом, единственными значительными пунктами в прифронтовой полосе были Нижне-Туринский завод (ныне город Нижняя Тура) и железнодорожная станция Выя. Очевидно, на эту станцию и прибыл 13-15 октября «с отдельным паровозом» член президиума Уральского областного совета рабочих и крестьянских депутатов Б.В. Дидковский.

Какие «спец. поручения» Уралобкома имел Дидковский, остается пока неизвестным, но только не «проведение мобилизации» и «организацию красногвардейских отрядов». Это опровергает сам Дидковский: «Там самовольно остался (в прифронтовой полосе -

Ю.Г.). Принял участие в военных действиях»⁸. Следовательно, «начальником советских войск» Б.В. Дидковский на тот момент не являлся.

Итак, Борис Владимирович Дидковский 13-15 октября 1918 года прибыл на станцию Выя со специальными поручениями Уралобкома. Выполнил он или нет поручения неизвестно, но самовольно остался в прифронтовой полосе и принял участие в военных действиях.

Миф 2-й. «На этом участке нет ни одного подразделения Красной Армии. Не дожидаясь директив, Дидковский устанавливает связь с командиром 29-й дивизии М.В.Васильевым и сообщает ему о своем решении остаться здесь и создавать добровольческие отряды»⁹.

Это утверждение действительности не соответствует. Выше уже упоминалось, что оставившие Верхотурье красные отряды отошли на станцию Карелино и Старую Лялю, тем самым прикрывая Выю и Нижнюю Туру с севера.

Сам Дидковский свидетельствует: «Принял участие в военных действиях. Водил роту в наступление, как комиссар и агитатор, участвовал в бою»¹⁰. Отсюда видно, что боевое крещение Дидковского прошло не в партизанском отряде, а в регулярной воинской части. В какой?

15 октября 3-я бригада (Волынский и 1-й Горный стрелковые полки, Питерский Красный батальон, кавалерийский дивизион В.В.Алексеева, артиллерия (9 орудий) и бронепоезд № 5) Сводной Уральской дивизии получила приказ занять Верхотурье. В район Старой Ляли по узкоколейной железной дороге Выя – Лесопильная 17 октября были переброшены кавалерийский дивизион В.В. Алексеева и Питерский Красный батальон с задачей обойти с северо-запада линию обороны белых по реке Актай¹¹. Очевидно, что Дидковский прибыл в Старую Лялю в составе Питерского Красного батальона или кавдивизиона В.В.Алексеева, в котором также имелась пехота, в т.ч. «до 60 человек китайцев»¹².

Где и когда Дидковский «водил роту в наступление, как комиссар и агитатор»?

Краснопитерский батальон располагался в Старой Ляле и соседней деревне Мелехино. Кавдивизион занимал позиции у деревни Ванюшиной. Боец дивизиона Ф.О. Курочкин вспоминал в 1963 году: «командир нашего отряда послал нас несколько человек в разведку вдоль реки Актай. Дал задание приобрести продукты. Отправившись в разведку, мы пришли в монастырь (Мало-Актайский скит – Ю.Г.) и

взяли из него до 6 кадок кислого молока, 9 мешков сухарей, около 6 пудов сушеной рыбы, полтора мешка сахару и две четверти церковного вина. Со всеми этими добытыми продуктами мы вернулись к своим»¹³. Впрочем, Курочкин замалчивает некоторые факты. Из других источников известно, что «красноармейцы произвели тщательный обыск, взломали пол на амвоне (Казанской церкви – Ю.Г.), разыскивая будто бы спрятанные ценности. Искали клад и в алтаре, разбросав при этом оставшиеся богослужебные предметы по полу. Разозленные неудачными поисками бандиты обвинили монахов Иакинфа и Каллиста в разведывательной деятельности и арестовали. Арестованных повели лесными путями до линии фронта, потом по железной дороге довели до станции Карелино». Дальнейшая их судьба печальна: «По словам очевидцев, ехавших в одном вагоне с монахами, безбожники предлагали Иакинфу и Каллисту отречься от Христа и этим сохранить себе жизнь. Отречься от Спасителя монахов хотели заставить публично. Преподобномученики категорически отвергли это дьявольское предложение и тут же были убиты выстрелами из револьвера. Монах Каллист был ранен и добит ударами в шею. Это произошло 17 октября 1918 года. Тела убитых бросили в болото недалеко от места расстрела»¹⁴.

19 октября состоялась первая атака красными частями Верхотурья, но сведений об участии в ней Питерского Красного батальона и кавалерийского дивизиона В.В.Алексеева не имеется.

Второе наступление красных войск состоялось 24 октября. Краснопитерский батальон и кавдивизион имели задачу обойти позиции белых с северо-запада. Из-за неподготовленности войск наступление сорвалось и ограничилось перестрелками¹⁵. Отсюда, и «скромность» Дидковского: «водил роту в наступление».

Решающий удар назначили на 28 октября. Кавдивизион и Питерский батальон должны были выйти к Богословской железной дороге южнее станции Новая Ляля и двигаться к Верхотурью по Богословскому тракту. Батальон атаковал село Караульское, но не смог взять его, отбитый контратаками батальона капитана А.А.Куренкова. Потеряв трех ранеными и двух убитыми (в т.ч. начальника пулеметной команды Богданова), красные отступили обратно к деревне Мелехино¹⁶. Неудачным оказалось и наступление кавдивизиона от деревни Ванюшиной на 37-й переселенческий

поселок¹⁷. Обо всем этом Дидковский всего лишь сообщает: «участвовал в бою».

2 ноября Дидковский так оценивал ситуацию на фронте: «Сейчас общее положение таково, что эвакуации не предвидится. Но если военные условия изменятся, может быть, она явится и необходимой». Тогда же, 2 ноября, он, как член облисполкома, приказал президиуму Кытлымского совдепа: «Необходимо разоружить в несколько часов всех, особенно неблагонадежных (напр. Черноголов и др.). Затем начать раздачу оружия надежным, по выбору. Это я вам приказываю делать. Мобилизуйте кого надо»¹⁸. Нет никаких оснований предполагать, что в Павде формирование отряда началось раньше этого срока, что также подтверждается некоторыми исследователями¹⁹.

Итак, Б.В.Дидковский до начала ноября 1918 года принимал участие в военных действиях в качестве комиссара и агитатора регулярной части – Питерского Красного батальона (или кавдивизиона) 3-й бригады 29-й стрелковой дивизии 3-й армии, никакого партизанского отряда (отрядов) у него на тот момент не было.

Миф 3-й. Боевое крещение отряда Дидковского было победным.

Павдинский отряд, как утверждается, был сформирован «из местных рабочих-добровольцев» (утверждение сомнительное, вспомним приказ Дидковского Кытлымскому совдепу: «мобилизуйте кого надо»). Командиром отряда был Петр Савельевич Соловьев, заместителем командира – Константин Ильич Захаров. Еще утверждается, что выдвинувшийся из Павды отряд занял Старую Лялю²⁰. Утверждение неверное: Старая Ляля уже была занята Краснопитерским батальоном. Поэтому правильно будет так: Старую Лялю занимали Краснопитерский батальон и Павдинский отряд, также как и соседнюю деревню Мелехино. Это неправильно понятое слово «занял» породило миф: «Белые стригут из пулеметов кусты. Трудно оторвать голову от земли. Ощущение непривычное, незнакомое, страшное. И все-таки Дидковский не только поднимает голову, но и бросается вперед, и вместе с ним все 70 человек – отряд, собранным им. Белогвардейцы не выдерживают атаки и бегут из Старой Ляли. Первое боевое крещение завершается победой»²¹.

С 29 октября на всех участках фронта наступило затишье, продолжавшееся больше недели. В наступлении 7 ноября («в день праздника русской революции») Питерский батальон и кавдивизион

снова получили задачу взять село Караульское. Белые стянули сюда весь батальон Куренкова, имевший также громкое название 19-го Петропавловского полка (частью которого формально являлся)²². Эта путаница в наименовании, видимо, сыграла злую шутку с красными.

8 ноября белые заняли 69-й (Гаевский) и 73-й переселенческие поселки. В донесении командиру Боевой колонны правительственных войск штабс-капитану Н.Н. Казагранди сообщалось, что при занятии 73-го поселка «убит комиссар Петроградского полка Чулин»²³ (явная ошибка, правильно: Питерского батальона).

Появление здесь целого «полка» было расценено за угрозу левому флангу 3-й бригады, командир которой отменил наступление, а 10 ноября отдал приказ о переходе к обороне²⁴. К 12 ноября батальон А.А.Куренкова уже выбил красных из деревни Мелехино, но они дважды в этот день переходили в наступление на Мелехино от Старой Ляли. Оба наступления были отбиты²⁵. При этом был разбит Павдинский отряд (100 человек)²⁶. 12-13 ноября батальон Куренкова разбил и отбросил Питерский Красный батальон от Старой Ляли и станции Лесопильной²⁷.

Дидковский в это время был на станции Лесопильной, на паровозе. Интересно, зачем? Очевидно, собирался куда и все: в сторону Нижней Туры. Но паровоз слетел с рельсов, тогда Дидковский с несколькими бойцами на трех кошевках (раздутых до трех возов с оружием и патронами) оторвался от белых в сторону Павды²⁸.

Питерский Красный батальон был отведен на переформирование на станцию Большая Выя, сменил его батальон 1-го Горного полка, прикрывший узкоколейку у станции Белая. 18 ноября батальон Куренкова отбросил батальон 1-го Горного полка к станции Маломальская, а 20-21 ноября занял эту станцию. На фронте наступило затишье: стороны готовились к сражению за Кушвинский плацдарм²⁹.

Итак, боевое крещение Павдинского отряда победным не было. Наоборот, окончилось его поражением и потерей более чем половины бойцов.

Миф 4-й. Утверждается, что отряды Дидковского ведут «упорные оборонительные бои с численно превосходящими частями противника»³⁰, «в течение трех недель упорно защищают единственный на севере Урала советский участок»³¹. Временные рамки этих «трех недель» не уточняются.

14 ноября красные предприняли свое последнее наступление на Верхотурье. Отбившись и на этот раз, 16 ноября белые перешли в наступление, в т.ч. и батальон А.А. Куренкова. 18 ноября Куренков выбил батальон 1-го Горного полка со станции Белая и отбросил его к станции Маломальская³². 19 ноября (ровно через неделю после разгрома в Мелехино) после часовой перестрелки красногвардейский отряд (45 человек, командир П.С. Соловьев) оставил поселок белым, отступив в деревню Кырю и 20 ноября получил из Кизела подкрепление командой конных разведчиков (20 человек)³³. Как видим, «упорного оборонительного боя» за Павду не было. Какая часть батальона Куренкова участвовала в захвате Павды не известно, но, очевидно, небольшая.

И в дальнейшем основные силы батальона Куренкова действовали на другом направлении: 20-21 ноября в бою за станцию Маломальскую, 30 ноября – за станцию Выю и Нижне-Туринский завод, 2-3 декабря (совместно с 20-м Тюменским полком) – за станцию Азиатскую³⁴. Никаких наступательных действий из Павды белые не предпринимали.

Это, видимо, было расценено Дидковским как несомненный успех. 26 ноября он отправил письмо в Кизеловский совдеп, в котором заявил, что сил, которыми он располагает, «достаточно для защиты перевалов через Урал, но для того чтобы взять Павду обратно, а затем угрожать Богословску и Караулу, надо еще 200-300 боеспособных красногвардейцев с тремя пулеметами»³⁵. Но кизеловские товарищи не поспешили.

Уже 30 ноября Дидковский отправил телефоноады в Кизеловский совдеп и начальнику 29-й стрелковой дивизии М.В. Васильеву: «Если эта записка попадет к вам ночью, не откладывайте выполнение до утра. Здесь положение очень серьезное, и мы потеряем выгодные позиции в горах, которые потом трудно будет занять»³⁶. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, как не прав Дидковский: без обладания Павдой обладание Кытлымом не только бессмысленно, но и заведомо создает угрозу окружения находящимся здесь красным силам, т.е. отряду Дидковского.

Очевидно, это понимало командование 29-й дивизии и ввело единоначалие, назначив Б.В. Дидковского «начальником советских войск на участке Кизел-Усолье-Соликамск-Павда»³⁷, «помощником начальника советских войск Кизела-Усолья- Соликамска-Павды» был

назначен В.А.Сильных³⁸. Начдив М.В.Васильев обратился к кизеловцам о помощи Дидковскому³⁹. Но было уже поздно.

В Павду прибыл 1-й батальон 18-го Тобольского полка (командир поручик Галкин)⁴⁰. Когда? Очевидно, 30 ноября, когда белые взяли станцию Вью и смогли осуществить переброску батальона в Старую Лялю по узкоколейной железной дороге. Численность батальона? Не полного состава. Сам Дидковский оценивал ее двумя ротами⁴¹.

Утром 2 декабря полурота прапорщика Дьячкова выдвинулась из Павды по дороге на Кытлым. В 12 часов дня Дьячков отправил Галкину донесение:

«Доношу, что в 12 верстах от Н. Павд. З. (Николае-Павдинского завода – Ю.Г.) из барakov наших разведчиков обстреляла застава красных. После перестрелки пришлось их выбивать атакой, которая кончилась благополучно. Красных было человек 15. Препровождаю именной список красных, захваченных в бараках. Доношу, что мало патрон. До Кытлыму еще 16 верст, где ожидается застава, т.е. застава при Перекате. Перекат обходить по теперешнему снегу, без лыж и ночью. Стрельбы со стороны их пока еще не слышно. [неразб.]. В бараки был проведен телефон. 2 декабря, 12 часов. Прапорщик Дьячков»⁴².

Перекат – перевал между горами Колпак и Семичеловчья⁴³, удобный для обороны. Но Дидковский такую возможность не использовал и вечером того же дня оставил Кытлым по дороге на Сосновский прииск, огибая с севера гору Косьвинский Камень. Почему не напрямую, по дороге на Растес? Очевидно, потому, что белые начали наступление и по Бабиновской дороге, а Дидковский не мог ручаться не только за судьбу Кырьи, но и за судьбу самого Растеса. Кроме того, следовало ожидать засады на Растесской дороге.

Засада, действительно, была, о чем свидетельствует донесение командиру 1-го батальона поручику Галкину:

«Сейчас прибежали из Кытлыма два захваченных красноармейцами мальчика, которые говорят: Дидковский (так в тексте – Ю.Г.) 2-го вечером выехал из Кытлыма на Сосновский пр[ииск]. Я могу начать наступление только при условии, если и с Вашей стороны будет начато такое одновременно. Остаться здесь долго таясь нельзя, ввиду большой отдаленности. В настоящее время продуктов никаких уже нет, достать совершенно невозможно. Кроме того, можно предположить, что если Дидковскому удастся пробраться

на Яйву, то по всем вероятностям он предпримет каких-нибудь шаги к помощи Кытлыму»⁴⁴.

Донесение без подписи и даты. Сличение почерка писавшего с другим документом позволяет утверждать, что принадлежит оно руке штабс-капитана Чудинова⁴⁵. Как датировать донесение? Несомненно, 3 декабря: Дидковский уже оставил Кытлым, наступление на Растес еще белыми не предпринято. 3 декабря Павдинский отряд был выбит из Кырьи, 4 декабря белые начали наступление на Растес и с боем овладели им. 10 декабря красные были выбиты из Верх-Косьвы⁴⁶. Как и предполагал Чудинов, Дидковскому оставалось следовать единственно возможным направлением: на Молчан-Чикман-Яйву.

Дидковский с остатками Кытлымского отряда вышел к Молчану на десятый день⁴⁷, т.е. 11 декабря.

К этому числу силы красных составляли: Павдинский отряд (пополненный добровольцами из Кырьи и Растеса) – 110, Кизеловский отряд – 160, конные разведчики из Кизела – 20, конный отряд из Кизела – 25, Соликамский отряд – 150⁴⁸. Итого: 465 человек! У белых столько не было. Во всем 18-м Тобольском полку на 16 декабря насчитывалось 1045 штыков⁴⁹. Если разделить на 3 батальона, то в среднем по 348 штыков получается, а за минусом штаба и полковых команд, того меньше. Если бы Дидковский сумел вывести к Молчану Кытлымский отряд, а, еще бы лучше, отвел своевременно из Кытлыма в Растес, красные имели бы еще больший перевес. Обычно численность Кытлымского отряда оценивают в 100 человек⁵⁰. Это неверно, сам Дидковский сообщает другие цифры: 178 или 180 человек, из них в Молчан он привел 14 или 18⁵¹. По свидетельству красногвардейца Егорова – 13, «живое мясо, а не солдаты!». Он же сообщал, что на реке Косье, встретившись с белой разведкой, бросили обоз, отряд разделился: «конница и пехота по одной линии, а семнадцать человек с Дитковским – по другой». В назначенном месте эти две части отряда не встретились. Еще четверых во главе с Саканцевым Дидковский оставил с обессилившими лошадьми: «Ты будешь начальник над этими лошадьми. Мы выберемся и за тобой прибудем»⁵². Судьбу большей части отряда проясняет Т.У. Бельтюгов: «пошли назад»⁵³, т.е. в Кытлым.

Итак, сведения об «упорных оборонительных боях с численно превосходящими частями противника» отрядов Дидковского, по меньшей мере, сильно преувеличены. Кытлымский отряд был потерян в результате бездарного рассредоточения сил.

Миф 5-й. «После укрепления и реорганизации отрядов Дидковский предпринял наступление на Верх-Косьву. 12 декабря красногвардейцы, несмотря на то, что белые имели численное превосходство, сумели захватить поселок, который удерживали больше недели. После упорного боя 21 декабря Верх-Косьву снова оставили и отошли через Молчан к Верх-Яйве»⁵⁴.

Здесь почти все верно. Действительно, красногвардейцы отбили Верх-Косьву, но, как указывалось выше, используя свое численное превосходство. Действительно, белые снова захватили Верх-Косьву, но не 21-го, а только 24 декабря⁵⁵. Мифотворчество в другом. На тот момент Дидковский отрядами не командовал, о чем сам свидетельствует: «При отступлении дважды попал под лед на р.Косьве, в результате около 2 месяцев пролежал с опухолью ног»⁵⁶. Вместе с другими членами Временного военно-революционного комитета Северного края Дидковский просил штаб 3-й армии «утвердить на должность командующего всеми боевыми действиями товарища, который своим авторитетом и разумными действиями внушал бы к себе доверие разбитых красноармейских полков»⁵⁷. Отряды «краснаго инженера Дидковского» под натиском белых отходили к Усолю⁵⁸. 29 ноября отдельный батальон капитана А.А.Куренкова вернулся на это направление⁵⁹.

Миф 6-й. Расстрелянных в Кытлыме 18 красногвардейцев предал Шияп Саттаров⁶⁰.

Действительно, чернорабочего Кытлымских приисков Шигабутдина Саттарова в 1920 году арестовывали, как сотрудничавшего с белой властью. Но все его «сотрудничество» сводилось к 45-дневному «наряду в подводы» и угощению чаем белых офицеров. Следствию (Екатеринбургской ГубЧК) Саттаров показал: «списки на коммунистов, которые были в сумке оставлены Дидковским», передал коменданту Кытлыма Л.Ф.Сухоруков. По показаниям Сухорукова с отрядом Дидковского из Кытлыма шли еще и 30 эвакуируемых специалистов. 13 из них были оставлены с лошадьми на реке Косьве. Вспомним обещание Дидковского «прибыть» за ними. Не дождавшись Дидковского, вся группа вышла в Верх-Косьву, уже занятую белыми, была арестована, отправлена в Кытлым и там отпущена по домам. На состоявшемся в 1920 году в Екатеринбурге судебном процессе Саттарова и Сухорукова «ввиду их безграмотности и считаясь с их социальным положением» из-под

стражи освободили⁶¹. Видимо, судьям была очевидна их невиновность: ведь списки «были в сумке оставлены Дидковским».

Миф 7-й. Перевал Дидковского.

Традиционно считается, что расположен он на северном отроге горы Казанский (Сухогорский) Камень. Об этом свидетельствует установленная здесь звезда и мемориальная табличка. Но установка здесь памятного знака является самодеятельностью Серовского турклуба. Здесь не ступала нога ни самого Б.В.Дидковского, ни его красногвардейцев.

В 1973 году «путь боевой славы отряда Б.В.Дидковского» был отмечен чугунной табличкой (ныне расколотой) на гребне Серебрянского Камня некими «туристами Северного Урала». Здесь также путь Дидковского и его отряда не пролегал.

«Горный перевал Дидковского» значится в перечне достопримечательностей Новолялинского городского округа. Где он расположен и откуда попал в перечень? Попытки это выяснить успехом пока не увенчались.

На самом деле «Геологический, ботанический и исторический памятник природы «Перевал Дидковского» площадью 100 га расположен в кварталах 31 и 44 Кытлымского лесничества Карпинского лесхоза. Это перевал между горами Косьвинский Камень и Катышер. Никакими знаками особо охраняемая природная территория на местности не обозначена. Паспорт ее хранится в Карпинском лесхозе.

Мифы о герое Гражданской войны Б.В.Дидковском живучи и кочуют из издания в издание. Современные же историки не высоко оценивают его военные заслуги: «Участник Гражданской войны. Во главе отряда прорывался к Кизелу. Был комиссаром 23-го Верхнекамского полка, начальником снабжения 3-й армии».

Примечания:

¹Борисов А.Г. Верхотурье в годы революции и Гражданской войны. 1917 – 1922 гг. Екатеринбург, 2014. С.91.

²Автобиография Дидковского Б.В. (написана 19 июля 1923 года) // Фомичев И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революции и Гражданской войны. Верхотурье, 2009. С.189.

³Букина М.Н., Постнов Ю.С. Б.В. Дидковский. Свердловск, 1986. С.110.

⁴Там же. С.53-54.

⁵Фомичев И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революции и Гражданской войны. Верхотурье, 2009. С.46-47.

- ⁶Фомичев И.А. Надеждинск в годы революции и Гражданской войны. 1917 – 1922 гг. Екатеринбург, 2014. С.85.
- ⁷Кручинин А.М. Сражение за Верхотурье в 1918 году // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып. 3. Верхотурье, 2012. С.125.
- ⁸Автобиография Дидковского Б.В... С.189.
- ⁹Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.54.
- ¹⁰Автобиография Дидковского Б.В... С.189.
- ¹¹Кручинин А.М. Указ. соч. С.125.
- ¹²Воспоминания Курочкина Федора Осиповича // Фомичев И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революции и Гражданской войны. Верхотурье, 2009. С.94.
- ¹³Там же.
- ¹⁴Из жития преподобномученика Иакинфа Верхотурского // Фомичев И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революции и Гражданской войны. Верхотурье, 2009. С.194.
- ¹⁵Кручинин А.М. Указ. соч. С.126.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Воспоминания Курочкина Федора Осиповича... С.94.
- ¹⁸Записка Б.В. Дидковского об эвакуации Кытлыма в 1918 г. // Букина М.Н., Постнов Ю.С. Б.В. Дидковский. Свердловск, 1986. Ил.6.
- ¹⁹Революция защищается. Свердловск, 1989. С.178.
- ²⁰Борисов А.Г. Указ. соч. С.91-92.
- ²¹Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.55.
- ²²Кручинин А.М. Указ. соч. С.128-129.
- ²³Телицын В.Л. Белое дело: 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк и его командир // Серебряный меридиан. Историко-краеведческое приложение к газете «Алюминщик». № 43. Краснотурьинск, 2002.
- ²⁴Кручинин А.М. Указ. соч. С.129.
- ²⁵Телицын В.Л. Указ. соч.
- ²⁶Борисов А.Г. Указ. соч. С.92.
- ²⁷Кручинин А.М. Указ. соч. С.129.
- ²⁸Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.55.
- ²⁹Кручинин А.М. Указ. соч. С.131.
- ³⁰Революция защищается. Свердловск, 1989. С.178.
- ³¹Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.56.
- ³²Кручинин А.М. Указ. соч. С.130-131.
- ³³Борисов А.Г. Указ. соч. С.92.
- ³⁴Гунгер Ю.В. 27-й Верхотурский полк и его командир Александр Александрович Куренков // Вестник истории Верхотурского уезда. Вып.2. Верхотурье, 2011. С.224-225.
- ³⁵Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.58.
- ³⁶Там же. С.58.
- ³⁷Борисов А.Г. Указ. соч. С.91.

- ³⁸Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале. (1917 – 1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Т.2. Екатеринбург, 2007. С.96.
- ³⁹Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.58.
- ⁴⁰Гунгер Ю.В. Указ. соч. С.225.
- ⁴¹Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч.. С.110.
- ⁴²РГВА. Ф.39969, оп.1, д.4, л.16.
- ⁴³Бахтин Э.И. В Кытлым (или путешествие в край «битых тарелок») // Кытлым. Сборник статей, очерков и воспоминаний / сост. Т.П. Киселева, Е.Н. Изман. Екатеринбург, 2012. С.89.
- ⁴⁴РГВА. Ф.39969, оп.1, д.4, л.15.
- ⁴⁵РГВА. Ф.39969, оп.1, д.4, л.6об.
- ⁴⁶Борисов А.Г. Указ. соч. С.93.
- ⁴⁷Фомичев И.А., Борисов А.Г. Указ. соч. С.189.
- ⁴⁸Борисов А.Г. Указ. соч. С.93-94.
- ⁴⁹Боевые расписания армий Восточного фронта // Белая гвардия. Альманах. №5. М., 2001. С.140.
- ⁵⁰Плотников И.Ф. В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период Гражданской войны. Свердловск, 1978. С.13.
- ⁵¹Автобиография Дидковского Б.В.... С.189; Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.110.
- ⁵²Рейснер Л.М. Кытлым (платина) // Кытлым. Сборник статей, очерков и воспоминаний / сост. Т.П. Киселева, Е.Н. Изман. Екатеринбург, 2012. С.71.
- ⁵³История установления памятника в поселке Кытлым // Кытлым. Сборник статей, очерков и воспоминаний / сост. Т.П. Киселева, Е.Н. Изман. Екатеринбург, 2012. С.84.
- ⁵⁴Борисов А.Г. Указ. соч. С.94.
- ⁵⁵РГВА. Ф.39969, оп.1, д.4, л.2.
- ⁵⁶Букина М.Н., Постнов Ю.С. Указ. соч. С.110.
- ⁵⁷Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С.46.
- ⁵⁸Протопопов Н.А. По закаским лесам. Харбин, 1940. С.157.
- ⁵⁹РГВА. Ф.39969, оп.1, д.4, л.3.
- ⁶⁰История установления памятника в поселке Кытлым... С.83.
- ⁶¹Борисов А.Г. Указ. соч. С.143, 146-148, 173.

Желвакова Светлана Константиновна

Уральские заводы и заводчики в эпоху крепостного права

Поскольку крестьяне Верхотурского уезда не могли вести товарное хозяйство, для многих из них сельское хозяйство было лишь

подсобным занятием и они вынуждены были искать источник существования и уплаты государственных податей вне сельского хозяйства, то есть широко практиковать отход на заводы, занятие ремеслом, промыслами, мелкой торговлей. По наибольшему удельному весу среди неземледельческих занятий государственных крестьян первое место занимала работа на горных заводах, куда устремлялась основная масса отходников. Горные заводы особенно привлекали крестьян, потому что на подсобной работе там не требовалось больших профессиональных знаний и навыков, имелись издавна сложившиеся связи с этими заводами, еще со времени приписки крестьян к ним, а горнозаводская промышленность представляла собой основу хозяйственного потенциала всего района, была в первой половине XIX века, так же как и в XVIII веке, ведущей отраслью в экономике Урала.

Число казенных и частных горных заводов и золотых промыслов в Пермской губернии на протяжении половины столетия незначительно колебалось (в связи с консервацией или возобновлением старых и постройкой новых) в пределах примерно 100 предприятий. К середине XIX века основная масса этих заводов по Уралу (115 из 154 или около 75%) находилась в Пермской губернии, составляющей ядро горнозаводского Урала. Крупные промышленные предприятия на Урале начали строить накануне Северной войны. До нас дошло высказывание по данному вопросу одного из самых умных современников – экономиста и историка, талантливое организатора строительства заводов на Урале В.Н.Татищева. Он рисует такую картину: до Северной войны Россия ввозила железо из Швеции, в 1700 году началась война с этим государством и Россия вынуждена была покупать шведское железо у посредников – англичан и голландцев. Положение создалось чрезвычайное, таившее большую опасность для России. И вот в этот исторический час ставка была сделана на Урал.

Велика была роль города Верхотурья в создании на Урале крупного промышленного района. При верхотурском воеводе Д.Протасеве в 1696-1697 годах на реке Тагиле была найдена и исследована магнитно– железная руда. Другие воеводы – К.Козлов и А.Калитин – следили за постройкой двух из четырех первых крупных металлургических заводов – Невьянского и Алапаевского. Затем, в 1720 году верхотурские воеводы ведали всей казенной

горнозаводской промышленностью Урала. И даже позднее, в 1723 году, верхотурский комендант А.Беклемишев присматривал за строительством Лялинского завода. Верхотурским купцом был М.М.Походяшин, с именем которого связано создание во второй половине XVIII века крупного металлургического центра на Северном Урале – Богословских заводов.

К строительству первых заводов правительство относилось с большой осторожностью. 11 сентября 1698 года Пётр I издал указ, в котором предлагалось строить на Урале заводы на основании материалов местных знающих людей, но вместе с тем отправить в Верхотурье мастеров с тульских, каширских, павловских, малоярославских, олонекских заводов, которым надлежало еще раз осмотреть места будущих заводов и высказать своё мнение об удачности выбора точек строительства. Первая группа мастеров в количестве 22 человек прибыла на заводы 1700 году. Строительство заводов в первые десятилетия XVIII века велось главным образом в районе Среднего Урала и примыкающих к нему равнин.

В 1696-1698 годах верхотурский воевода Д. Протасьев получил ряд грамот, согласно которым он должен был осмотреть «в которых местах камень магнит и железная руда есть ли», а по выполнению получил указание о выборе удобных мест, к присылке в Москву «снятых с таковых чертежей». Итак, царь Пётр I повелевает верхотурскому воеводе Д. Протасьеву найти добротную железную руду на территории уезда. Верхотурский воевода, собрав лучших рудознатцев, объявляет им о приказе царя. И отправились на поиски руды верхотурские люди – Сергей Бабин и Кузьма Суля. Вскоре вернулись верхотурские рудознатцы назад, прихватив с собой образцы с тех мест, где руды много. Был сделан анализ руды и признано, что уральская руда «самая добрая».

Верхотурские рудознатцы подготовили базу для развития уральской металлургии в XVIII веке. Узнав результаты опытов, А.А.Виниус, стоявший во главе Сибирского приказа, послал верхотурскому воеводе грамоту, в которой предписывал «на реках Тагил и Нейва, где сыскана железная руда, завести вновь железные заводы. И на тех заводах лить пушки, гранаты и всякое оружие для обороны Сибирского царства и для привозу к Москве и иные Понизовые и Верховые городы». Подходящее

место для строительства завода признали в 20-ти верстах от Краснопольской слободы у деревни Федьковки.

В 1698 году на реке Нейве петровское правительство построило Федьковский железоделательный завод. После постройки завода выяснилось, что место выбрано неудачно. Пришлось строить завод на другом месте. Новый завод на реке Нейве – Невьянский – начали строить 23 апреля 1699 года. Завод этот строили долго. Для постройки завода пригнали крестьян из 15 слобод. Присланы были на работы и верхотурские ямские охотники. Постройку плотины, домны и молотовых фабрик поручили Семёну Викулину, который работал прежде на Павловском заводе в Московском уезде. Общий надзор за строительством был возложен на верхотурского сына боярского Михаила Бибикова. В 1701 году на Невьянском заводе выстроили одну домну, два горна и один молот. Первый чугун выплавляли на заводе 15 декабря 1701 года, а первое железо выковали 8 января 1702 года. В первый раз из 14 пудов чугуна вышло 9,5 пудов железа.

«И в 1700 году генваря в 19 день Великий государь указал мастеров з женами и з детьми для железных заводов послать на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где заводам быть пристойно». В Верхотурье потянулись мастера с подмосковных заводов. Восемь первых мастеров и 32 подмастерья прибыли на место в марте 1700 года. На обеспечение строительства «верхотурских заводов» были брошены почти все ресурсы города и уезда. Для доменного, плотинного и молотового строения отправлялись крестьяне, казаки, служилые люди. Почти все кирпичники и каменщики, работавшие на строительстве Верхотурского Кремля, были переведены на Невьянский завод. Вместо М.Бибикова руководить строительством Невьянского завода прислали С.Викулина, «для того, что он заводское дело управлять может и пред сего у таких дел бывал». На строительных работах было занято свыше тысячи человек, и когда управляющий строительством С.Викулин потребовал еще две тысячи, верхотурский воевода Протасьев разослал в слободы «послушные грамоты», но усомнился в возможности выполнения заявки завода, потому что по всем слободам по переписным книгам 3000 крестьянских дворов не будет. С.Викулин затребовал от Сибирского приказа 300 пудов «доброе свицкого железа» для оковки валов и молотовых станов, 200

пудов связного железа, 200 саженой канату, а также железную бабу для забивки свай. Просил он, кроме того, прислать мастеров. Все затребованное было немедленно отправлено в Невьянск. С весны 1701 года работы пошли быстрее. Виниус прислал верхотурскому воеводе грамоту, в которой напоминал о скорейшем пуске завода ввиду большой дороговизны железа из-за прекращения его поставки из Швеции.

Возведение Каменского завода началось в июне 1700 года в двух верстах от впадения Каменки в Исеть. На постройку завода были взяты крестьяне Катайского и Колчеданского острогов и слобод Каменской, Камышевской и Багарядской. Эти селения приписаны к новому заводу. Число крестьян, приписанных к заводу, было весьма значительно. По переписи 1722 года их насчитали 7051 человек. Руководил строительством сын боярский И. Астраханцев и плотинный мастер Е.Яковлев. К осени построили плотину, доменную печь, молотовую фабрику с двумя кричными горнами, кузницу, вспомогательные строения и 25 жилых изб. Датой пуска Каменского завода считается 15 октября 1701 года, а сам завод первым на Урале. 15 декабря 1701 года доменный мастер Я.Фадеев докладывал об этом Петру I: «Милостью божий, а твоим, Великого Государя, счастием, с нашей, холопей твоих, к тебе, Великий Государь, службою, и всеусердным радением, твои, Великий Государь, Верхотурские железные заводы в совершенство приведены, а руда в домну засыпана 11 числа и мехи дуть почали, а из домны чугун пошел в 15 день, а из чугуна железо пошло в дело января 8 числа».

Подлинный расцвет уральская металлургия получила в 18 веке. Каменский завод положил начало будущему военнопромышленному комплексу Урала. Первые уральские орудия были отлиты на Каменском заводе. Пять пушек, две мортиры (орудия были неочищенные и несверленные, т.к. сверлильный цех еще не был построен), 56 ядер, 19 бомб были отправлены в Москву на санях в феврале 1702 года. В столицу обоз прибыл 9 марта. После окончательной отделки на Московском пушечном дворе первые уральские орудия опробовали. Присутствовавший на испытаниях Виниус сообщил Петру, что орудия оказались «зело изрядны». Обрадованный царь за редкую оперативность удостоил тобольского воеводу М.Я.Черкасского «многого похваления».

Невьянский завод принадлежал казне только два с половиной месяца. По указу от 4 марта 1702 года он передан Никите Демидову. Невьянский завод заложил основу огромной промышленной империи Демидовых. В 1703 году Невьянский завод отлил 52 пушки и 1 мортиру. В марте Н.Пиленок отправил в Москву 208 фузей. Оружейный завод под Тобольском к этому времени представлял собой централизованную мануфактуру как писали тогда «две избы для общей работы». За первые пять лет существования завод изготовил 114 артиллерийских орудий. Он имел несколько домен, в том числе «царь-домну», одну из самых крупных в мире в первой четверти XVIII века. Таким образом, к весне 1703 года Урал уже оказывал действительную помощь в войне со шведами. Край становился кузницей орудия.

В том же 1703 году в трех верстах выше Каменского началось строительство Верхне-Каменского завода. Это было первое на Урале вспомогательное предприятие-цех. Здесь сверлили пушки и изготовляли железо. Весной 1703 года тобольский воевода Черкасский начал готовить к отправке первый караван с продукцией Каменского завода. 18 июля караван прибыл в Москву из Сибири. В 42-х стругах привезли 323 пушки, 12 мортир, 15 гаубиц и «стали и укладу немалое число». Весной того же года отправил первый караван и Демидов. На трех стругах везли две пушки и 8,5 тысяч ядер. Прибытие первых караванов совпало и с первыми крупными победами русского оружия в Северной войне. Сообщая Винусу о взятии Нотебурга, Петр I отмечал, что «артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». В отчетном письме Винус радовался тому, «что сибирского железа пушки и мортиры опыт свой выдержали».

В первые пять лет промышленного производства на Урале (1700-1704) вошли в строй еще два крупных завода Уктусский и Алапаевский. Последний, кроме железоделательного производства, имел медеплавильное. Таким образом, в 1700-1704 годах четыремя крупными заводами казна положила начало уральскому горнопромышленному району. За первую треть XVIII века на Урале были построены 33 металлургических предприятия. 13 из них принадлежали казне, 12 – крупнейшим промышленникам Демидовым, 2 – старейшим уральским магнатам Строгановым, 4 –

Походяшиным, 2 – другим частным владельцам (Всевожским и Пастуховым). Особенностью заводского строительства во второй половине XVIII века являлось преобладание частных заводов, которых в этот период было сооружено в три раза больше, чем казенных.

Всего на Урале в первой половине XVIII века появилось 71 предприятие, 33 из них производили черный металл, а 38 – медь. Урал прочно занял ведущее место в горно-металлургической промышленности страны. Если в 1725 году на Урале было выплавлено 0,6 млн. пудов чугуна, то в 1750 году уже 7,7 млн. пудов. Во второй половине XVIII века было построено свыше 100 предприятий, причем только 5 казенных. Казна активно передавала металлургическое производство частным хозяевам, которые вели дело эффективней. Если в 1750 году ей принадлежало 72% всех доменных печей, то в 1800 году только 12%. XVIII столетие стало «золотым веком» уральской металлургии. В этот период возникло 70 % железоделательных и почти 90 % всех медеплавильных заводов, возникших в уральском регионе за период двухвекового существования здесь горнозаводской промышленности.

По количеству горных заводов Верхотурский уезд к началу XIX века стоял на втором месте в губернии после Екатеринбургского. Здесь насчитывался 21 завод, почти пятая часть заводов края. На его территории находились два казенных горных округа – Гороблагодатский и Богословский, в которых сосредотачивалась почти половина всех казенных заводов Пермской губернии: Баранчинский, Богословский, Верхнебаранчинский, Верхнетуруинский, Кушвинский, Нижнетуруинский, Петропавловский и Николае-Павдинский с Туринскими рудниками и золотыми промыслами. Было много и частных горных заводов: Бынговский, Верхнесалдинский, Верхнелайский, Висимоуткинский, Висимотайтанский, Вийский, Невьянский, Нижнелайский, Нижнесалдинский, Нижнетагильский, Петрокаменский, Черноисточинский.

В XIX век российская металлургия вступила в зените своей славы, занимая первое место в мире по производству чугуна и железа, львиная доля которого поставлялась с Урала, в т.ч. и Верхотурского уезда.

Литература:

- 1.Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала.- Пермь,1961.-с.29
- 2.История Урала.т.1. Пермь, 1963, с.94
- 3.Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910.- с.73- 92.
- 4.Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948
- 5.Журнал «Родина», 2001, октябрь, с.40-43
- 6.«Сибирского железа пушки...». Первые уральские заводы.- Уральский следопыт, 1994, № 9, 10- с.13
- 7.Три века металлургии Урала.- Металлоснабжение, 2001, № 10, с.30-34

Заплатаина Наталья Викторовна

Баянов Алексей Алексеевич - уральский самородок

Алексей Алексеевич Баянов родился 4 февраля 1893 года в г.Верхотурье. Предки семьи Баяновых были люди мастеровые. По традиции знание ремесел передавалось из поколения в поколение (10). Семья будущего композитора жила на нынешней улице Гражданской, дом №14 и была немаленькой: Алексей Михайлович – отец, Евдокия Андреевна – мать, дети – Николай, Александр, Егор, Алексей, Нина и Прасковья. Алексей Михайлович чинил ружья, музыкальные инструменты, паял, лудил посуду, иногда охотился. Евдокия Андреевна заботилась о семье (9). Глава семьи владел виолончелью так же ловко, как слесарным инструментом. Вечерами вся семья собиралась вместе, чтобы послушать чудесную музыку. Позднее Алексей Михайлович купил балалайку и гармонь. Слушая домашние концерты, юный Алеша задался целью изучить нотную грамоту. До утра просиживал над нотами и постиг эту премудрую грамоту. В 11 лет он уже играл на скрипке. С ранних лет Алексей приобщился к нелегкому труду. Он быстро перенял секреты отцовского ремесла, с юных лет ремонтировал ружья, мебель, точил, лудил, паял. Однако больше всего мальчика тянуло к музыке. Алексей Алексеевич окончил Верхотурское городское 4-х классное училище.

После двухлетней службы в царской армии Алексей попал учеником в музыкальную команду 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка. Видя, что солдат интересуется музыкой, капельмейстер оркестра давал ему индивидуальные занятия.

Через два года А.А.Баянов овладел кларнетом. Он мог играть с листа в любом духовом оркестре (кроме пьес высшей трудности) без репетиций и разучивания партий.

Вернувшись домой, Алексей пытался попасть на учебу в Свердловский музыкальный техникум, но безрезультатно – не приняли, сославшись на «солидный» возраст для учения. Безденежье и голод в первые годы советской власти коснулись и Алексея. Музыка, без которой он себя не мыслил, не приносила никаких доходов. Трудно было прокормиться, играя на кларнете. Тут еще сказалось армейское перенапряжение - заболел эмфиземой легких (11). О кларнете, вообще о духовых инструментах, хотя бы на время, пришлось забыть. Но без музыки Алексей Баянов уже жить не мог. Решил овладеть скрипкой.

Узнав, что в Камышлове трудится ленинградский скрипач и дирижер Сигизмунд Львович Шаллер, в свое время окончивший Венскую консерваторию, А.Баянов отправился к нему. В Камышлове он одновременно учился один год у Сигизмунда Львовича и работал в местном оркестре (бесплатно). Чтобы на что-то жить, готовил к фильмам музыкальное сопровождение. Фильмы тогда были без звука – «немое кино». Фон создавали игравшие в каждом кинотеатре музыканты. Из воспоминаний А.А.Баянова: «Программа идет три дня. Через три дня новый фильм – готовь новое музыкальное оформление. Сколько нот надо, сколько подобрать материала! Часами приходилось просматривать кинофильм, чтобы впитать динамику сцен, ритмику действия... Ездил в Свердловск. Меня посылали на чердаки нотных магазинов, где я буквально пудами набирал нотных записей, различных партитур. Проигрывать даже часть «приобретенного» было некогда. Выручало умение читать ноты «с листа» (11).

Чтобы заработать средства на жизнь, Алексей Алексеевич переезжает из города в город. Работает в городах Нижний Тагил, Надеждинск, Невьянск. Он был членом Профессионального Союза Работников Искусств СССР – ВСЕРАБИС. К концу двадцатых годов музыкант вернулся в Верхотурье. Дирекция Верхотурского детского дома №1 им.Парижской коммуны приглашает его к себе на работу преподавать музыку. К этому времени талантливый музыкант играл практически на всех духовых инструментах, был скрипачем, владел фортепиано. На базе учреждения Алексей Алексеевич осуществил свою давнюю мечту – создал духовой оркестр. В каждом из своих

учеников наставник старался пробудить любовь к музыке, проявляя при этом большое терпение. Организованный оркестр испытывал огромные материальные трудности, однако всегда участвовал и занимал призовые места в областных музыкальных конкурсах (13).

Около тринадцати лет А.А.Баянов руководил симфоническим оркестром детдома №1, будучи единственным педагогом по всем инструментам симфонического состава. Оркестр несколько лет занимал первые места на областных олимпиадах самодеятельных оркестров в городе Свердловске. Оркестр исполнял народные песни русских и советских композиторов и некоторые сочинения классиков: почти всю сюиту из «Лебединого озера» Чайковского, музыку Бетховена к драме "Эгмонт", пасторальную симфонию, "Вальс - фантазию" Глинки и другие (8).

Помимо работы с оркестром, музыкант писал музыку для новогодних песен, спектаклей. В 1930-е годы песенку из спектакля «Робин Гуд» подхватили в городе и напевали все (6). Музыка стала главным смыслом жизни не только для самого композитора, но и для некоторых его учеников (Василий Титиевский, Иван Пивень, Константин Муромцев, Борис Ситуяхов и др.). А.Т.Иванников после Великой Отечественной войны окончил Берлинскую музыкальную академию по классу флейты. Так два флейтиста – Александр Трофимович Иванников и И А Пивень – посвятили свой творческий путь Свердловской филармонии (7). Некоторые бывшие воспитанники А.А.Баянова работали в Свердловском театре музыкальной комедии и других больших оркестрах (8).

У Алексея Алексеевича Баянова было две страсти: музыка и охота, огромная любовь к природе (12). Во дворе усадьбы Баяновых по ул.Гражданская,14 растет много хвойных деревьев, бережно перенесенных из леса, когда они были еще крохотными саженцами. Одну елку Алексей привез в солдатском котелке еще из Владивостока, возвращаясь со службы в армии (13).

В 1950 году А.Баянов задумался о большой музыке – симфонической. Но музыка по-прежнему не приносила большого материального дохода, поэтому, чтобы прокормить свою многочисленную семью, её глава часто пропадал в тайге на охоте. Ходил на тока за глухарями, рябчиками, на медведя. Живя в согласии с природой, любясь её красотой, отдыхая и используя для пропитания, он и решил положить на музыку шум рек, леса, шелест листвы, крик птиц и щебетание малых птишек¹³. Видимо, во время

таких походов в лес и родилась тема для самого грандиозного произведения верхотурского композитора – тема «Тайги», симфонической поэмы в 3-х частях для симфонического оркестра.

Людмила Алексеевна Баянова вспоминает: «Писал отец, в основном, ночью. Днем мы (дети) ему расчерчивали карандашом нотный стан. Ближе к ночи, когда мы ложились спать, садился к роялю, рядом лежала скрипка и начиналось «волшебство», в голове он «записывал» мелодии. Так продолжалось иногда до 11 - 12 ночи. Потом будил меня и просил проиграть с листа, чтобы услышать то, что ему надо было переложить в музыкальное произведение для фортепиано со скрипкой» (13).

Около двух лет понадобилось Алексею Баянову, чтобы записать «Тайгу» на нотный стан и затем создать свою партитуру. Симфония долго искала признания. На письма в Союзы композиторов Свердловска и Москвы был один ответ: "Вы, несомненно, талантливы, но Вы, не зная, не изучая гармонию, не имея музыкального консультанта, зря взялись за симфоническую музыку. Вам бы писать песни эпохи» (5).

В 1952 году в Свердловске проходил смотр творчества композиторов. В программе наряду с известными именами стояло имя А.Баянова. Оркестр областного радиокомитета под руководством дирижера Александра Шмаргонера исполнил его симфоническую поэму «Тайга», которую зрители приняли очень тепло. Работники областного Дома народного творчества познакомили с произведениями А.А.Баянова известного советского композитора Д.Шостаковича. Он оценил их высоко, отметив талант, правильное оркестровое мышление и посоветовал ехать учиться в Москву. В письме от Д.Шостаковича пришел отзыв: «Вы – уральский самородок, уральский Бетховен, не зря взялись за столь серьезный жанр» (5).

С учением так ничего и не вышло, ведь к этому времени А.Баянов был уже пожилым человеком, на руках у него была большая семья (3). У Алексея Алексеевича и Серафимы Ивановны было восемь детей: Неждан, Амфион, Фель, Аэль, Екатерина, Светлана, Людмила, Алексей. «Всегда его видела чем-то занятым. Забот было много: детей надо было воспитывать, обувать, одевать. Столы, стулья, кровати – всё было сделано руками отца. Немногим помогали из Союза композиторов, куда его приняли не сразу, указывая на то, что Алексей Алексеевич – композитор-самоучка», – вспоминает дочь композитора Людмила (13).

В 1952 году симфоническая поэма «Тайга 1» была впервые исполнена на радио. Федор Тайц заранее сообщил Алексею Баянову о трансляции его симфонии. Послушать по радио – старинной «черной тарелке» – это произведение собралось большое количество населения Заречной части города. Позже пришла Почетная грамота от Министерства культуры, подписанная Е.А.Фурцевой. Вручали Почетную грамоту в торжественной обстановке. По Свердловскому радио часто исполнялись произведения талантливого композитора. Фрагменты "Тайги" были использованы в радиопостановке по повести О.Корякова «Хмурый Вангур» (4).

Алексей Баянов продолжает много работать. В 1955-56 гг. он пишет вторую часть симфонической поэмы «Тайга» – симфонические картины для фортепиано со скрипкой. Для полной её обработки композитору-самоучке нужна была помощь. Вторая часть симфонии была послана в Москву. О судьбе произведения автору долго ничего не было известно. Потом пришло письмо от тов.Гибалина, председателя Свердловского отделения Союза композиторов, в котором дается совет совсем отказаться от попыток писать симфонические произведения: «...Я советую вам, – пишет Гибалин, – обратиться к народно-песенным истокам, бытующим в Верхотурье, записать народные песни, сочинять песни для хора, который есть при вашем Доме культуры, детские песни, музыку для народных инструментов...» (7).

Алексей Алексеевич не падает духом. Композиторский талант Баянова также проявился в таких произведениях, как «Симфониетта», кантата «За Родину!», симфония-былина «Путь к Октябрю», посвященная 50-летию Советского государства, «Разговор с товарищем Лениным» на стихи В.Маяковского, «Вальс» для фортепиано со скрипкой, симфоническая сюита «Сказ о родной земле», песня о Я.М.Свердлове «Товарищ Андрей», миниатюра «Надписи на часах» на стихи С.Я.Маршака, детских песнях.

Любовь к природе, родному краю отразилась в охотничьей поэме «Полкан», «О лесных походах» – семейные воспоминания в стихах. Поэма «Полкан» была написана в связи с трагическим случаем на охоте. Пошел Алексей Алексеевич на медведя, взял с собой жену. Полкан выгнал зверя, охотник подстрелил его, рухнул медведь на снег. Серафима Ивановна шагнула к туше со словами: «Отец! Сколько мяса! Ребят вдоволь накормим!» Муж резко её остановил, боясь, что

зверь может встать. В это время собака подбежала к медведю и получила смертельный удар лапой.

...Охотник взволнован,
Охотник дрожит.
Он крошни снимает,
На лай спешит.
Туда, где увидя медвежье чело,
Полкан радостно лаял, он выгнал его...

... Прощай, друг Полкаша,
Тот руку лизнул.
Должно от мороза
Старик всплакнул,
Скатилась, застыла скупая слеза,
Но вытер охотник

Рукою глаза.

«Лесные походы" (отрывки)

...Вот уж охотник вскинул ружье,
Но что же? Дома оставил цевьё...
Смеется охотник: "Не повезло".
Но лает Пират, срывая зло.
"Да перестань ты злиться, Пират,
Для меня на охоте ты - мой брат.
Ружье не напрасно я изучал,
Тебя на охоту сегодня взял.
И без цивья мы взведем курки.
Минуту...Готов...Пли!"

Вот и осень, тихо очень.
Птицы больше не поют,
Позабыли гнезд уют,
Молодые взматерели,
Сбились в стаи, улетели
Все в далекие края,
Не страшна им там зима.
А воробышек храбрится,
Злой зимы он не боится,
Распушился, как комочек,
Не боясь холодных ночек.

Эй, медведь! Ложись в берлогу
Сосать там лапу понемногу.
Ты ведь, мишка, молодец!
Бывает злишься, но не в конец.

Рыжая белка! Меняй свою шубку,
Охотник готовит ружье не на шутку.
Разыщет тебя Пират, залает,
А дальше что? Каждый знает... (13).

Но официального признания все не было. Алексей Алексеевич ждал разрешения на широкое исполнение его произведений. Он пишет в «самые высшие инстанции» (11). Из Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР пришел ответ: «Уважаемый товарищ Баянов! Отдел музыкальных учреждений Главного управления по делам искусств в ответ на Ваше письмо, адресованное тов.Н.С.Хрущеву, сообщает: «Ваше произведение «Тайга» 2-я, по отзывам многих московских и свердловских композиторов имеет серьезные недостатки. Видимо, это объясняется отсутствием у Вас возможности систематически заниматься гармонией, музыкальной формой и инструментовкой. В таком виде «Тайга» не может быть включена в репертуар профессиональных оркестров... Отдел музыкальных учреждений рекомендует Вам сделать партитуру "Тайги" 2-й для исполнения её в местных самодеятельных коллективах» (14).

Несмотря ни на что, композитор продолжал свою творческую деятельность. «Я нигде не учился композиции и поэтому многого не знаю, но чувствую, что могу писать музыку», – говорил Алексей Алексеевич (7). Много и плодотворно трудился Алексей Алексеевич Баянов, но Свердловское отделение Союза композиторов и областной Дом народного творчества не оказывал ему никакой поддержки. И все же Алексей Алексеевич не мыслил своей жизни без искусства, талант свой не загубил. «Слух у него был исключительный. Настраивал все (духовые, клавишные, струнные) музыкальные инструменты по камертону. Когда брал в руки скрипку или садился за фортепиано, ему трудно было не захватить соседнюю струну или клавишу, т.к. рука у него была крупная, пальцы вздувшиеся – результат физической работы» (13).

Это был незаурядный человек. Концерты А.А.Баянова собирали полные залы, и никто не покидал зал раньше времени. Как признается Мария Николаевна Захарова, благодаря ему она и многие другие научились слушать и любить классическую музыку (6).

Баянов не только играл, но и объяснял музыку (сохранилась запись его голоса). «Тайга 1», симфоническая поэма: «Еще не тает снег. Холод. Человек бредет. Природа бесстрашна. Человек думает о многом. Пройденный путь вспоминается. Лесные виды меняются, и меняется настроение человека. Борочки и ельнички, не угрюмые, не давящие, а там, на старых вырубках, среди веселого молодняка высятся огромные, в серой стальной броне великаны-лиственницы. Утес отвесный: захотелось и на него... Оказался над деревьями и были так странно близки, совсем у ног их вершины. Иногда виды сменяются через несколько шагов. И все по-разному выглядит в снежной красоте своей таежный лес.

А там ельник – «в небо дыра» – однообразный, темный, угрюмый. Где-то там, далеко остались люди – может быть семья, друзья... Не каждый человек решится на таежное одиночество.

А лес все тянет свою песню и твердит её неустанно и вечно. Неприветлива природа, сумрачна, но вечно прекрасна!

Вот одиноко и несмело зазвучала у кларнета со скрипкой-альтом Человеческая мелодия, и снова – таинственная песня леса.

Вот новая песня леса с какими-то звонами... А может в ушах все это... Заслышался вальс (как воспоминание о доме), и вдруг обрывается, и грозные звуки меди сменяют его. Человек ищет сухарю. Не та – велика, а эта тонка будет и не хватит ее для костра и ножи: ночь – длинна. Темнеет. Уж филин ухнул, не так-то спокойно на сердце.

Но вот подходящее дерево. Будет свет, тепло и уют для человека. Звучит у виолончелей тема ночи. Ухает филин. Возникает русская песня. Человек рубит. Останавливается и смотрит вверх – упадет ли? Не застряла бы. Еще удары...

Треснуло, качнулось подрубленное дерево, повалилось, сокрушая все на пути своем, грохот разорвал мерзлую темь леса. Огромной силы удар оземь... Тревожно ускакали валторны и замерли вдали...

Наступила тишина и ночь. Нежная мелодия обрывается другими инструментами. Резкий крик совки, и ухает филин угрюмый, древний старик леса.

Торжественно и успокоенно к концу звучит и затихает тема ночи» (1).

«Тайга 2», симфонические картины: «Прежде всего я хотел писать о подавленности и о больших драматических конфликтах. Нет подражательности и натурализма. Все художественно озвучено в рамках реальности. Подражания буре, грому и молниям нет, но музыка мыслится, как непогода. Элементы стихийности, борьбы человека с трудностями и лишениями, что вообще ассоциируется с борьбой советского человека за лучшее будущее – коммунизм.

В первой же части человеку не мешали работать грозные силы природы. Тем более, законченные и разработанные по времени суток эпизоды, настроения и события таежного леса. Для того, чтобы не создавалось впечатление подавленности, пришлось идти путем иным и наброски целого лета 1955 года мне не подошли. Пришлось следовать намеченной программе, все подчинить таежным настроениям, таежному оформлению, если так можно сказать. А главное, я хотел писать музыку, близкую народной песне.

Тайга есть тайга, и прав правдивейший лесоописатель Арсеньев, который (в «Дерсу Узала») писал, что иногда ландшафт сильно действует на психику человека и это жуткое неприятное настроение является не субъективным, а общим для людей его отряда. Я взял в напряженности музыкальных конфликтов средний случай: охотник-промысловик и исследователь идут в тайгу добровольно и целеустремленно, они морально собраны и не могут растеряться или дезориентироваться ни при каких обстоятельствах.

Ввел два траурных марша, которые не являются формой, а лишь отражают настроение человека, попавшего в тяжелое положение. Один элемент траурного марша, драматически напряженный – с мечущимся оформлением, второй характер – мужественного раздумья – более спокойный.

Природа бесстрашна. Человек думает по-человечьи и о многом. Танцевальные ритмы, марши и песни не могут дать представления о тайге (человек еще не явился с техникой). И все пришлось искать и писать в «таежном оформлении», но всегда ясно намеченными мелодичными линиями. Переключка не последовательная и мечущаяся у разных инструментов. Одна мелодия – экспромт, проходит в переключке (по одному-двум тактам) у многих инструментов, а мечущееся обрамление должно придавать ей своеобразный характер. Эта же мелодия в обыкновенном изложении поручена скрипке, как

вступление к будущему пояснению, успокоению и элементу птичьего гомона.

Событий определенных нет, я включил небольшое повторение темы ночи и крика филина, а так же написал маленький эпизод тетеревиного тока и крик журавля. Нет широких мелодий, но исходя из подзаголовка-программы, вначале писал эпизодическими нарастаниями и спадами. В лесу бывают порывы, сменяющиеся относительной тишиной.

Не претендуя на полную звуковую иллюстрацию, можно сказать об этом следующим образом: все находится в движении: несутся облака и, кажется, с ними – самый воздух. Качаются деревья, кусты и травы, рывится и волнуется вода, несутся сорванные ветви, листья и хвоя. Все звуки сливаются, и образуется шум, приводящий в настороженность человека, зверя и птицу. Все ищут укрытия и прекращают свои дела, даже насекомые, кроме проклятых комаров и мошек, если не холодно. Полет укрывающихся или вспугнутых птиц становится приземленным, порывистым, как бег зверя. Не разберешь, дерево ли упало, гром ли это, выстрел, лесина скрипит, зверь или безобидная красноглазая желна кричит.

Упал ли сук или целое дерево, и кто там трещит – не разберешь. У опытных охотников все это ясно и понятно, а у всех прочих получаются лишь «охотничьи анекдоты» и рассказы. Неподготовленный или малодушный человек растеряется. Мажорное, маршеобразное заключение – это уже труд человека в тайге, и лишь сигнальное эхо и гомон деревянных инструментов напоминают о тайге и пережитых приключениях» (2).

Когда в Верхотурье открыли детскую музыкальную школу, А.Баянов принял активное участие в её работе. Он организовал оркестр баянистов. Закупили инструменты. Руководитель объединения сам расписывал для каждого участника партии. Оркестр пользовался большой популярностью. Заранее расклеивали афиши, печатали программы концертов. И хотя публика была разновозрастной, все слушали концерты внимательно. Все это Алексей Алексеевич Баянов делал бесплатно (5).

Свою жизнь А.А.Баянов, композитор и учитель, посвятил воспитанию музыкантов, служил ярким примером самоотверженной работы в области искусства, огромной любви к родному краю. Умер Алексей Алексеевич Баянов 2 августа 1975 года в возрасте 82 лет.

Причина смерти: сердечная астма, коронарокардиосклероз.
Похоронен на городском кладбище г.Верхотурья.

Литература:

- 1.Алексей Баянов. «Тайга 1» - симфоническая поэма / Газета «Ленинское знамя» № 4 (2539) от 8 января 1958 г.
2. Алексей Баянов. «Тайга 2» - симфонические картины / Газета «Ленинское знамя» № 4 (2539) от 8 января 1958 г.
3. А.Мурзина, Г. Мурзин. Тасжная симфония / Газета «Советская культура» от 8 июля 1971 г. / Газета «Новая жизнь» от 10 августа 1971 г.
4. Г.Гончарко. Самобытный талант / Газета «Новая жизнь» № 24 (4030) от 24 февраля 1968 г.
- 5.Л.Баянова. Два года на симфонию / Газета «Новая жизнь» №38 от 25 сентября 2009 г.
- 6.Н.Шубина. Играл на счастье музыку / Газета «Новая жизнь» № 15 от 23 февраля 2002 г. - с.6.
- 7.С.Завьялов. Композитор-самоучка / (из газеты «Советская Россия» от 12сентября 1957 г.) / Газета «Новая жизнь» от 17 февраля 1993 г. - с.2.
- 8.«Тайга». Музыка А.Баянова / Газета «Ленинское знамя» № 4 (2539) от 8 января 1958 г.
- 9.К.Рагозин. Навечно в памяти народной / Газета «Новая жизнь» от 23 апреля 1987 г.
- 10.М. Смышляев. Смолкшая «Тайга» / Газета «Новая жизнь», февраль 2013 г.
- 11.Ю.Макаров. Играл на счастье музыку / Газета «Новая жизнь» от 17 февраля 1993 г. - с.2.
12. Ю.Боженко. Во дворе – уголок тайги / Газета «Уральский рабочий» от 11 сентября 1986 г.
- 13.Из личных воспоминаний дочери композитора Л.А.Баяновой.
- 14.Письмо Главного Управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР, адресованное А.Баянову, от 31 декабря 1953 г.

Зырянова Тамара Александровна

**Земский учитель Александр Иванович Мартынов
(1851 – 25.01.1904)**

В Махнёвском училище

С первых лет земского правления (1870г.) в Верхотурском уезде активно открывались народные школы. Так, в докладе 7-му очередному Верхотурскому уездному земскому собранию о народном образовании (1877г.) сообщалось, что «начальных народных училищ,

за исключением города, в настоящее время имеется 58, 45 – исключительно на счёт земства и одно в Петропавловском заводе на счёт земства с пособием попечителя училища господина Кузнецова. Кроме того, в Кушвинском и Богословском заводах имеются два окружных горных училища и в Нижнетагильском – одно реальное училище на правах уездного и одно трёхклассное женское училище».

В 1876 году положено начало открытию в уезде и двухклассных народных училищ. В том же докладе заявлялось, что Комиссия посчитала нужным вместо реального училища открыть два двухклассных училища – в с.Махнёвском и Нижне-Салдинском заводе. Курс преподавания двухклассных училищ сходен с курсом первых классов реального училища. На содержание образцовых двухклассных училищ ведомства Министерства народного просвещения земством было ассигновано 1600 рублей.

Главным источником для пополнения комплекта учителей служило Нижнетагильское Анатольское женское училище, остальной же комплект пополнялся из различных источников. О положении в Верхотурском уезде с кадрами народных учителей можно судить по выдержке из доклада о народном образовании в журнале Верхотурского земства:

«С вопросом об увеличении числа училищ тесно связан вопрос об обеспечении училищ должными учителями. Наши школы испытывают постоянный недостаток в учителях, так как в течение каждого года, некоторые учителя, приискивая себе другого рода занятие, сами оставляют учительскую деятельность, других же приходится увольнять или по неспособности или по другим причинам.

Приискивая различные способы пополнения комплекта учителей, Управа в минувшем году обратилась с просьбой к начальству Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного Дома рекомендовать ей учителей из ведомства этого учреждения, и после некоторых переговоров, Управа на первый раз, для опыта, пригласила **одного учителя** из ведомства Воспитательного Дома, окончившего курс в учительской академии этого ведомства и находившегося после того на учительской должности в течение 6 лет. На первый год этот учитель, занимающийся в Махнёвском училище, оправдал ожидания Управы и поэтому в нынешнем году Управа решила вновь пригласить из ведомства Санкт-Петербургского Воспитательного Дома ещё 3 учителей, которые в настоящее время уже и находятся на службе в нашем земстве. Время покажет, что можно ожидать от всех

этих учителей, и насколько вообще они надёжны, но пока до сих пор этот источник остаётся единственным, откуда можно получать опытных, т.е. бывших уже несколько лет на деле учителей».

Речь «об одном учителе... занимающемся в Махнёвском училище» шла об Александре Ивановиче Мартынове, принявшем под своё крыло в 1877 году двухклассное училище в с.Махнёво. И время показало, что Верхотурская земская Управа сделала отличный выбор. До этого в 1871 году Александр Иванович учительствовал в селе Фоминское, а затем до 1877 года – в Меркушино. Ну а Махнёво, где в полной мере раскрылся его педагогический, краеведческий, человеческий талант, - это была его лебединая песнь.

Сведений о фактах его личной жизни немного, а вот о Махнёвском училище узнаём со слов самого Александра Ивановича. Он делал подробные отчёты о его работе для уездного земского собрания. В отчёте 22-му очередному Верхотурскому уездному земскому собранию (1891 г.) о программе учебного курса и учебных пособиях, используемых во вверенном ему училище он писал:

«Законоучитель П.П.Удинцев имел уроки в 3-х отделениях первого класса. Состоит в должности четвёртый год. Почётный блюститель училища И.И.Добровольский состоит в должности второй год. Посетил училище во время экзаменов учащимся старшего класса, причём пожертвовал 10 рублей на книги ученической библиотеки.

Программой учебного курса Махнёвского училища служат «Инструкция для двухклассных сельских училищ» и «Программа учебных предметов одноклассных и двухклассных народных училищ Санкт-Петербургского учебного округа». Последняя программа, представляющая более полный объём курса, чем первая, введена в Махнёвском училище с разрешения господина директора народных училищ Пермской губернии.

По закону Божию и славянскому языку служат учебниками и пособиями следующие книги: «Сокращённый молитвослов» (на славянском языке), «Объяснение символа веры, молитв и заповедей» Гр. Чельцова, «Наставление в законе Божиим» Петра Смирнова, «Библейская история» Базарова, «О богослужении православной церкви» Мих. Соколова, «Начатки христианского православного учения», Св. Евангелие, Часослов и Псалтирь на славянском языке.

По русскому языку: «Наше родное», первый год, Баранова; «Родное слово», год второй, Ушинского; «Книга для чтения» Паульсона; «Книга для классного чтения» А.Баранова; «Родина»

А.Радонежского; «Сборник статей из образцовых произведений русской словесности», часть 2, Н.Невзорова и «Краткий курс русской грамматики» Ф.Пуцыковича.

По арифметике: «Сборник арифметических упражнений с учителем» и «Сборник самостоятельных упражнений по арифметике» С.В.Житкова; «Собрание арифметических задач» А.Ф. Комарова.

По черчению (геометрии): «Землемерие» Б.Н.Тиц и «Практическая геометрия с применением к черчению и землемерию» Ар. Заблоцкого.

По географии: «География для народных и других элементарных училищ» Ф.Пуцыковича.

По истории: «Русская история для начальных школ» Н.Горбова.

По естествознанию: «Вокруг нас. Элементарные сведения из мироведения» Ф.Пуцыковича.

В 1893 году Мартынов подробно отчитывается о состоянии Махнёвского двухклассного училища Министерства народного просвещения за 1892-93 учебный год перед 24-м Верхотурским уездным земским собранием:

«Заведуя Махнёвским двухклассным училищем, открытым в 1877 году, имею честь представить настоящий отчёт 24-му очередному уездному земскому собранию и почтительнейше прошу Верхотурское Земство не отказать Махнёвскому двухклассному училищу в своём содействии в деле существования учебно-воспитательной задачи и внешнего благоустройства.

В течение 1892-1893 учебного года в Махнёвском двухклассном училище обучалось 164 человека, в числе которых было 132 мальчика и 32 девочки. По группам школы дети распределены так: в первом отделении учились 68 человек, во втором – 27 человек, в третьем – 33 человека, в четвёртом – 22 человека и в пятом – 14 человек. Число учащихся за время существования училища, т.е. с 1877 по 1893 год, средним числом равняется 136 человекам в год; нынешнее количество учащихся выше средней цифры на 28 человек. За настоящий отчётный год учащиеся были из 34 селений: Махнёвской волости из 18 селений (114 человек), Топорковской волости из 12 селений (43 человека), Красногорской волости из одного селения (1 человек) и 6 человек из г.Верхотурья и уездов Соликамского и Ирбитского. В первый 1877-1878 учебный год учащиеся были в числе 76 человек из 14 селений; таким образом, в данном случае нельзя не отметить того явления, что

Махнёвское училище значительно расширило район своего образовательного влияния. Количество окончивших курс за минувший учебный год было 18 человек; из этого числа 7 мальчиков и 1 девочка выдержали испытание за курс первого класса (первые три отделения школы) и 8 мальчиков и 2 девочки за курс второго класса, т.е. окончили полный курс двухклассного училища, при чём в пятом отделении 2 мальчика не явились на экзамен по болезни и 2 мальчика выбыли. За 16 лет существования Махнёвского училища окончили полный курс 120 мальчиков и 13 девочек, т.е. всего 133 человека. Из числа окончивших курс за последнее время крестьянский мальчик Василий Балакин, которому минувшее Земское Собрание сооблаговолило назначить стипендию, в августе месяце настоящего года по выдержании экзамена принят в число воспитанников Благовещенской Учительской Семинарии.

Относительно благотворительного влияния школы на окончивших курс, из которых теперь уже многие семейные люди, я упоминал в предыдущих отчётах, а потому не буду ныне повторять о тех известных фактах, которые указывают на то, что школа значительно повысила уровень умственного и нравственного состояния своих воспитанников.

Учебные занятия в Махнёвском двухклассном училище ежегодно начинаются в сентябре и заканчиваются в июне, так что учебный год длится девять месяцев. Объёмом учебного курса служит программа и «Инструкция для двухклассных сельских училищ» и «Программа учебных предметов одноклассных и двухклассных народных училищ Санкт-Петербургского Учебного Округа». Последняя программа представляет более полный объём курса, чем первая и введена в Махнёвском училище с разрешения Господина Директора Народных училищ Пермской губернии. К числу добавочных сведений этой программы относятся, например, более подробное изучение славянского и русского языка, изучение десятичных дробей, более полные сведения по географии, истории и проч.

За отчётный год учебно-воспитательные занятия в училище распределялись между преподавателями следующим образом: законоучитель П.П.Удинцев занимался в младшей, средней и старшей группах 1-го класса (означенный законоучитель состоит в должности по Махнёвскому училищу 6-й год); законоучитель П.Г.Казаков в младшей и старшей группах второго класса (состоит в должности 4-й год); учитель А.Д.Топорков занимался в средней и старшей группах 1-

го класса (состоит в должности 2 года); помощница учителя Е.Д.Бердникова в младшей группе 1-го класса (состоит в должности 2-й год); учитель А.И.Мартынов (состоит в должности 16 лет) и помощница учителя М.П.Мартынова (состоит в должности 10 лет) вели учебные занятия в младшей и старшей группах 2-го класса».

Годичные испытания учащихся за отчётный учебный год представляют следующие данные успешности по учебным предметам и по группам школы

Учебные предметы	Первый класс			Второй класс	
	Млад. группа	Сред. группа	Стар. группа	Млад. группа	Стар. группа
	Средний экзаменный балл				
Закон Божий	3,2	3,1	3,1	3,5	4,6
Русский язык	3,3	3,3	3,3	3,7	4,6
Арифметика	3,3	3,2	3,1	4	4,8
Геометрия (черчение)	-	-	3,1	4	4,8
География и естествознание	-	-	-	4	4,5
История	-	-	-	4	4,9

Кроме обучения грамотности, при училище был открыт столярный ремесленный класс. В докладе о народном образовании 7-му уездному земскому собранию указано, что данный класс в минувшем учебном году долгое время оставался закрытым, так как не было мастера, удовлетворяющего должным требованиям. В это время Александр Иванович как раз принимал училище.

В 1880 году инспектор народных училищ ходатайствует об увеличении жалованья учителю Махнёвского 2-х классного училища Мартынову в видах усердной его службы. А.И.Мартынов получал жалованье из назначенного правительством пособия на содержание этого училища 330 рублей в год. Земская управа признала справедливым сравнить оклад его жалованья с окладами других лучших земских учителей, т.е. выдавать от земства вдобавок к казённому жалованью по 7 рублей 50 копеек в месяц. Причём весь годовой его оклад составлял 420 рублей. Добавочное жалованье Мартынову по смете 1881 года заложено в размере 90 рублей

(годовое). Среди прочих земских учителей Верхотурского уезда 19-е уездное земское собрание (1988г.) свидетельствует – «Мартынов А.И., учитель Махнёвского 2-х классного училища, служит в земстве с сентября 1877 года, оклад жалованья – 480 рублей».

1898. 29-е собрание уездное земское собрание. Мартынов, учитель Красногорского училища, и Мартынов, заведующий Махнёвским 2-х классным училищем, в числе прочих достойных получения денежной награды за истекший 1897-1898 учебный год.

1893 год. Верхотурская земская управа докладывает 24-му уездному земскому собранию среди прочих вопросов народного образования о существовании при Махнёвской, Красногорской и Салдинской школах «ночлежников». Что-то подобное школьным интернатам советского времени, где школьники из других деревень в учебный период имели возможность ночевать. Александру Ивановичу приходилось решать бытовые вопросы в связи с этим, помимо организации учебного процесса, вплоть до обустройства ледника для хранения продуктов и строительства бани. Об этом он ходатайствовал перед земским собранием.

А.И.Мартынов ходатайствовал перед данным собранием о необходимой сумме для перекрытия крыши на старом училищном здании и для окраски парт в количестве 78 штук. Управа воздержалась от ходатайства о назначении суммы по причине значительных расходов по другим школам, а также – «крыша на указываемом г.Мартыновым здании не настолько ещё плоха, чтобы требовала неотложного ремонта в настоящем году, и наконец – минувшим летом, как известно Собранию из доклада Управы, были произведены значительные переустройства и исправления в этой школе. Что же касается до окраски парт, то таковую Управа предполагает провести в счёт той суммы, какая вносится в смету на дело и исправление училищной мебели; о чём Управа и имеет честь доложить Земскому Собранию».

В «Словаре...» И.Я.Кривощёкова жизнь замечательных людей-уроженцев и жителей огромного в то время Верхотурского уезда представлена только семью персонами, но среди них народный учитель А.И.Мартынов. Современник сообщает: «С редким усердием, доходившим до самоотвержения, неутомимо трудился Александр Иванович в Махнёвском училище более 23 лет непрерывно... Талантливое преподавание Александра Ивановича, умелое управление училищем, доброе отеческое отношение к учащимся создали такую

репутацию Махнёвскому училищу, что в эту школу стремились поступить не только дети населения Махнёвской волости, но и многих других».

Лучший библиотекарь Верхотурского уезда

Учителя народных школ были и первыми библиотекарями земских народных библиотек. То есть, народными библиотеками заведовали учителя тех школ, при которых они состояли. Одним из лучших не только земских учителей, но и библиотекарей Верхотурского уезда являлся в последней трети XIX века заведующий Махнёвским двухклассным училищем Александр Иванович Мартынов. Благодаря его усилиям на ниве просвещения 1 апреля 1891 года открылась народная библиотека при Махнёвском двухклассном земском училище и уже через год (1892) имела 225 названий книг в 293 томах. В числе абонентов находились и два земских училища, преподаватели которых запрашивали книги для учащихся вверенных им школ.

В статье из «Словаря Верхотурского уезда» И.Я.Кривощёкова отмечается: «Сам всю жизнь работавший над пополнением своего образования, Александр Иванович умел возбудить стремление к самообразованию, честному труду в своих учениках. Этим объясняется то, что публичная народная библиотека в Махнёвой всегда имела большее число читателей, а комплект книг, высланный для Махнёвского отделения нижнего склада, был распродан без остатка в какой-нибудь месяц».

Александр Иванович Мартынов, судя по материалам Верхотурского земского уездного собрания, активно участвовал в его работе. Он выступал на заседаниях с докладами, сообщениями, отчётами, предложениями по вопросам народного образования, родиноведения, Махнёвской библиотеки. Привожу его выступление о библиотеках на 22-м очередном Верхотурском уездном земском собрании (1891 г.):

«В последнее десятилетие в области народного просвещения возникло несколько таких образовательных учреждений, какие до этого времени у нас совсем не наблюдались. Общественная жизнь отметила факты, указывающие на то, что во многих случаях грамотные крестьяне, окончив курс школы и не находя в деревне книг, не только не имеют возможности пополнять своё образование, но даже значительно теряют приобретённые знания. Все подобного рода факты подали мысль о необходимости учредить сельские библиотеки, склады книг для продажи, передвижные народные

библиотеки и т.п. В настоящее время в нашей педагогической и общей печати уже имеются довольно ценные сведения, касающиеся вышеназванных новых образовательных учреждений, открытых теперь во многих местностях России; достаточно просмотреть, например, нумера «Русской школы», чтобы найти и полезные указания по данному вопросу, и ознакомиться с его историей...

Верхотурское земство нашло необходимым учредить народные библиотеки и в настоящем году одна из них открыта при Махнёвском двухклассном училище. Кроме того, при здешнем училище существует склад книг для продажи местному крестьянскому населению. Открытие книжного склада, по ходатайству училища, состоялось в конце минувшего года с разрешения господина попечителя Оренбургского учебного округа; при разрешении дано указание, что книги для продажи должны быть из числа «одобренных к употреблению учёным комитетом Министерства народного просвещения».

Книги высылаются в склад земской Управой, а выбор их сделан мною по «Подробному систематическому указателю книг, рассмотренных учёным комитетом Министерства народного просвещения с 1852 по 1888 год и одобренных для употребления в разных учебных заведениях». Означенный указатель составлен Д.С.Пономарёвым и напечатан по распоряжению господина попечителя Харьковского учебного округа. С 1 декабря 1890 года по 1 октября 1891 года, т.е. за 10 месяцев, продано книг на 17 рублей 89 копеек; стоимость книг от 1 копейки до 3 рублей; последняя цена – стоимость Библии, которая уже и продана.

В составе публичной библиотеки при Махнёвском училище, открытой 01.04.1891, в настоящее время имеется 207 названий книг в 273 томах; стоимость этих книг равняется 160 рублям 99 копейкам. Затем, кроме означенных книг, высланных земством, в библиотеке считаются книги, выписанные на 50 рублей, пожертвованные библиотеке Махнёвским сельским обществом. Выбор книг на поименованную сумму сделан мной с разрешения господина директора народных училищ Пермской губернии. В настоящее время означенные книги ещё не все получены из книжного магазина, а потому они не включены пока в вышеприведённое сведение о количестве книг в здешней библиотеке. В числе изданий, выписанных на пожертвованные крестьянами 50 рублей, библиотека получает три газеты – «Сельский вестник», «Русский паломник» и «Ремесленную

газету» и один журнал – «Родник». Со времени открытия библиотеки по октябрь, т.е. за 6 месяцев, прочитано 406 томов; означенное количество книг было взято 54 подписчиками, т.е. лицами, получившими библиотечные билеты; собственно же читателей должно считаться значительно больше, т.к. полученной книгой пользуется целое семейство известного дома, а слушателями книги являются и неграмотные.

Нижеследующая таблица наглядно обозначает состав Махнёвской библиотеки и пользование книгами по месяцам и по содержанию книг.

Книги библиотеки	Число названий	% числа названий
Духовного содержания	62	29,9
Русская литература	61	29,4
География	10	4,8
История	36	17,3
Естествознание, медицина и гигиена	25	2
Сельское хозяйство	2	0,9
Законоведение	6	2,8
Ремёсла и производство	2	0,9
Разного содержания	3	1,4
Итого	207	

1891	Требований	Взятых книг
Апрель	84	156
Май	81	143
Июнь	40	76
Июль	8	12
Август	8	5
Сентябрь	10	14
Итого	226	406

Как видно между прочим из вышеприведённой таблицы, число требований на книги за летние месяцы, т.е. во время срочных крестьянских работ, значительно менее, чем в другое время, давшее более досуга. Такое явление, вполне понятное, наблюдается во всех сельских библиотеках; в наступившую осень и в предстоящую зиму следует ожидать наибольшей цифры абонентов библиотеки. К этому времени было бы желательно пополнить библиотеку некоторыми изданиями местными и другими; например, от уездной земской

Управы желательно получить «Журналы Верхотурского очередного земского Собрания», а от губернской Управы «Сборник Пермского земства» и «Журналы губернского земского Собрания»; также желательно получать местные периодические органы, например «Екатеринбургскую Неделю». Затем, необходимо пополнить отделы «Законоведения», «Сельского хозяйства», «Ремёсел», а также отдел русской литературы; в настоящее время в последнем отделе имеются полные собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Кольцова, Никитина и Алексея Потехина.

Опыт Махнёвской земской библиотеки представил данные, указывающие на то, что крестьянская библиотека не остаётся без читателей, которые ещё оказали ей денежную помощь; без сомнения, такие же факты констатируют и все другие народные библиотеки Верхотурского земства и тем ещё раз докажут, что сельское население нуждается в здоровой духовной пище».

Спустя год (1892) в докладе земского собрания вновь сообщается о библиотечной деятельности в народном просвещении. Акцентируется: «Теперь, чтобы упрочить все это дело, остается только увеличить число народных библиотек и пополнить книгами те из них, которые открыты ранее. В последнем нуждается, например, публичная библиотека при Махневском двухклассном училище». О необходимости пополнения библиотеки конкретными изданиями говорил А.И.Мартынов, о чём сообщалось в данном докладе. Полагаю, что своей настойчивостью он добивался получения новых книг и журналов.

В этом же году 24-му Верхотурскому уездному земскому собранию Александр Иванович вновь представляет отчёт о состоянии Махнёвского двухклассного училища за 1892-93 учебный год. В нём он делает своего рода анализ работы народной библиотеки, просит пополнить её необходимыми книгами и периодическими изданиями, подчёркивая образовательное значение библиотек.

«В двух предыдущих отчётах я имел честь подробно говорить о значении и состоянии публичной библиотеки при Махнёвском училище, а потому в нынешнем отчёте представляю только цифровые данные, а затем покорнейше прошу Земское Собрание о пополнении библиотеки некоторыми книгами и периодическими изданиями.

Махнёвская публичная библиотека, открытая 1 апреля 1891 года, в настоящее время имеет 227 названий книг в 302 томах стоимостью 211 рублей 9 копеек. Данный состав библиотеки образовался из

изданий, высланных уездным земством, и книг, выписанных на 50 рублей, пожертвованных библиотеке Махнёвским сельским обществом. С 1 апреля 1891 года по 1 января 1892 года было потребовано читателями 796 книг, за 1892 год прочитано 1484 книги и с 1 января по 1 сентября 1893 года – 798 книг, т.е. всего за 29 месяцев прочитано местным населением 3078 книг или в каждый месяц читано по 106 книг. Подписных билетов выдано библиотекой в разное время 140; в настоящее время подписчиков имеется 82 человека; библиотекарем состоит заведующий училищем учитель Мартынов. В числе абонентов библиотеки кроме отдельных лиц находятся два земских училища, преподаватели которых требуют книги для учащихся вверенных им школ.

Для пополнения Махнёвской публичной библиотеки желательно приобрести, например, сочинения Аксаковых, Вс.Гаршина, Гончарова, Григоровича, Жуковского, Вл.Короленко, Некрасова, Островского, Писемского, Полонского, Алексея Толстого и Антона Чехова. Затем, желательно выписать некоторые периодические издания, например «Сельский Вестник», «Екатеринбургскую Неделю» и др. Вообще же должно сказать, что, положив основание публичным библиотекам в уезде, теперь необходимо пополнять библиотеки, иначе они потеряют своё образовательное значение и не будут интересовать взрослых читателей. Почтительнейше прошу Земское Собрание: соблагovolите ассигновать на пополнение Махнёвской библиотеки сто рублей; образовательное значение библиотеки во много раз оправдывает денежный расход на книги.

Неповторимый колорит эпохи чувствуешь, когда прочитываешь строчки библиотечных отчётов Александра Ивановича. Они создают объективную картину истории библиотечного дела Верхотурского уезда.

*Родиноведение Верхотурского уезда
(к истории утерянного учебника)*

Воспитанник шестидесятых годов, озарённых именем Н.Г.Чернышевского, А.И.Мартынов ещё в юности выбрал путь служения народу и стал учителем, много сделал для развития образования в Ирбитском и Верхотурском уездах. Это был пытливый и грамотный человек, страстно любящий историю родного края, ставший одним из заметных краеведов конца века. Многие годы А.И.Мартынов являлся корреспондентом Уральского общества любителей естествознания. Им введено в оборот первое название

краеведения – «родиноведение». Его книга «Краткий исторический очерк Пермской губернии и Верхотурского уезда в частности» и стал первым учебником на Урале по родиноведению. А.И.Мартынов создал в Махнёво одну из первых в уезде библиотек, он же организовал в 80-х годах краеведческую комиссию из учителей и земских деятелей, труды которой регулярно появлялись на страницах уральской печати.

Подробнее рассмотрим, насколько это возможно, деятельность А.И.Мартынова по организации изучения Верхотурского уезда в историко-географическом отношении и подготовки первого на Урале учебного пособия по родиноведению. 22 сентября 1893 года (*по ст. стилю*) Александр Иванович Мартынов докладывал очередному Верхотурскому уездному земскому собранию:

«В отчёте о состоянии Махнёвского двухклассного училища за 1891-1892 учебный год, представленном мною 23-му Очередному Верхотурскому уездному земскому собранию, я коснулся о родиноведении Верхотурского уезда. В феврале месяце настоящего года Земская Управа уведомила меня, что означенное Земское Собрание, соблагволив одобрить мой проект, постановило просить через Земскую Управу, уездный Училищный Совет о составлении учительской Комиссии для изучения уезда в географическом, историческом и других отношениях, причём, мне предложено составить проект программы, по которой можно прийти к решению намеченного вопроса. В виду этого, от 12 марта 1893 года за №22, по вопросу о родиноведении я представил в Земскую Управу моё мнение с изложением организации и программы данного дела; в настоящее время, насколько известно мне, уездный Училищный Совет соблагволил заслушать мою записку по родиноведению и постановил приступить к изучению уезда.

Не повторяя здесь всего содержания моей записки по вопросу о родиноведении, прошу позволить ещё раз высказать, что при отсутствии сведений по родиноведению – в наших училищах могут встречаться даже такие случаи, что, например, в селе Романовском не будут знать Мурзинских месторождений цветных камней, о которых имеют сведения не только в Петербурге, но и в Берлине, Париже и проч., в селе Мурзинском могут не услышать о судоходстве реки Сосьвы; Нижне-Салдинские рельсы знают в Америке, но о них надо рассказать и дома; Богословскую и Выйскую медь, Алапаевское и Тагильское железо знают за границей, но не везде в своём уезде;

отличную почву, например, Арамашевской волости, знают только местные жители; уездные кустарные изделия узнают только случайно, каждая местность очень мало знает свою историю и т.п.

Затем, прошу позволить мне привести здесь перечень вопросов, которые, по моему мнению, следует включить в программу родинovedения Верхотурского уезда. Именно, желательно, чтобы данная программа заключала в себе следующие вопросы:

1) Положение Верхотурского уезда по широте и долготe; границы и пространство уезда; географическое положение некоторых местностей уезда.

2) Горы уезда с описанием их направления и физических свойств; примечательные горные вершины и высота их; отдельные скалы или камни, замечательные своими формами и проч.; значительные долины, ущелья, горные проходы или перевалы; значительные плоские возвышенности. Рудники; прииски, каменноугольные копи; каменоломни; местонахождения цветных камней, извести, глины и проч.; солекопни.

3) Значительные равнины и низменности; значительные лесные и степные пространства; торфяники; значительные пространства, носящие отдельные местные названия; урочища и прочие замечательные по историческим событиям или народным преданиям; замечательные пещеры.

4) Реки уезда (несудоходные, судоходные, сплавные); примечательные речки; замечательные пороги, скалы, острова, мысы, пристани, пруды; значительные озёра и болота; минеральные источники.

5) Климат уезда; при этом – господствующие ветры, атмосферные осадки, средняя температура и проч. Почва и подпочва родины.

6) Местные животные и растения полезные и вредные; минералы.

7) Племенной состав населения уезда; плотность населения; население по вероисповеданиям, сословиям, образованию и проч.; местные обряды, обычаи и проч.; местные словесные народные произведения, предания, легенды и проч.

8) Все селения уезда с обозначением числа домов и жителей; карта уезда. Местные учреждения правительственные и общественные; местные монастыри, храмы, училища, музеи, библиотеки, больницы, метеорологические станции, фабрики, заводы, почтовые и телеграфные конторы и проч. Пути сообщения уезда; ярмарки. Сведения о местной промышленности добывающей и

обрабатывающей; отхожие промыслы. Местные развалины городов, укреплений и проч.; курганы и проч.; памятники, воздвигнутые в память людей и событий; бывшие таможи и проч.

9) Небо родины; звёзды северного полушария.

10) Содержащиеся в литературе географические и исторические сведения, касающиеся Верхотурского уезда; местные летописи; рукописные книги русские, церковно-славянские и др.; примечательные старинные печатные издания – книги, картины, географические карты, чертежи, планы и проч.; местные архивы; археологические находки и проч.

Собиранием данных, заключающихся в географическо-исторической литературе относительно Верхотурского уезда, по моему мнению, следует начать нашу работу по изучению уезда, чтобы снова не описывать уже описанного другими, а только дополнить это современными сведениями. Со своей стороны могу теперь доложить, что я просмотрел и сделал выписки о Верхотурском уезде из следующих литературных источников: «Словарь географический Российского Государства», собранный Афанасием Щекатовым, издание 1801-1804 года; «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н.С. Попова, издание 1813 года; «Географическо-статистический словарь Российской Империи», составленный П. Семёновым, издание 1863-1865 года; частью – «Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н.К. Чупина и «Сборник статей о Пермской губернии» Д. Смышляева, издание 1891 года».

В докладе земской управы по народному образованию 24-му земскому собранию (1893 г.) вносится проект решения за № 15:

«Одобрить проект изучения родиноведения в географическом, историческом и других отношениях, составленный учителем Махнёвского двухклассного училища, что и сообщить Земскому Собранию, прося ассигновать необходимую сумму на действия Комиссии, которая будет работать над изучением родиноведения».

Тем не менее, далее в журнале земства следует текст: «Записка г. Мартынова по вопросу о родиноведении Верхотурского уезда Земскому Собранию уже известна; определить же расход, потребный на образование комиссии для выработки программы по родиноведению, Управа затрудняется, не имея указаний – сколько будет членов комиссии, продолжительность времени работы их и прочее, хотя такому полезному делу, как всестороннее изучение своего родного края, нельзя не сочувствовать». Отсюда, однако,

можно сделать вывод, что на 1894 год ассигнований на данный проект не было предусмотрено.

Спустя четыре года 28-му очередному Верхотурскому уездному земскому собранию представлен традиционно доклад о народном образовании, в котором информировали гласных по вопросу о родиноведении:

«Преподаватели училищ, принявшие на себя труд изучения Верхотурского уезда в географическом и историческом отношениях, были заняты за отчётный год просмотром печатного материала, заключающегося в выписанных на средства земства книгах, а также других изданиях, найденных самими учителями, касающихся географии и истории Пермского края. За 1896-1897 учебный год сделаны следующие выборки из историко-географического материала: 1) выписки из «Книги Большому Чертежу 1627 года»; 2) выписки из «Нового и полного географического словаря Российского Государства» издания 1788-1789 гг., содержащие описания 38 местностей Верхотурского уезда; 3) выписка о пермском наместничестве из книги 1787 года «Краткое землеописание Российского Государства для народных училищ»; 4) выписка о городе Верхотурье из «Энциклопедического Лексикона», издания 1837 г.; 5) выписки из книг Чупина, Смышляева, Дмитриева и др.

Собранный преподавателями историко-географический материал о Верхотурском уезде, по просмотре господином инспектором народных училищ, сдан для систематизации и обработки учителю Махнёвского двухклассного училища А.И. Мартынову, по инициативе которого возникло дело изучения Верхотурского уезда в историко-географическом отношении. Господином инспектором поручено господину Мартынову сделать на основании собранного материала сжатый историко-географический очерк Верхотурского уезда для употребления в народных училищах. На напечатание этого очерка, если он окажется по отзыву училищного совета удачным, управа, по соглашению с инспекцией, просит собрание назначить на 1898 год сторублёвый кредит. Составленный господином Мартыновым историко-географический очерк Верхотурского уезда, для употребления в народных училищах, прежде отпечатания, желательно было бы представить будущему очередному земскому собранию, для рассмотрения в особой комиссии».

Заключение комиссии об историко-географическом очерке Верхотурского уезда было утверждено.

Прошёл ещё один год; и в докладе инспектора народных училищ, представленном на рассмотрение 29-й очередной сессии Верхотурского уездного земского собрания (1898 г.) сообщается:

«В заключение своего доклада имею честь представить, согласно постановления предыдущего Собрания, на рассмотрение настоящей сессии составленный учителем Махнёвского 2-х классного училища Мартыновым исторический очерк Пермской губернии и Верхотурского уезда, как первый опыт по родиноведению. Хотя составленный господином Мартыновым очерк не имеет многих желательных качеств руководства по родиноведению, но, в виду отсутствия в нашей педагогической литературе подходящих руководств для употребления в народных училищах по истории и географии нашего края, я считаю долгом ходатайствовать пред Собранием о том, чтобы труд Мартынова был отлитографирован для рассылки всем училищам, а составителю очерка выдано было бы вознаграждение по усмотрению Собрания».

Исторический очерк Пермской губернии и Верхотурского уезда Собрание, согласно предложения господина Председателя Управы, постановило поручить Управе отлитографировать в достаточном количестве экземпляров и разослать его господам гласным для ознакомления и по школам.

Книга (брошюра?) "Краткий исторический очерк Пермской губернии и Верхотурского уезда преимущественно", составленная заведующим Махнёвского двухклассного училища А.И. Мартыновым, была издана земством в 1899 году. Об этом писала в тот период газета «Екатеринбургские епархиальные ведомости». Данную книгу по праву считают в краеведческом сообществе первым учебным пособием по родиноведению на Урале. К сожалению, следы данного раритета для нас, верхотурцев, утрачены. Хочется надеяться и верить, что где-то кем-то хоть в одном экземпляре, но она сохранена.

В 1910 году в Перми был издан «Словарь Верхотурского уезда» под редакцией И.Я. Кривощёкова. В Верхотурье в настоящее время имеется четыре экземпляра – два в музее-заповеднике и два в центральной библиотеке, один экземпляр был в мужском монастыре. Использовался ли в издании труд Александра Ивановича Мартынова? Почему включена в словарь статья о нём, ведь они с Кривощёковым не были даже знакомы?

Через 14 лет после издания пособия по родиноведению и спустя 3 года после выхода в свет «Словаря...» Кривощёкова на 1913 год

земство ассигновало 325 рублей на отпечатание экономико-исторического очерка Верхотурского уезда. Чей это очерк, кто составил и какова его дальнейшая судьба, нам также неизвестно...

«Белые пятна» в жизни и творчестве А.И. Мартынова, как и в главном труде его жизни, остаются. Поиск продолжается...

Библиография:

- 1.Брылин А.И. Н.Ф. Бунаков в Нижнем Тагиле: (съезд учителей Верхотурского уезда, 1881 г.) // Тагильский краевед, Нижний Тагил. – 1991. - № 11. – С. 148-151: фот.
- 2.Н.Ф.Бунаков. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб, 1909.
3. XXI очередному Верхотурскому уездному земскому Собранию. Отчёт о состоянии Махнёвского двухклассного училища министерства народного просвещения за 1889-1890 учебный год // Материалы для изучения Земства на Урале. Верхотурское уездное Земство. Народное образование. Т. 7. – Н-Тагил, 1995. – С.72-76.
4. XXII очередному Верхотурскому уездному земскому Собранию. Отчёт о состоянии Махнёвского 2-х классного сельского училища Министерства народного просвещения за 1890-1891 учебный год // Материалы для изучения Земства на Урале. Верхотурское уездное Земство. Народное образование. Т.7. – Н-Тагил, 1995. – С.148-154.
5. XXIII очередному Верхотурскому уездному земскому Собранию. Отчёт о состоянии Махнёвского двухклассного сельского училища Министерства народного просвещения за 1891-92 учебный год // Материалы для изучения Земства на Урале. Верхотурское уездное Земство. Народное образование. Т. 7. – Н-Тагил, 1995. – С.217-223.
6. XXIV очередному Верхотурскому уездному земскому Собранию. Отчёт о состоянии Махнёвского двухклассного училища Министерства народного просвещения за 1892-1893 учебный год // Материалы для изучения Земства на Урале. Верхотурское уездное Земство. Народное образование. Т. 7. – Н-Тагил, 1995. – С.301-307.
7. XXV очередному Верхотурскому уездному земскому Собранию. Отчёт о состоянии Махнёвского двухклассного училища Министерства народного просвещения за 1893-1894 учебный год // Материалы для изучения Земства на Урале. Верхотурское уездное Земство. Народное образование. Т. 7. – Н-Тагил, 1995. – С.356-363.
8. Журналы Верхотурского уездного земского собрания 29-й очередной сессии 1898 года. С докладами Управы, представленными на рассмотрение этого собрания. Москва, типография И.А. Баландина, Волхонка, дом Михалкова. 1898.

9. Кислых В. От приходского училища до средней школы // Алапаевская газета. - 2015. - 7 июля.
10. Коровин А.Ф. Верхотурский краевед А.И. Мартынов. Рукопись.
11. Кривощёков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. / И.Я. Кривощёков. – Пермь: электротипография губернского земства, 1910. – 823 с.
12. Кузьмин К.В. Съезды учителей Верхотурского уезда в 1870-е – начале 1880-х годов // Верхотурский край в истории России. – Екатеринбург, 1997. – С.112-128.
13. 1898 год. Цифры, события, факты // Верхотурская старина. – 1998. - № 8-9. – С. 13. *Мартынов А.И.*
14. Хазинурова А. Туризм по расписанию // Областная газета. – 2015. – 27 авг.
15. Шадрин Н. Книга-судьба // Областная газета. – 2015. – 29 авг.

Карнеева Алла Павловна

Выдающиеся российские деятели XVIII - XIX веков в истории города Воткинска

Город Воткинск, город-завод... Как и каждый город, он имеет свою неповторимую биографию, его судьба определяется общим ходом исторических событий. История Воткинска, как города-завода, уходит своими корнями в XVIII век, когда в 1757 году владелец Гороблагодатских заводов граф П.И. Шувалов получил разрешение на строительство нового железоделательного завода на реке Вотке.

«...Оный Воткинский железный завод повелено его сиятельству графу Петру Ивановичу Шувалову строить по указу государственной Берг-коллегии... 1757 года октября 20 дня...», – так звучит один из первых документов, связанный с историей рождения города, который ныне хранится в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в Москве¹. Спустя 2 года, 21 сентября 1759 года на кричной фабрике были пущены в действие два кричных молота, а 1 ноября были получены первые заказы на выделку железа. Немного найдется сейчас в России предприятий, которые возникли во времена Елизаветы Петровны – дочери величайшего реформатора России Петра I, пережили все перипетии и катаклизмы XIX и XX веков и работают на благо России в XXI веке.

Воткинск отличается от многих российских городов не только своей биографией, но и двойственным историко-территориальным

характером. В настоящее время город Воткинск – один из пяти городов в составе Удмуртской Республики, входящей в состав Приволжского федерального округа. В прошлом он входил в состав Вятский губернии, но с позиций экономико-географического положения всегда тяготел к Уралу, поскольку завод с 1828 года стал центром Камско-Воткинского горного округа. Территория округа располагалась на стыке двух губерний: Вятской и Пермской (в Сарапульском, Оханском и Осиновском уездах).

В истории нашего города, как и любого другого, тесно переплелись историческое время и историческое пространство. Город имеет свою историческую память. Овладеть ею – значит познать безмерную глубину всех процессов, всей многогранной жизни, которые происходят в нем. Но мне кажется, что очень многое в судьбе любого города, и Воткинска в том числе, зависит от того «пассионарного заряда», пользуясь определением историка Л.Н.Гумилева, который имеет место на начальном этапе его развития. А такой «заряд» на момент рождения Воткинска был очень мощным. Источником этой позитивной созидательной энергии были две исторические личности, которые стояли у его истоков. Это граф Петр Иванович Шувалов и святитель Димитрий Ростовский, который считается небесным покровителем Воткинска, вот об этих двух личностях мне и хотелось бы рассказать.

В фондах Музея истории и культуры г.Воткинска хранится дневник Аркадия Федоровича Антонова (1903-1992), одного из жителей Воткинска. Вёлся он, если можно так выразиться «для внутреннего употребления», для членов своей семьи. Первые фрагментарные, отрывочные записи в нём были сделаны ещё его отцом Федором Терентьевичем Антоновым в 1895 году. Наряду с фактами, которые касались жизни семьи, дневник содержит и сведения о жизни Воткинска конца XIX-начала XX века. Автор записывал в дневник «для памяти» различные любопытные факты из истории России, выдающихся исторических личностей. В дневнике было пять упоминаний графа Петра Ивановича Шувалова, причем везде Антоновы называли Шувалова не иначе, как «наш граф»². В данном контексте не было и тени панибратства, но только уважение к этой личности, причем его имя не было вымарано, даже если записи были датированы 30-40-ми годами XX века, когда графский титул Шувалова мог оказать дурную услугу владельцу дневника. Шувалов для представителей этой воткинской рабочей династии оставался

«своим». Хотя, если обратиться к историческим датам, граф владел заводом очень недолгое время – с 1757 (начало строительства завода) до 1762 года, когда Петр Иванович скончался.

15 ноября 1763 года Екатерина II подписала указ о передаче Воткинского завода в казну, т.е. фактически «шуваловскими» мы были 6 лет. Но в памяти народа этот факт остался, как весьма значительный. И может быть также очень символично, что в свое время Петр Иванович, будучи начальником Оружейной палаты, в 1757 году стал работать над модернизацией российской артиллерии и создал секретную гаубицу, которая носила название «Шуваловской». Благодаря его неумной энергии, русская артиллерия в середине XVIII века стала самым прогрессивным и быстро развивающимся видом войск в русской армии. Созданные под его руководством гаубицы и единороги были лучше прусских пушек, а выученная по специальной программе Шувалова артиллерийская прислуга отличалась замечательным проворством и мастерством.. Недаром русский историк XVIII века князь М.М.Щербатов однажды отметил: «Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый».

Спустя почти два века, в годы Великой Отечественной войны, на Воткинском машиностроительном заводе также будут изготавливать пушки различной модификации, а 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 характеризовалась специалистами, как самое гениальное оружие в истории ствольной артиллерии. Такой отзыв дал о ней немецкий профессор Вольф, личный консультант Гитлера по артиллерии³.

Вместе с тем, граф П.И.Шувалов вошел в историю Воткинска и как первый благодетель. Эта сторона его деятельности известна гораздо меньше и до недавнего времени, в силу известных политических и исторических обстоятельств, практически не изучалась. Начнем с того, что вскоре после пуска Воткинского завода, состоявшегося 21 сентября (4 октября по н.ст.), управитель завода Алексей Степанович Москвин прошением от 16 декабря 1759 г. просил Преосвященнейшего епископа Казанского Гавриила благословить сооружение в Воткинском заводе деревянной церкви во имя вновь прославленного чудотворца святителя Димитрия Ростовского. Разрешение и благословление не замедлило последовать, по храмозданной грамоте от 19 декабря 1759 года в заводе начали строить свою первую деревянную церковь. Тогда же был определен и первый воткинский священник, которым стал иерей Василий Содальский⁴. Вновь построенная церковь была освящена по указу

Казанской духовной консистории и благословению его Преосвященства 5 октября 1760 года во имя св. Димитрия Ростовского, в день обретения его мощей в 1752 году. Храм имел всё необходимое для богослужения. П.И.Шувалов не поскупился на его украшения. Уже в 1760 году здесь был построен иконостас, написаны иконы – насколько тогда было возможно, церковь украсили «благослепно»⁵.

Интересен и тот факт, что деревянная Димитровская церковь, поставленная на заводской площади на холме в XVIII веке стала градостроительной доминантой, которая собирала воедино весь складывающийся ансамбль заводских строений. Смотришь в зеркало заводского пруда, она хорошо гармонировала с лесистыми холмами, окружающими Воткинск, т.е. была ориентиром не только духовной жизни воткинцев, но и способствовала воспитанию чувства гармонии в обыденной жизни. Это была одна из первых Димитровских церквей в России. Вероятно, и это тоже очень символично, что граф П.И.Шувалов, финансировавший строительство, не случайно «отдал предпочтение» именно этому святому, личность которого столь многогранна, что современники называли его «Златоустом Российской словесности».

Хотелось бы немного рассказать о земной биографии этого выдающегося церковного деятеля. Он родился близ Киева в декабре 1651 года в семье полкового сотника. Его «мирское имя» Даниил Савич Туптало. В возрасте 11 лет родители отправили его для обучения в Киевское братское училище (ныне Киевская духовная академия). Благодаря усердию и природным способностям, ученик с успехом постигал науки, в совершенстве изучив те приемы и обороты речи, которые невольно поражали потом слушателей. На восемнадцатом году жизни Даниил был пострижен в монашество в Киевской Кирилловской обители и наречен Димитрием. Впоследствии был игуменом в нескольких монастырях на Украине. В 1701 году был призван в Москву Петром I, ему был пожалован сан митрополита Тобольского и Сибирского. Но из-за слабого здоровья он не смог выполнить возложенную на него миссию и с 1702 года возглавил Ростовскую и Ярославскую митрополию, во главе которой и состоял вплоть до своей смерти, которая последовала 28 октября (ст. ст.) 1709 года. Он был погребен в Троицком соборе Яковлевского монастыря г.Ростова. Почитание святителя началось сразу же после его кончины.

21 сентября 1752 года были обнаружены его нетленные мощи, спустя 5 лет, 22 апреля 1757 года, после всестороннего изучения всех обстоятельств, Синод Русской православной церкви издал указ, по которому мощи Димитрия Ростовского были признаны нетленными. Тогда же были установлены дни празднования святителю: 21 сентября (4 октября) – день обретения мощей, 28 октября (10 ноября) – день преставления. Таким образом, Димитрий Ростовский стал первым святым, канонизированным в синодальный период истории русской церкви, и единственным подвижником, прославленным к общерусскому почитанию в XVIII веке.

Это так сказать, внешняя сторона его жизни, его «трудовая биография», но духовная жизнь Димитрия Ростовского просто не может уложиться в скупые строчки биографии. Это был просветитель, писатель, автор драматических мистерий, самая известная из которых «Рождественская» в 1980-е годы вошла в репертуар российского театра как «Ростовское действо». Не менее интересны его «Поучительные слова», где он простым, но в тоже время необычайно образным языком рассказывает о человеческих пороках. Вот отрывок из одного произведения, весьма актуального и в наше время, это «Слово о пьянстве»:

«...Поистине, пьянство есть содомогоморский виноград и не иные гроздья, как только гроздья желчи, горести, исполненные змеиноного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо каков сад, таковы и плоды бывают...

Первая гроздь... заключается в повреждении ума, изменении разума и погубления памяти... Другая гроздь есть бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные...бесстыдные. нелепые... Третья гроздь пьянственного винограда есть несоблюдение тайны...»⁶ и т.д.

Мне кажется, это произведение вполне можно было бы выпустить большим тиражом и в наше время.

Отдельно хотелось бы сказать о его произведениях, которые востребованы и в наше время – это «Четьи Минеи или Жития святых» в 12-ти томах. Собирать, критически править и издавать их он начал в 1684 году в Киево-Печерской лавре. За основу были взяты «Четьи Минеи» митрополита Макария, написанные еще в XVI веке. Завершен этот титанический труд был в 1705 году. Практически сразу эта книга стала настольной у всей читающей России, ее можно было встретить в доме крестьянина, купца, дворянина.

Произведения Дмитрия Ростовского высоко ценили А.С.Пушкин, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, указывая на несомненные достоинства авторского стиля. И.С.Тургенев, сказал однажды о произведениях святителя: «Кто из нас не читал его творений и не умилялся теплым чувством, с которым они написаны?». Интересен и тот факт, что «Четы Миней» были признаны и старообрядцами России, их можно было впоследствии с незначительными изменениями встретить во многих старообрядческих семьях Вятской губернии, к которой относился с 1780 года Воткинский завод.

Если говорить о пастырских заслугах Дмитрия Ростовского, то следует упомянуть неустанное попечение о нищих и убогих, которым он постоянно помогал из собственных средств. Он заботился и о просвещении юношества. Благодаря его трудам, в Ростове была учреждена семинария, где уровень преподавания был одним из самых высоких в России. А в Воткинске, где стояла церковь его имени, в обязанности священников входили, кроме богослужений и треб, «над богадельней надзирать...в седмице раза по два, смотря: не имеют ли в чем нужды, все ли у них порядочно, увещевать немирных и беспокойных, понужая могущих ходить к пению церковному, сказывать им слово Божие и толковать о вечном, что будет за добродетели и грехи – каждому по достоинству воздаяние; болезнующих исповедать и причащать святых таинств колико потребно, не требуя от оных никакого воздаяния»⁷.

На карте Вятского наместничества 1780 года (к которому принадлежал Воткинский завод, с 12 декабря 1796 года – Вятская губерния) Воткинск называется «Дмитровское». Чуть ранее, 6 апреля 1761 года Указом императрицы Екатерины II в честь митрополита Ростовского была названа крепость, которая поначалу называлась «крепость Дмитрия Ростовского», затем «Ростовская крепость», «Ростов», а затем, после получения статуса города – Ростов-на-Дону (указ Александра I от 17 августа 1807 года). Отмечая оба факта, связанные с увековечиванием памяти святого, мы можем заметить важность того, что личность Дмитрия Ростовского у властей приобретает качественно иной уровень, поднимается до государственных высот.

Воткинский краевед В.Ф.Бердников в начале XX века указывает, что день св. Дмитрия Ростовского являлся для Воткинска в XIX веке большим праздником. Это был своего рода День города для воткинцев, которые гордились своей причастностью к такому

русскому святому. «Он работник был, за людей болел, как же его не вспомнить батюшку», - так говорила о св. Димитрии Ростовском, коренная Воткинская жительница Алевтина Ильинична Гребенкина (1911-2005)⁸. Наверное, это «работник был» и было определяющим фактором в отношении к нему местных жителей.

И, наверное опять не случайно, за всю историю Воткинска в нем всегда жили талантливые, неординарные яркие личности. Именно в Воткинске родился великий русский композитор П.И.Чайковский, 175-летие со дня рождения которого так широко отмечалось в нашей стране. Но отец композитора Илья Петрович Чайковский был не менее выдающимся человеком. Поэтому не случайно, что 2015 год на Воткинском заводе – это год Чайковских – Петра Ильича и Ильи Петровича, тем более, что в этом году исполнилось 220 лет со дня его рождения.

Илья Петрович Чайковский (1795-1880) родился в г.Слободской Вятской губернии, в семье городничего Петра Федоровича Чайковского. Уже в 13 лет он начинает службу копиистом на Камских заводах (Ижевском и Воткинском). По рекомендации главного начальника Гороблагодатских, Пермских и Камских заводов и управляющего Дедюхинскими соляными промыслами А.Ф.Дерябина, его зачисляют в 1811 году для обучения в Петербургский горный корпус, который он заканчивает в 1817 году с наградой – большой серебряной медалью, полученной «за отличное прилежание и успехи в науках и доброе поведение». Так начинается его «служение Отечеству»: шихтмейстер 13 класса в Департаменте Горных и Соляных дел, Пермское горное правление – главный маркшейдер при пермских медеплавильных заводах. После окончания двухлетней практики Илья Петрович возвратился в Петербург и в течение одиннадцати лет служил в Департаменте Горных и Соляных дел столоначальником и старшим контролером счетного отдела департамента. В 1825 году стал членом ученого комитета по горной и соляной части. С 1828 по 1831 годы преподавал горную статистику и горное законоведение в высших классах горного кадетского корпуса – своей «alma mater». В 1831 назначается управляющим Онежского соляного правления, с присвоением достаточно высокого горного чина – обергмейстера 7 класса. Следующие шесть лет Чайковский проводит на соляных промыслах, в далекой провинции. К этому времени он уже имел двадцатилетний опыт работы в Горном ведомстве. Продолжительное время занимался научной

деятельностью – почти ежегодно публиковал статьи в «Горном журнале», крупном уважаемом издании.

Деятельность энергичного, хорошо эрудированного горного инженера не осталась незамеченной. В январе 1837 года приказом по Корпусу горных инженеров он, взамен горного звания обергмейстера получает равноценное воинское звание подполковника, что являлось подготовительным этапом на присуждение Илье Петровичу более высокой должности, но не по соляной, а металлургической части. Всего через три дня после этого события И.П.Чайковский назначается начальником Камско-Воткинского горного округа.

На момент приезда Чайковского Воткинского заводу было уже порядка восьмидесяти лет. Он был одним из крупнейших, хорошо оборудованных уральских казенных заводов. В пятнадцати цехах трудилось свыше двух тысяч мастеровых. Более того, заводу принадлежало около 4000 урочных (непрерывных) работников, занимающихся заготовкой леса, выжиганием угля и извозом. Лесные и земельные угодья завода занимали площадь в 3360 квадратных верст⁹. На столь обширной территории, составлявшей горный округ, помимо самого Воткинского завода, находилось еще 170 крестьянских селений. И.П.Чайковский обязан был совмещать в себе одновременно и администратора, и инженера-техника, и блюстителя порядка, и судью, и, наконец, хозяина обширного имения, каким являлся Камско-Воткинский горный округ с населением почти в 50000 человек.

В первые месяцы пребывания Чайковского в Воткинске в губернском городе Вятке была организована выставка местных изделий, приуроченная к приезду наследника престола, будущего царя Александра I. Чайковский лично отбирал для нее экспонаты. Вот что он написал 29 апреля 1837 года по этому поводу: «Приезжал ко мне нарочный для принятия вещей на выставку... Я должен был ехать в завод и сортировать изделия... сердце радуется, видя прекрасную отделку вещей...». Что это были за вещи – неизвестно, но, скорее всего, таковыми можно считать мелкие изделия из металла. Между прочим, наследник при осмотре купил «две машинки для чинения перьев, выделанных на Воткинском заводе».

Подводя итог деятельности И.П.Чайковского на Воткинском заводе, которым он руководил 11 лет, можно отметить главное: под его руководством на заводе раньше, чем на других предприятиях Урала был утвержден пудлинговый способ производства металла, началось производство первых в России паровозов, до этого попытки

наладить их производство были безуспешными. Благодаря И.П.Чайковскому у нас началась эра машиностроения. Позднее академик В.П.Безобразов, в 1869 году посетивший Воткинский завод, напишет: «...техника на Воткинском заводе доведена до европейского совершенства...»¹⁰. В народе говорят: «что ни город, то норов», эта пословица вполне подходит и к Воткинску с его своеобразной культурой, гордостью, особенным укладом жизни, здесь не просто стать «своим», нужно показать что ты, кто ты ...Нужно быть достойным тех ярких личностей, которые стояли у его истоков в XVIII и XIX веках: великий молитвенник, небесный покровитель Воткинска Дмитрий Ростовский; основатель завода граф П.И.Шувалов; начальник Камско-Воткинского горного округа И.П.Чайковский.

Примечания:

¹ЦГАДА. Фонд Берг-коллегии №271, д.2604, лл.567-568

²Музей истории и культуры г.Воткинска. Личный фонд краеведа В.Н.Ступишина, д. 8.

³ Воткинский завод. Вчера, сегодня, всегда. Воткинский, 2009. С.117

⁴В.Ф.Бердников. Воткинский завод в первые десятилетия своего существования (1759-1800). Исторический очерк. С.8. Рукопись хранится в фондах Музея истории и культуры г.Воткинска.

⁵ В.Ф.Бердников. Воткинский завод... С.10

⁶ Интернет-ресурс: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/dimrost.htm>

⁷Музей истории и культуры г.Воткинска. Личный фонд краеведа В.Ф.Бердникова, д.11.

⁸Музей истории и культуры г.Воткинска. Личный фонд краеведа В.Н.Ступишина, д.5

⁹Музей истории и культуры г.Воткинска. Личный фонд краеведа В.Ф.Бердникова, д.19.

¹⁰ Ступишин В.Н. Воткинские были. Ижевск, 1959. С. 65.

Карфидов Алексей Николаевич

Из истории создания музейного историко-культурного комплекса в историческом центре города Невьянска

Невьянск, как и Верхотурье – один из старейших городов Свердловской области. Кроме этого, казалось бы, что у Невьянска и Верхотурья может быть общего, ведь различий гораздо больше?

Основание Верхотурья (1598 г.) относится к первой волне заселения Урала русскими. Основание Невьянского завода (1701 г.) положило начало новому (промышленному) этапу освоения нашего края. Верхотурье представлял собой крепость, поставленную на Бабиновской дороге, некий форпост для продвижения русских переселенцев в Зауралье, своеобразные «ворота в Сибирь», выполняя эту роль вплоть до отмены императрицей Елизаветой внутренней таможи. Невьянский завод, наряду с Каменским, стал в крае первым промышленным предприятием нового типа. Верхотурье, долгое время являясь крупнейшим населенным пунктом Северного и Среднего Урала, служил резиденцией воеводы – наместника царя в крае. Невьянский завод, построенный казной, а затем переданный Петром I тульскому кузнецу Никите Антюфееву (Демидову) на правах посессии, на несколько десятилетий стал «столицей» горного ведомства Демидовых на Урале. В XVIII – начале XX вв. Верхотурье был крупнейшим центром православия на Урале, в то время как Невьянский завод – известным центром старообрядчества. В первые годы советской власти Верхотурье утратил статус города, Невьянский завод же, наоборот, приобрел его.¹

Но есть у Невьянска и Верхотурья нечто общее. Это сохранившиеся в историческом центре пусть и не в идеальном состоянии памятники церковной, военной, купеческой или промышленной архитектуры. Не удивительно, что на рубеже XX-XXI вв. именно эти два города стали примером активного воздействия областных властей, направленного на исследование и восстановление городских архитектурных памятников, повышение статуса местных музеев, пропаганду исторического наследия. Реставрация памятников истории Верхотурья началась в преддверии 400-летия со дня его основания, которое отмечалось в 1998 г. Через три года, в 2001 г. Невьянск отметил 300 лет своей истории, а Свердловская область – 300 лет крупной уральской металлургии. К этим двум датам были приурочены работы по воссозданию исторического центра старинного демидовского предприятия. Теперь по прошествии почти 15 лет с начала этих работ можно подвести некоторые итоги.

Непосредственная подготовка к 300-летию Невьянска началась 24 апреля 2000 г., когда Губернатор Свердловской области Э.Э.Россель издал Указ «О реставрации памятников промышленной архитектуры в г.Невьянске».² Предусматривались реставрация Невьянской наклонной башни, здания бывшей заводской электростанции,

восстановление Спасо-Преображенского собора и создание на базе этих и других памятников музейного комплекса.

3 декабря 2001 г. согласно Указу Губернатора за №910-УГ было принято решение о присвоении городскому историко-краеведческому музею статуса областного учреждения «в целях создания наилучших условий сохранения, изучения и использования недвижимых и движимых памятников истории и культуры города Невьянска, популяризации музейными средствами историко-культурного наследия, развития туристско-экскурсионной деятельности и инфраструктуры туристского бизнеса в городе Невьянске».³ 4 марта 2002 г. Правительство Свердловской области приняло соответствующее Постановление.⁴ Музей стал именоваться Невьянский государственный историко-архитектурный.

В эти годы он размещался в двухэтажном каменном здании бывшей вечерней школы (до революции – Гостиный двор). Первый этаж музея занимала историческая экспозиция, охватывавшая огромный период невянской истории, начиная от археологических находок на территории края и заканчивая Великой Отечественной войной. В помещении бывшей вечерней школы экспозиция за несколько лет до этого почти без изменений была перенесена из здания бывшей Свято-Троицкой церкви, которое вернули верующим. Неудивительно, что к началу 2000-х гг. экспозиция нуждалась в обновлении.

После повышения статуса музея перед ним открылись новые перспективы. На баланс музея были переданы несколько памятников архитектуры, в том числе здание бывшей заводской электростанции начала XX в.⁵ В нем и было запланировано открытие новой исторической экспозиции по истории Невьянского края в XVII – начале XX вв. Этому решению способствовало удобное местоположение здания для организации комплексного экскурсионного обслуживания (в историческом центре возле наклонной башни), а также наличие больших площадей под размещение экспозиции. Вокруг нового здания музея и наклонной башни Демидовых началось формирование историко-культурного комплекса, в который предполагалось включить еще несколько памятников архитектуры, а в будущем присвоить статус музея-заповедника. Сама территория комплекса получила название сквер Демидова.

Надо заметить, что первые планы по созданию музейного комплекса на территории старого демидовского предприятия («завода-музея») появились еще в 1920-е гг. Тогда уральский краевед А.Словцов предложил идею о сохранении на Урале в первозданном виде старинного завода, выбрав для этой цели Невьянский завод.⁶ В 1980-90-е гг. предложения о музеефикации отдельных архитектурных памятников или всего заводского комплекса старинных памятников высказывали директор механического завода В.В.Хохонов, главный архитектор города А.В.Нечхаев, директор музея истории Невьянского завода Н.А.Силина, директор городского историко-краеведческого музея А.С.Лянсберг и другие. Было подготовлено несколько проектов создания музейного комплекса.⁷

20 февраля 1995 г. комплекс заводских памятников XVIII в. «Старый Невьянский завод» Указом Президента РФ Б.Н.Ельцина за №176 был объявлен памятником федерального значения и включен в «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».⁸

Несомненно, центральным объектом существующего на данный момент историко-культурного комплекса является знаменитая наклонная башня Демидовых – уникальный памятник промышленной архитектуры Урала первой половины XVIII в. Массовые экскурсии на Невьянскую наклонную башню начались в 1994 г. В эти годы она находилась на территории механического завода, в результате чего, чтобы посетить знаменитый памятник архитектуры требовалось преодолеть ряд трудностей. На туристические группы оформлялись пропуска, затем туристы через центральную проходную по заводской территории с соблюдением всех правил безопасности следовали к башне, а после экскурсии тем же путем возвращались обратно. Естественно, шум от работающих цехов, проезжающий мимо заводской транспорт, трубопроводы, закрывающие обзор, залежи соляного раствора для котельной возле стен башни – все это не способствовало повышению качества экскурсий.

С началом работ по воссозданию исторического центра Невьянска демидовская башня была освобождена от производственных зданий, пристроенных к ней в советское время (котельная, электроцех), а проложенная в нескольких метрах от нее заводская железная дорога разобрана. Вместо деревянной лестницы, заменявшей несохранившийся первый каменный пролет крыльца башни, была воссоздана лестница под старину из аналогичных демидовской эпохе

материалов. Сама Невьянская башня и прилегающая к ней территория были выделены с территории завода, что позволило сделать памятник архитектуры доступнее для посетителей, и, как следствие этого, увеличить его экскурсионную посещаемость. Так, если в 1999 г. Невьянскую башню посетили 14819 туристов, то, например, в 2003 г. после завершения всех реставрационных работ на ней побывало уже 30213 посетителей.⁹

Следующим этапом стало создание на наклонной башне постоянно действующей экспозиции. Еще в 1980-е гг. на первом этаже Невьянской башни была открыта выставка гипсовых фигур «В подвалах Демидова», созданная местным скульптором А.Е.Надкокой.¹⁰ Позднее выставка была перенесена на третий этаж, а в 2000 г. по причине ветхости закрыта. В 2003 г. на втором этаже Невьянской башни открылась экспозиция, посвященная невянским и тагильским Демидовым.¹¹ В 2006 г. на четвертом этаже была создана экспозиция «Тайны Невьянской башни», рассказывающая о загадках знаменитого памятника, его исследователях и исследованиях.¹² Наконец, в 2011 г. на первом этаже открылась новая экспозиция фигур из прессованного пенопласта «В подвалах Демидова».¹³ В настоящее время на наклонную башню Демидовых приходится самое большое количество экскурсий среди всех экскурсионных маршрутов, предлагаемых Невьянским музеем. Так, в прошлом, 2014 г. на башне было проведено 3628 экскурсий, которые посетили 45687 человек.¹⁴

Подобно тому, как наклонная башня символизирует демидовскую эпоху в истории Невьянска, так самым ценным памятником эпохи следующих заводовладельцев Яковлевых является Спасо-Преображенский собор – памятник архитектуры XIX в. К концу XX в. его облик претерпел огромные изменения – купола, колокольня и внутреннее убранство в советское время были утрачены. В самом здании размещался цех механического завода. Понадобилось время, немалые средства и усилия многих людей, чтобы возродить уникальный памятник церковной архитектуры. В 2000 г. начались работы по восстановлению храма. Заказчиком выступил благотворительный фонд «Старый Невьянский завод», в состав которого вошли представители Правительства области и руководители крупных предприятий (в 2001 г. преобразованный в «Наследие Демидовых»). Генподрядчиком строительства стало строительно-промышленное акционерное общество «Среднеуральское управление строительства» (СПАО СУС), которое имело опыт

проведения подобных работ. Позднее ему на смену пришло ЗАО «Корпорация «Атомстройкомплекс». Проект восстановления храма разработан главой фирмы «Терем» архитектором В.И.Симиненко. Контроль за ходом восстановительных работ осуществлял лично председатель Правительства Свердловской области А.П.Воробьев. Каждую субботу в Невьянске под его председательством проходили оперативки. Руководители отчитывались о выполненных работах на прошедшей неделе, совместно строили планы на следующую неделю. При этом совещания проходили не в кабинете, а прямо на строительной площадке, где их участники могли воочию увидеть результаты своих трудов.

19 мая 2001 г. в присутствии представителей правительства области, других официальных лиц и участников строительства архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий освятил основание престола будущего Спасо-Преображенского собора. Началось возведение стен храма, куполов и колокольни. Затем мастера приступили к внутреннему обустройству храма. На купола были установлены кресты, а на колокольню подняты восемь колоколов, изготовленных мастерами фирмы «Катков и К» из г.Каменск-Уральский. Наконец, 19 августа 2003 г. в день Преображения Господня в присутствии Губернатора Э.Э. Росселя, Председателя Правительства области А.П. Воробьева, других официальных лиц, а также множества невянцев и гостей города архиепископ Викентий освятил восстановленный Спасо-Преображенский собор. Храм вновь открыл двери для своих прихожан.¹⁵

За год до открытия Спасо-Преображенского собора в историческом центре на берегу пруда был установлен памятник Петру I и Никите Демидову. Памятник весом 8 тонн изготовлен из чугуна на Уралмашзаводе. Авторы: скульптор К.Грюнберг (автор «Черного тюльпана» в Екатеринбурге) и архитектор А.Мазаев. Надо сказать, что при работе над памятником основателям Невьянска скульптор прислушивался к мнению широкой общественности. В фойе Невьянского музея несколько месяцев были выставлены гипсовые макеты памятника (два варианта) и невянцы, а также приезжающие в город туристы могли выбрать понравившийся вариант и оставить запись в специальной книге. Впоследствии скульптор дорабатывал памятник с учетом этих мнений. Торжественное открытие памятника Петру I и Никите Демидову состоялось 19 июля 2002 г.¹⁶

После реставрации Невьянской башни и восстановления Спасо-Преображенского собора начались работы в здании бывшей заводской электростанции – памятнике промышленной архитектуры начала XX в. В марте 2009 г. на первом этаже отреставрированного здания, получившего название Музей истории Невьянского края, была открыта экспозиция «История Невьянского края в XVII-XVIII вв.» В ней представлены история заселения края русскими, строительство Невьянского завода, род заводовладельцев Демидовых и создание демидовского горного «ведомства» на Урале.¹⁷ В 2012-13 гг. на втором этаже открылась экспозиция «По улицам старого Невьянского завода». В ней представлена история следующих заводовладельцев Яковлевых, отражена во всем ее многообразии жизнь заводского поселения, заводское производство, образование и здравоохранение, железнодорожное сообщение и др.¹⁸ Как показывает практика, новая историческая экспозиция пользуется интересом у туристов. В 2014 г. только с экскурсией ее посетили 10511 человек.¹⁹

Историческая территория, Невьянская башня и Музей истории Невьянского края ежегодно служат местом проведения музейных праздников, в которых принимают участие невянянцы и гости города. Это «Широкая масленица», «Ночь музеев», «В день Последнего звонка», «Мамины субботы», «Демидовская елка».²⁰ Своеобразным смотром достижений музея стал, проводимый ежегодно в последнюю субботу августа, музейный праздник «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых». В его программе: открытие новых экспозиций или выставок, акция «Дары музею», ярмарка ремесел, различные мероприятия для семейных групп, музейный кукольный театр, театрализованные представления, посвященные юбилейным датам невянянской истории (например, в 2013 г. был представлен «Бенефис Саввы Яковлева», приуроченный к 300-летию со дня рождения невянянского заводовладельца) и многое другое. Наряду с сотрудниками музея в мероприятии принимают участие невянянские и иногородние музыкальные, театральные и шоу коллективы. В вечернее время в наклонной башне проходят необычные театрализованные экскурсии «Легенды Невьянской башни». Проводимый с 2003 г., «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых» в настоящее время стал значительным культурным событием в жизни Свердловской области.²¹

Завершен первый этап воссоздания исторического центра города Невьянска. В планах реставрация и музеефикация остальных

памятников архитектуры демидовского и яковлевского периодов, находящихся на старой площадке механического завода. Это Господский дом с подземными сооружениями, два доменных корпуса, плотина и некоторые другие. Хочется надеяться, что развитие уже существующего историко-культурного комплекса и воплощение в жизнь всех намеченных идей позволит создать в Невьянске интересный для туристов музейный комплекс, способный стать одной из главных достопримечательностей Свердловской области.

Примечания:

¹На государевой дороге: Пелым. Верхотурье. Туринск. Туринская Слобода, под ред. Е.С.Зашихина. Екатеринбург, 2000; Невьянск. Свердловск, 1982.

²Указ Губернатора Свердловской области Э.Э.Россея №200-УГ от 24 апреля 2000 г. «О реставрации памятников промышленной архитектуры в г. Невьянске».

³Указ Губернатора Свердловской области Э.Э.Россея №910-УГ от 3 декабря 2001 г. «О создании областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

⁴Постановление Правительства Свердловской области №127-ПП от 4 марта 2002 г. «Об учреждении областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

⁵Постановление Правительства Свердловской области №676-ПП от 22 июля 2004 г. «О передаче областному государственному учреждению культуры «Невьянский государственный историко-архитектурный музей» объектов, расположенных по адресу: г.Невьянск, сквер Демидова».

⁶Архив государственного автономного учреждения культуры Свердловской области «Невьянский государственный историко-архитектурный музей» (в дальнейшем – ГАУК СО НГИАМ).

⁷Лянсберг А.С. Индустриально-ландшафтный парк «Старый Невьянск». Машинопись. 1999; Нечхаев А.В. Старый Невьянский завод. Машинопись. 2003; Хохонов В.В. Предложения по созданию музейного комплекса «Старый Невьянский завод». Машинопись. 2006. Архив ГАУК СО НГИАМ.

⁸Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина №176 от 20 февраля 1995 г. «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

⁹Отчет о работе Невьянского историко-краеведческого музея за 1999 год. Машинопись. 2000; Отчет о работе за 2003 год Областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей». Машинопись. 2004. Архив ГАУК СО НГИАМ.

¹⁰Архив МИНЗ.

¹¹Отчет о работе за 2003 год Областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей». Машинопись. 2004. Архив ГАУК СО НГИАМ.

¹²Отчет о работе Невьянского государственного историко-архитектурного музея за 2006 г. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.

¹³Отчет о работе за 2011 г. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.

¹⁴Внутренняя статистика Невьянского музея за 2014 г. В электронном виде.

¹⁵От покаяния к возрождению, под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 2003.

¹⁶[Об открытии памятника Петру I и Никите Демидову] // Звезда №30, 26 июля 2002 г.

¹⁷Отчет о работе за 2009 год. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.

¹⁸Отчет о работе ГАУК СО НГИАМ за 2013 г. В электронном виде.

¹⁹Внутренняя статистика Невьянского музея за 2014 г. В электронном виде.

²⁰Архив ГАУК СО НГИАМ.

²¹События Свердловской области. Календарь-справочник. Екатеринбург, 2014.

Колбина Эльвира Минировна

Быт крестьян деревни Чушино Верхотурского уезда в XIX-XX вв.

В начале XX века в Верхотурском районе насчитывалось более 150 деревень. Во время коллективизации и по другим причинам количество населенных пунктов сократилось. Перед началом Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) уже было 130 населенных пунктов, жители которых работали в 60 колхозах. В настоящее время в сельской местности Верхотурского района осталось не более 30 деревень. Почти полностью опустело левобережье реки Туры вдоль старого Меркушинского тракта. Мало деревень осталось и по её притоку – реке Салде. Полностью исчезли деревни Дуранинского, Отрадного, Вологинского бывших сельских советов. Доживают свой век Пия и Отрадново. К числу прекративших своё существование относится и д. Чушино Отрадного сельсовета. Но живы люди, которым дорога память о своей малой родине.

В «Словаре Верхотурского уезда Пермской губернии» И.Я.Кривошекова, изданного в 1910 г., говорится: «Овчинникова или Чушина, деревня на реке Туре, Меркушинской волости, от уездного города в 108 верстах. При ревизии населения в России в 1816 г. в деревне Овчинниковой было 3 двора и в них жителей 16 человек

обоего пола, числилась тогда деревней в Меркушинской волости; при ревизии же 1834 г. Овчинникова была в составе Кишкинской волости и в ней было 11 дворов, в них числилось 56 человек обоего пола. По сведениям 1908 г. Верхотурской земской управы дворов в селении 25, в них жителей обоего пола 147 человек» (1).

Воспоминания Овчинникова И.Д.

В глухой тайге Северного Урала в конце XVII века был построен хутор, по ревизии 1816 года в нём проживало в трёх домах пятнадцать человек обоего пола. По ревизии 1908 года было уже двадцать пять дворов с населением сто сорок семь человек обоего пола. Это уже деревня. Назвали её Чушино (2).

Деревня Чушино занимает выгодное положение, она разместилась на высоком берегу реки Туры у овражистого лога в ста двадцати километрах от районного центра г.Верхотурье и ста двадцати шести километрах от ближайшей станции железной дороги. Со всех четырех сторон окружала деревушку дремучая тайга. Идешь к ней, идешь из райцентра пешком – кажется вечностью, а придешь – будто на край света приехал – только в небо дыра.

Первыми поселенцами вероятнее всего были остяки, судя по фамилиям с низовьев реки Тагила, ибо там находились деревни Лаптева и Краюхина. Среди жителей деревни Чушино бытовали сведения о том, что первой была построена старая изба – это место в 300 метрах от деревни Калмачата. Затем были построены дома на берегу речки Копанка при впадении в реку Туру – те Калмачата, в которых поселились Краюхины, Лаптевы. Кошкины. Следующим был построен дом в Нижней Перемене возле поляны Моховые лывы, жили в нем Овчинниковы и называлась поселение Звонарями, а на месте Чушино было кладбище. Деревня строилась порядком и вдруг осталось пустое место. Оказалось, что на месте старого кладбища никто не строился, хотя о кладбище ничто не напоминало. Существовала версия, по которой первые жители деревни Чушино пришли с дружиной Ермака. Как это получилось: дружина на лодках и пешим ходом пробиралась по реке Тагилу в Сибирь к деревне Фоминка, что на реке Тагиле, где была организована зимняя стоянка, а из Фоминки через деревню Лаптево на реку Туру была прямая дорога, которая проходила через увал, Нижнюю Перемену, речку Копанку в деревне Калмачата. Вот почему и первый дом был не на берегу реки, а среди поля. Первые основатели деревни, пройдя через остякское кладбище, вышли на высокий берег реки Туры тут и построили

первый пятистенный дом. А своё название деревня Чушино получила потому, что для остяков русские были чужие.

По рассказам старожил где-то возле речки Копанки, когда проходила дружина, был зарыт клад, который должны были забрать по возвращении из Сибири. Так что лежит этот клад в белом безмолвии и ждет, видимо, новую дружину. Мало-помалу, и начала деревня строиться: перебрались Овчинниковы, Болотовы, затем и Колмачата. Деревня Чушино была построена в два ряда, вдоль реки Туры с отворотом по дороге на деревню Савина и заканчивалась церковью. Была она расположена на красивом берегу реки. Противоположный берег, заросший лесом, по весне в большую воду заливался водой. Деревню как бы на две части делил овраг, через который был построен деревянный мост (3). Со всех четырех сторон деревню окружала дремучая тайга, в особенности с северной стороны тайга тянулась на сотни верст. Древостой, в основном сосновые бора, кедровники, в низинах ель, пихта, лиственные деревья: береза, осина и много над речками кустарников.

Удивляться приходится, кто и когда облюбовал это отдаленное место от мира сего для постоянного места жительства. Земля 157 га, отвоеванная от тайги предками, суглинистая, малоурожайная, правда сенокосные угодья – заливные луга, позволяли держать скот, видимо это и привлекло людей жить в тайге с незапамятных времен. Многие прожившие свой век не видели железной дороги, городов и не могли себе представить, что где-то имеется жизнь совсем не похожая на ихнюю. В борах много ягод брусники, на болотах – клюквы, на кедрах – кедрового ореха. Все это было пищей для крупного и пушного зверя, а также для боровой птицы: глухарей, рябчиков. Люди этим богатством пользовались. Некоторые крестьяне занимались охотой на лосей, медведей, а некоторые на пушного зверя: белку, колонка, горноста. Далеко в тайгу охотники не удалялись, самая далекая избушка находилась за двадцать вёрст от деревни. На таком расстоянии дичи и зверя было достаточно, но зато не нужно было затрачивать лишнее время на завоз продовольствия, а также было близко возить мясо, шкуры, пушнину, ягоды и орехи. У каждого охотника имелась своя охотничья избушка на своем урочище, где он охотился. Избушки строили капитально: в них можно было зимовать.

Средства к существованию населением извлекались из земледелия, заготовки леса и сплава его по реке Туре в город Тюмень. В урожайные годы добывали много кедрового ореха, ягод брусники и

клюквы, которые возили в ближайшие города Верхотурье и Алапаевск для продажи на рынке (2). К сбору кедрового ореха готовились всей деревней, как к большому празднику. В этой работе проявлялся коллективизм. Работали все вместе. Заготовленные кедровые шишки сваливали в общие бурты, чтобы они чуть подопрели, тогда из них легче вымолачиваются орехи. После того, как сбитые шишки с кедров пролежат в буртах несколько дней, на сделанных «кроватьках» из тонких деревьев, начинают молотить, т.е. бить по шишкам чуть погнутыми на конце палками. Орех из шишки выкрашивается. После обмолота на специальных решетках, сделанных из кровельного железа, орех просеивают от мусора. Делят орехи между работающими согласно отработанных дней на заготовке орехов (3). С наступлением холодов по устоявшейся зимней дороге товар отвозили на ярмарки. С ярмарок, если торг был удачный, привозили в дом одежду, обувь, ткани на платья и подушечные наволочки.

До Первой мировой войны 1914-1918 гг. никто из мужчин не имел понятия брить бороду или усы. Возможно не знали, что есть бритвы для этой цели. Некоторые жители деревни считали себя казаками, якобы когда-то выслал на Урал за какие-то восстания в своё время Петр Первый их предков из стрелецких полков. Так вот эти семьи придерживались казачьих обычаев до дня коллективизации. Мужчины считали позором принести воды в дом, дать корм коровам, зато уход за лошадьми считался мужским делом, с ранних лет своих сыновей и внуков приучали к умелому обращению с лошадьми и обязательной верховой езде. Вся работа по хозяйству была разделена на мужскую и женскую, причём явно не справедливо, работы на женские руки приходилось гораздо больше чем на мужские. Если мужчины находились дома, то их можно было встретить за болтовней и курением табака собравшись группами, а женщин за стиркой, починкой белья, обработкой льна, пряжей кудели, тканьем холста для верхней и нижней одежды, вязанием варежек, носков, приготовлением пищи, уходом за детьми, выполнением различных мелких работ по хозяйству. Единственным местом для них была встреча у колодца, где они имели возможность перекинуться словом с соседкой. Поскольку земли было мало, хлебом на весь год семью обеспечить не могли. Мужчины уходили на заработки весной на сплав леса, а осенью и зимой на заготовку леса. Зачастую полевые работы ложились на женские плечи, какие только работы не приходилось выполнять бедной крестьянке.

Кроме того, женщинам надо было родить и вырастить детей. В Чушино, как и во многих российских деревнях была высока младенческая смертность. Практически в каждой семье половина, а то и больше детей умирала, не дожив и до года. Причину такой большой смертности можно было объяснить тем, что во-первых в окрестности Чушино, более 40 км, не было ни одного фельдшера, а о врачах и говорить не приходится. Во-вторых, может ли крестьянин бросить работу в сезон посева, уборки урожая или в сенокос и вести своего ребенка к фельдшеру за 40 км? Конечно, нет. Позовут какую-нибудь бабушку-«знахарку», та пошепчет на воду, сбрызнет ребенка этой наговоренной водой – вот и все лечение. А умрет ребенок – скажут: «Бог дал, Бог и прибрал». В-третьих, имели ли крестьянки декретные отпуска или отдых перед родами и после? Нет. Многие дети рождались в поле. В-четвертых, какой уход и догляд был за малыми детьми? Общественных яслей не было и приходилось матерям оставлять малых детей на таких «няней», которые по нынешним временам сами являются посетителями детских садов старшей группы, за которыми закреплены няни, воспитатели и медицинские работники. Кто из детей мог приносить какую-то пользу в поле или на покосе, они все были там и помогали родителям (5).

Начальной школы в Чушино не было, открыли её только в 1927 году в половине дома Кошкина Ивана Алексеевича. До этого времени учиться приходилось в других деревнях, где были школы. Школа из себя представляла одну большую комнату, где размещалось 15 парт, по 3 ученика на каждой. Поскольку ученики были разной подготовки, то было открыто четыре класса с первого по четвертый. Первым учителем был Казанцев Сергей Николаевич. В то же время переоборудовали церковь под клуб, ныне она утрачена. Заслуга в этом коммуниста Гладких Якова Александровича. Именно он добился переоборудования церкви под клуб, самолично снял кресты и водрузил красное знамя на церковь. Осенью и зимой клуб был полон молодежи – все хотели посмотреть кино, а позднее к ним присоединились и старики со старухами и даже церковный староста. Иногда в клубе проводили танцы, вход был свободный.

Воспоминания Гладких Е.А.

На Троицу церковь украшали молодыми березками – этот обычай сохранился до последних дней. В деревне сохранялась традиция отмечать все старинные церковные и современные праздники. В послевоенное время держали в церкви один год колхозных кроликов,

затем была птицеферма и бессчетное количество раз её превращали в зерносклад. Но, в конце концов, очищалась она от всего мусора молодежью и служила очагом культуры, хотя официально под клуб был отведен другой дом

В 1931 г. все мелкие колхозы объединили в один колхоз «Красный пахарь». Правление колхозом организовали в 18 км от деревни Чушино в селе Отрадново. На ферме в Чушино было более 60 голов дойных коров, молодые телята, овцы и свиноферма. Весной школьники первым делом ходили по домам и собирали золу, которую сносили под сушило к правлению. Потом начиналась переборка картофеля в овощехранилище при свете керосиновых фонарей. И так каждую весну – подготовка инвентаря к весеннему севу, вывозка и скирдование броневого сена, проращивание картофеля для посадки, плетение из соломы мат для парников, посадка рассады, протравливание зерновых для посева, подготовка и набивка парников, заготовка жердей и дров и всё это до начала весеннего сева. В послевоенные весны пахали поля на лошадях, сеяли из лукошка, боронили на коровах, потом уже из МТС давали для посевной трактора «Интера» и «НАТИ». Набивали навозом парники для огурцов. Под овощи в колхозе было отведено поле Степанково, что чуть больше 10 га, где садили капусту, картофель, свеклу, морковь, турнепс, лук, огурцы, помидоры. На полях сеяли горох, пшеницу, рожь, овес, ячмень, лён. Сейчас только можно удивляться, как могли люди справляться с таким объемом работ. В колхозе держали лошадей, коров, свиней, пчел, овец, куриц, кроликов. За всеми нужен был уход и это в то время, когда сами люди ели липовый лист пополам с овсяной мукой.

Из Тюмени до села Меркушино ходил пароход «Шлеев». И все жители до 1956 года каждую весну встречали его на берегу реки Туры. В то время по берегам реки стояли бакены и промерные столбы. Пароход еще издали подавал гудки и всегда причаливал к берегу у пожарки. Затем начинался сплав леса в Тюмень с верховьев реки. На реке устанавливались боны. В селе Отрадново была специальная сплавная контора. Сплавлили лес плотами и мулем. На поскотине возле бона всегда делали остановку плоты с избушками сплавщиков. В пятидесятых годах в деревне, на озеро Варюшино и до самого устья речки Копонки вывозили лес, который связывали в плоты. Лес заготавливали и вывозили лесники на лошадях зимой. Лесников

собирали со всей области и они жили в деревне до самого таянья снега.

По весне в деревне отмечали праздники. Масленица – это катались с горы, кто на чём может: санки, ладки, шкуры, с конного двора притаскивали хрясла и кашовки с вывернутыми оглоблями, а в гору их вытаскивали на вожжах всей оравой. Старшее поколение гнали «кумышку» и устраивали свое веселье. Благовещение – птица гнезда не вьёт, девица косы не плетёт, почему-то у нас особо этот праздник не отмечали. Только дед говорил, что на этот день сорок сороков сорок братьев на великую матушку Русь летят (это птицы). Ещё примечали, если на Благовещение заморозит, то зерновые будут хорошими. Затем Пасха – это был праздник из праздников, к этому дню в избах всё мылось, чистилось, опять же гналась «кумышка», ставилась бражка, варились и красились яйца, пеклись рыбные пироги и разные сдобы, какая хозяйка что умела. Всегда к этой поре были свежие утки, а о рыбе и говорить нечего. К этому дню обязательно ходили в лес за пихтой, которую накануне Пасхи втыкали над окнами, дверями и божницей. Перед Пасхой бывает Вербное воскресенье, в которое до солнцевосхода ходили за вербой, которую тоже ставили к божнице и ветками вербы хлестали скотину в хлеву, чтоб не болела.

Прошла весна, отзвенели ивы, зазеленели поля и луга, зацвела черемуха со своим пьяно-терпким ароматом – наступил июнь, начинается лето. Это самый первый летний праздник Алёны. Вспашка частных огородов и посадка картошки. Закончился сев и посадка культур и начиналась в колхозе подготовка к массовому гулянию. Шли под забой поросята, телята и овцы, ставили в бочках брагу, варили, жарили, парили и накрывали общий стол в ограде правления колхоза. Подносили бражку с почестями, кто как работал и кормили три дня от души всю деревню и гостей. А затем, как соединили в колхоз три деревни: Свизево, Карабаево, Чушино и колхоз из «Знамени труда» переименовался в колхоз имени Молотова, то массовые гуляния проводили на поскотине деревни Карабаево. Закончилось гуляние и начинались летние будни. Мужики занимались ремонтом изгородей. Все поля от потравы скотом были огорожены жердями, заменяли погнившие колья и жерди. Женщины занимались огородничеством, затем выделяли неделю для ремонта дороги до деревни Карабаево, которую ремонтировали всей деревней. Как это происходило: брали лопаты, топоры, вилы и мужики шли, разрубали молодую поросль возле дороги и делали деревянные пропуска для

стока воды через дорогу, ремонтировали в логах Глубокое, Мисовое, Сухое, Гаревое через ручьи деревянные мосты. Женщины грузили на тарантасы запряжённые лошадьми на поскотине песок с галькой, а ребята и девчонки возили на дорогу и рассыпали на выбоинах, пока велась эта работа и держалась дорога до нашей деревни. Ремонтировали мосты у Копанки, Калмачат и Черной Грязи, которые сносило каждую весну большой водой.

Итак, начиналось лето – пора сенокоса, ягод, грибов, шишек, а так же жатва с праздниками Петровым и Ильиным днем. Поспевали летом малина, земляника, красная и черная смородина, черемуха. Черемуху собирали и сушили, потом мололи на муку. Из такой муки стряпали пирожки и шаньги, а вот остальные ягоды были разового пользования в свежем виде, никто не варил варенье. Кедры, которые росли по всей округе нашей деревни, назывались полевыми и распределялись на жителей деревни. Только кедры, росшие на поскотине, были отданы с незапамятных времени во владение пацанов. Шишки начинали заготавливать с Ильина дня, а деревенская ребятня начинали жарить на кострах аж с Петрова дня. Но не дай Бог, если до Ильина поймают за озером или у мельницы на кедре, тут уж порки от мужиков не миновать, да и родители спасибо не скажут (3.)

Воспоминания Худяковой В.П.

Наш дом был большой, пятистенный в 5 окон по фронту.

Большая комната. В переднем углу божница, иконы, лампадка. За иконой несколько яиц, их каждую Пасху туда ложили. К церковным праздникам божницу украшали цветочками и полотенцем вышитым. Вдоль стен лавки широкие, стол. Над столом висела лампа керосиновая. Во второй половине комнаты, под потолком во всю ширину комнаты полати. На полатях мы спали. Под пологом стояла железная кровать, на ней спала бабушка Вера. В комнате ещё стояла чугунная печка, ее протапливали утром и вечером для тепла.

Кухня. Под потолком полицы, где составлялась кухонная утварь. Около окна сколочен курятник, там зимой жили куры. Сбоку ещё одна полка для посуды. Стол кухонный. Печка русская. Под печкой был подпечек. Туда ложили ухват, кочергу, помело и деревянную палату. За печкой было отгорожено место поросенку маленькому. К печке был пристроен голбец. Мы, когда на улице наиграемся, то залазим на печку и голбец и отогреваемся. Русскую печь топили по утрам. В печи в чугунках варили еду на день, там она стояла целый день и была горячей. Хлеб пекли тоже в русской печи. Дрожжей в те времена не

было. Делали опару: хмель заготавливали, сушили, потом заливали кипятком и добавляли толченную картошку, немного муки. Опара закисала, после её процеживали через сито и тварили тесто. Часа через 2-3 притваривали до нужной густоты и потом выкатывали булки, чтобы они в тепле вытронулись. В печь ложили дрова, так чтобы они горели вкруговую и сгорали одновременно. Когда прогреется под у печи – угли сгребали в сторону. Помелом дочиста заметали под и потом на деревянной лопате сажали хлеб в печь. Шаньги, пироги, курники, ватрушки пекли на листах. Пельмени иногда варили на шестке в чугушке на таганке. Летом даже и на улице варили уху, картошку, суп-скороварку. Если надо было приготовить фарш, то рубили в корытце сечкой, мясорубок не было.

Под голбцем был ход в подвал, где хранились овощи, соленья в бочках: капуста, огурцы, грибы. Варенье в нашей деревне почему-то не варили, может потому что сахара было мало. Помню, сахар был большими кусками и как нам кусачками отщипывали его по маленькому кусочку с чаем. Чай заваривали либо из трав: листья черной смородины, лабазник, шиповник, зверобой, иван-чай, либо с паренками. Для того чтобы вскипятить воду под чай пользовались самоварами и чайниками-заварниками. Ягоды по возможности сушили, черемуху мололи.

Ещё была одна комната, называлась *горница*. Там стоял шкаф – буфет, стол, кровать и кубанские сундуки горкой, а на полу лежали половики. Полы были неокрашенные, но выскоблены добела щеткой. На стене висело зеркало и в рамках фотографии родных. На окнах стояли цветы герани и сережки. К празднику вешали задергушки строченые, а так висели какие-то марлюшки – мы жили бедно.

У дома были большие хозпостройки. Половину дворов занимал колхоз: жили овечки. В нашей конюшне жила корова. Полов в конюшне не было, зимой навоз не убирался. В углу были ясли, куда клали сено корове Белянке. Управлялись с фонарем. Сено заготавливали летом, но вывозили, когда уже выпадет снег. Ездили на 2-х лошадях, протаптывали дорогу, огребали зарод от снега и накладывали на сани, но надо было наложить так, чтобы воз не валился с саней. Приезжали всегда с сеном поздно, было уже совсем темно. Все хозяйства облагались налогами: необходимо было сдать государству мясо, молоко и яйцо, даже когда кололи поросенка – надо было сдать шкуру, палить не разрешали.

Была у нас и *баня*. Белье стирали в большом деревянном корыте со щелоком – это бралась зола, её заливали кипятком и отстаивали, затем сливали и стирали как с мылом, но полоскали белье всегда на реке в проточной воде – хоть зимой, хоть летом.

Одевались мы бедно. Летом почти всегда бегали босиком, иногда надевали сандалии или резиновые сапоги. Зимой поверх валенок одевали сатиновые шаровары, чтобы снег не попал. Колготок не было, носили чулки, а носки шерстяные вязала нам бабушка или мама. Платья все шили сами. И почти все носили фуфайки. У взрослых потом появились жакетки плюшевые. Женщины и бабушки на ногах носили обудки. Волосы у всех были длинные, расчесывали гребенками и заплетали косы. Были ещё красивые ажурные косынки – *файшонки*, а так носили платки и шали- катанки.

Бабушка любила ходить в лес за ягодами и грибами. Ягоды брали в наберку из бересты, а затем высыпали в пайву. Ягод бабушка приносила всегда много. Леса у нас были богатые. На зиму заготавливали бочками грибы соленые, огурцы, капусту, моченую бруснику. В больших деревянных корытах хранили клюкву. Черёмуху сушили, мололи на муку. Варили напиток сусло, квас и повалиху. Стряпали курники. Еда была вкусной. Ещё бабушка драла лыко, вымачивала, делала мочало, ткали рогожи, был ткацкий станок и мы на нём ткали. На огороде выращивали картошку, капусту, турнепс, калегу, морковь, свеклу, огурцы, помидоры, арбузы и клубнику. Теплиц не было, выращивали на навозных парниках и грядках. Держали домашний скот: овец, кур, поросят. У нас была корова Белянка. Жили хорошо. Работали от зари до зари. Слушались и уважали старших. А учителя были для нас святыми (я считала, что они даже в туалет не ходят).

Мы подростки летом работали, выполняли посильную работу: топтали на лошадях силосные ямы, возили копны, гребли сено, кантарили зерно (набирали в мешки). Я любила ездить на покос на «Золотое». Взрослые ехали на телегах, а мы верхом на лошадях. Через реку Туру переправлялись на пароме. В обед варили в котле суп для всех и заваривали из трав чай.

В нашей деревне была пасека. Когда качали мёд, то всей деревней ходили есть свежий мёд. Был магазин, там продавали товары первой необходимости. Промтовары привозили, может раз в квартал. Мама нам сама шила одежду. Был клуб. Привозили кинофильмы, почти все население деревни приходило, усаживалось поудобнее и смотрели

фильмы. К праздникам своими силами ставили концерты. Была передвижная библиотека.

В колхозах (по словам мамы) работали за трудодни. Вместо денег выдавали облигации. Мы ими играли, оклеивали свои домики. Сохранилось совсем немного, некоторые из них поменяли на деньги.

Игрушки у нас были самодельные. Кукол шили из тряпок. Волосы приделывали из кудели (куделю выделывали из льна). Рисовали глазки, носик, ротик, приделывали ручки, иногда и ножки, и шили им наряды. Из досок делали коляски, да и с горки мы катались на санках с деревянными полозьями и на лотках (лоток был сделан из доски, носок закруглялся). Ручка высокая, чтобы можно было и сидя и стоя ехать. Поливали его на несколько раз водой, а потом обледеневший он очень хорошо ехал. Из дерева много разных игрушек делали.

В нашей деревне считалось за гордость служить в армии. Провожали в армию всей деревней. Старшие давали напутствие новобранцам, а на ворота того дома, откуда уходил молодой человек в армию, прикрепляли атласные ленты и на втором километре на березу тоже весили ленты.

На Вербное воскресенье все из лесу приносили вербочки. А в Пасху стряпали куличи, красили луковым пером яйца и обязательно на берегу реки стреляли в 12 часов ночи. В Троицу у каждого дома на воротах крепили березки. В Благовещение волосы нам не заплетали. Бабушка говорила, что в Благовещение птица гнезда не вьет, девица косы не плетет.

Бабушка у нас была верующая. Она всегда молилась и благодарила Господа Бога за прожитый день. Она всегда говорила «а в Писании сказано...». Даже когда все жили в деревне и никто не уезжал, она говорила «Тут, где мы живем, через много лет никто жить не будет, а только будут быки пастись». Так оно и вышло. В нашей деревне только пасли телят последние годы (6).

Со временем колхозы стали совхозами. Совхозы стали укрупняться. Создавались центральные усадьбы. Люди стали разъезжаться. Деревни рушились. Последним жителем в деревне был Болотов Сергей Михайлович. Из фондов Государственного архива Свердловской области известно, что по решению Облисполкома от 30.12.1976 за №1099 деревня Чушина Отрадновского сельсовета в числе других 22 населенных пунктов Верхотурского района была исключена из учетных данных, как населенный пункт, прекративший существование (7).

Источники:

- 1.Кривощев И.Я. «Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии», 1910 г. С. 622-623
- 2.Овчинников И.Д. Рукописный вариант книги «Побег и встречи»
- 3.Гладких Е.А. Воспоминания
- 4.Овчинников И.Д. Рукописный вариант книги «Судьба сирот». С. 29-30
- 5.Овчинников И.Д. Рукописный вариант книги «Так сложилась жизнь»
- 6.Худякова В.П. Воспоминания
- 7.Интернет ресурс // textarchive.ru

Лобанов Дмитрий Алексеевич

Тобольские гарнизонные солдаты на строительстве крепости в Екатеринбурге. 1723-1725 гг.

Солдаты на строительство Екатеринбургской крепости были направлены на Уктус из Тобольска в начале 1723 г. Основанием для присылки солдат стала «Инструкция Генерал-Майору Генингу об исправлении медных и железных заводов» от 29 апреля 1722 г., согласно которой Генин мог «на первое время для строения и работ, на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от Губернаторов и воевод»¹. Первые четыре роты прибыли на Урал в конце февраля 1723 г. Роты эти, согласно документам, получили название Тобольский командированный полк. В полку на службе находились 2 капитана, 2 прапорщика, 8 сержантов, 4 писаря, 8 барабанщиков, 15 капралов, 1 ефрейтор и 500 солдат. Все офицерские должности в полку занимали бывшие шведские военнопленные: капитаны Иван Королевич (Ян Кралевич), Михайло Цей, прапорщики Карл Брант и Иван Утлин. Командовал полком командир 1 роты капитан Ян Кралевич². 25 марта 1723 г. прибыли еще три солдатские и одна гренадерская роты в количестве 550 человек, под командой майора Йоганна Бриксгаузена³. Майор Бриксгаузен, так же из пленных каролинов, стал командиром полка.

Главным документом, регламентировавшим жизнь и службу тобольских солдат в Екатеринбурге, стала составленная Генином инструкция – «Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского главному командиру, которой здесь обретается при батальоне Тобольского полку...»⁴. Согласно этой инструкции, предписывалось содержать солдат «как повелевается Его

Императорского Величества всемилостивейшего нашего монарха военный регламент и артикул». Основной задачей солдат было несение караульной службы в Екатеринбургской крепости и на горных заводах, сопровождение караванов с железом и «денежной казной», пожарная охрана и строительство крепости и завода. Инструкция предписывала «стрелецкое обыкновение весьма скратить». Командир батальона (полка) находился полностью в подчинении Сибирского обер-бергамта.

Тобольский командированный полк имел единообразное обмундирование европейского покроя. Солдаты были одеты в кафтаны сермяжного сукна с васильковыми обшлагами и воротниками, сермяжные камзолы и штаны. Головными уборами были сермяжные с васильковыми отворотами картузы, у гренадер – гренадерские шапки⁵. Обмундирование не строилось при ротах централизовано, а солдаты получали от казны сукно⁶. Снаряжение составляли замшевые портупей, патронные сумы с замшевыми перевязями, у гренадер гренадерские сумки и лядунки, урядники имели «урядничьи лядунки». Вооружены солдаты были фузеями со штыками и палашами московского дела, сержанты алебардами и пистолетами, капралы имели капральские полупики. У каждой роты имелись «знамя с гербами» и фурьерские значки⁷.

Для работы от горного начальства солдатам должны были выдаваться рабочие кафтаны, штаны и обувь. Однако, солдаты получали рабочую одежду не в полном объеме, а нехватка обуви вообще была одной из главных проблем. 1 марта 1723 г. капитан Кралевич доносил Генину: «Сего 723 году по указу Его Императорского Величества откомандированы тобольского полку солдаты на работу для строения изб и полисады, где будет строиться новая крепость, да к четырем капралам бить сваи, а оным солдатам для вышеписанной работы котов и штанов ничего не дадено, а без обуви им быть на работе вельми скучно, потому что босы ноги»⁸.

Тобольский командированный полк находился на строительстве Екатеринбургской крепости до конца июня 1724 г., когда основные работы были закончены⁹. После этого большая часть солдат была возвращена в Тобольск, а в Екатеринбурге осталась одна рота во главе с произведенным в поручики Карлом Брантом. Рота эта стала основой для формирования горнозаводских войск на Урале.

Примечания:

¹ ПСЗРИ СПб, 1830. Т. VI. С. 667 № 3986

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.26. Л. 38

³ Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбургa. Екатеринбург., 2005. С.13

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 20-23 об

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 123

⁶ ГАПК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1. Л. 107

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 123

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.26. Л.44

⁹ Корепанов Н.С. Указ. соч. С.19

Макарий, архимандрит

Послание Новгородского митрополита Иова

За несколько дней до своей блаженной кончины Глава Русской Церкви, святитель Киприан (†1406; пам. 16 сент.), находившийся в тогдашнем подмосковном селе Голеницево, написал прощальную-духовную грамоту. «По отшествии же сего Митрополита и прочие Митрополити Рустии и доньне, преписываючи сию грамоту, повелеуют в преставление свое, во гроб вкладающесея, также прочитати во услышание всем» – читаем в летописи. Таким же образом и его преемник, Митрополит Фотий (†1431; пам. 2 июля), перед своей кончиной написал прощальную грамоту, которая неоднократно публиковалась². Митрополит Иона (†1461; пам. 31 марта), имя которого полагает начало автокефального периода Русской Церкви, перед своей кончиной написал духовную грамоту³. Предполагается, что первоначально святитель Иона написал грамоту в 1453 году⁴, но в ней имеются дополнения «более позднего происхождения»⁵.

Не сохранилась до наших дней «запись прощальная Симона Митрополита в преставленьи его», которая названа в описи Царского архива XVI века, написанная им, очевидно перед кончиной в 1511 году⁶. Митрополит Даниил (1522-1547; †1547) скончался на покое в Иосифо-Волоцком монастыре. В обители в составе рукописной книги сохранилась «Духовная Митрополита Данила собрано от Божественного Писания», написанная им, очевидно, перед кончиной. При погребении Митрополита Макария († 1563; пам. 30 дек.) в Успенском соборе была прочитана прощальная грамота Главы Церкви, в которой почивший Первосвятитель испрашивал у всех

прощение и сам всех прощал и благословлял⁷. Как и первая подобная грамота, принадлежащая Митрополиту Киприану, она была внесена в состав летописи. «В словах завещателей народ видел как бы волю небесную, выражение нравственной зрелости и духовной мудрости»⁸ – отмечает исследователь. Внесение прощальных грамот в летопись свидетельствует также о почитании лиц, их написавших. Писали духовные грамоты в последующее время и Всероссийские Патриархи⁹.

Можно предположить, что епархиальные архиереи в Древней Руси также могли писать подобные духовные-прощальные грамоты, но сохранившиеся об этом сведения относятся к более позднему времени. Архиепископ Вятский Иона (1674-1699) написал перед своей кончиной прощальную грамоту, которая хранилась в Вятском кафедральном соборе¹⁰. Он подчёркивает, что пишет грамоту заранее: «...да еще негли праведными Божиими судьбами, или внезапно смертный час найдет на мя, или сила отъимется от глаголения или память придет во оскудение»¹¹. Автор приводит житийные примеры, как готовились к приходу своего смертного часа святые Василий Великий († 379; пам. 1 янв.) и Иоанн Милостивый († 620; пам. 12 нояб.) и продолжает: «Торжище доспевает к разрешению¹²: аз же не купих елеа во светильник мой, во сретение Жениха Небеснаго»¹³ (Мф. 25, 6).

Современник Вятского иерарха, Новгородский митрополит Иов (1697-1716), также написал грамоту, которая сохранилась среди документов Соловецкого монастыря, который был в его епархиальном ведении. Традиционное начало данной грамоты переходит по своему содержанию во вкладную запись, где автор пишет, как творить его поминовение в обители. Он цитирует молитву, какую необходимо читать, когда будет выниматься частица из просфоры при его поминовении: «„Господи Иисусе Христе Боже наш! Прими жертву сию в пренебесный Твой жертвенник в воню благоухания духовнаго, и помяни душу усопшаго раба твоего, имя рек, и всели его идеже присещает свет лица Твоего“». И по изречении сих словес, абие часть вынимается»¹⁴. Очевидно, подобные грамоты и вклады послал иерарх и по другим монастырям Новгородской епархии.

Митрополит Иов был поставлен на Новгородскую кафедру, будучи взят из Троицких архимандритов. В летописи читаем об этом: «В лето 7205, июня в 6 день, благоволением Божиим и Великаго государя царя и Великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья

России самодержца, повелением и благословением Великого господина Святейшаго кир Адриана, архиепископа Московскаго и всея России и всех Северных стран Патриарха, поставлен и посвящен в Великий Новгород в митрополиты Иов архимандрит Сергиева монастыря»¹⁵. Таким образом, он был рукоположен в 1697 году последним Патриархом Московской Руси – святителем Адрианом (1690-1700). К этому времени Патриарх сам уже сильно страдал недугами, т.к. ещё «21 февраля 1696 г. “на сырной неделе в пяток, Патриарху припала параличная болезнь”»¹⁶.

Епархиальные архиереи в Древней Руси, почувствовав ухудшение своего здоровья, могли также писать по этому поводу грамоты Предстоятелю Церкви. Незадолго перед своей кончиной Новгородский архиепископ Евфимий (†1458; пам. 11 марта) прислал Митрополиту Ионе (†1461; пам. 31 марта) в Москву со своим «службой Федором, свое писание, возвещая... о своей велицей нестерпимей немощи, а прося себе... благословения и прощения»¹⁷. Грамота иерарха не сохранилась, но о ней мы узнаём из ответа, утешительной грамоты Главы Церкви, направленной Новгородскому владыке. Текст начинается словами: «Благословение и прощение...». Вскоре, в 1458 году «преставился архиепископ Новагорода Великаго Еуфимей»¹⁸ – говорится в летописи.

До наших дней сохранились различные письма Новгородскому митрополиту Иову¹⁹, а также его послания к своим современникам²¹. Новгородский владыка страдал различными недугами и поэтому неоднократно хотел уйти на покой в место своего монашеского пострижения, в Троицкую обитель преподобного Сергия Радонежского (†1392; пам. 25 сент.)²⁰. Поэтому в помощь ему был поставлен викарный епископ Ладожский. Отмечается, что митрополит «Иов всегда памятовал о неизбежном часе смертном, как можно судить по письму его, которое он еще задолго до своей кончины писал Святейшему Кир Адриану, архиепископу Московскому и всея России и всех Северных стран Патриарху»²¹.

В рукописи данное письмо имеет предваряющее надписание: «К Патриарху прошение о разрешателной архиерею граммате ради смертнаго часа»²². Начинается оно словами: «Всяк человек о сем весть, яко всяк имать умерети, и по смерти воздати неизмолимый ответ о житии своем»²³. Он говорит: как неизвестно время второго пришествия Христа Спасителя (Лк. 12, 40), так неизвестно и время исхода человека. Ниспосылаемые человеку болезни автор

рассматривает как «видимых вестников смерти». Он отмечает, что такие праведники как Кирилл Александрийский († 444; пам. 9 июня), Арсений Великий († 449 - 450; пам. 8 мая) и авва Агафон не надеялись на свои труды и подвиги, вспоминали «смерть, зело трепетаху»²⁴. Поэтому иерарх обращается с просьбой к Патриарху: «...молю твою архипастырскую, Христоподражательную яже ко всем благость, помиловати мя окаянного и простити, елико в чем и когда аз смиренный пред тобою, яко человек, согреших»²⁵. Он просит прислать разрешительную грамоту, ссылаясь при этом на свои недуги: «И смиренно прошу совершенного ради грехов моих оставления и надежного ко Владыце всех упования, за подписанием святых ти десницы, разрешительней грамоте дароватися; за еже аз убогий и грешный инок Иов многажды обретаюся в тяжком случае болезни, яже ничто ино раждает, точию смерть, ея же лица страшуся, да некогда напрасно²⁶ неготова постигнет мя, но, твоего ради архипастырского премилостиваго разрешения и молитв, возмогу обрести у Всемилосердаго Бога милость и оставление многих грехов моих»²⁷ – заканчивает своё письмо иерарх.

Послание Новгородского архиепископа Евфимия святителю Ионе не сохранилось до наших дней, известен только ответ ему Главы Церкви. Аналогична, как видим, ситуация была и в жизни Новгородского митрополита Иова, но в данном случае да наших дней не сохранился Патриарший ответ ему. В русском переводе Библии читаем: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его» (Притч. 16, 9)²⁸. Божиим Промыслом Новгородский владыка пережил Главу Церкви: Патриарх Адриан почил в 1700 году²⁹, в последний год XVII века, а митрополит Иов – в 1716 году. Вопрос о духовных грамотах епархиальных архиереев и письмах Предстоятелям Церкви не исследовался в историографии. Они свидетельствуют о благочестии их авторов, исторические личности в них предстают простыми людьми в обыденной жизни со своими недугами и скорбями. Они помнили слова диаконского прошения на Литургии и молились: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшнем судищи Христове, просим».

Ниже прилагается послание Новгородского митрополита Иова Патриарху Адриану.

[Л. 246]

К Патриарху прошение о разрешительной

архиерею граммати
ради смертнаго часа.

Великому господину и государю, отцу нашему Святейшему Кир Адриану, архиепископу Московскому и всея России и всех Северных стран Патриарху.

Сын твой и богомолец Иов митрополит, Бога моля и благословения прося, челом бию.

Всяк человек о сем весть, яко всяк имать умрети и по смерти воздати неизмолимый ответ о житии своем, даже и до словесе праздна и до самага безсловеснаго нелепаго помышления. И многажды случается, яко во один час здрав бывает, паки в той же умирает, но онаго дни и часа ведати не можем. И едины умирают на одре лежаще, другия же – спяще; овии – глаголюще, а инии – ядуще; мнози же умирают во гресех, а инии - в добродетелех. Сего ради потребно есть человек[у] на всяк час готову быти ко смерти. О сем Сам Спаситель наш увещавает, глаголя: «И вы будите готовы, яко в онь же час не мните, Сын Человеческий придет» (Лк. 12, [40]). Егда же Господь Бог, судбами Своими, на человека попускает болезнь тяжкую, тогда уже есть видимым вестником смерти, яко пред дверми стоит, уже и пред очима с косою смертною ему показуется, иже есть зело страшна. Страшна есть воистинну смерть и праведным, понеже суд за собою влечет. Ибо праведный, аще и совершенно исправихася к Богу и течение свое добре скончаша, яко святой Кирилл Александрийский и Арсений Великий и авва Агафон, но не уповаша на свои подвиги. И егда воспоминаху смерть, зело трепетаху, не ведяще, аще Бог приял их покаяние и угодны ли их добродетели, зане ин суд Божий, и ин человеческий. А понеже святии тако бояхуся и трепетаху часа последняго, и на своя подвиги и добродетели не уповаша, аз же, грешный инок Иов, [Л. 246 об.] что имам о себе рещи, яко николиже благо что содеях пред Богом, и ничтоже за грехи моя довольная³⁰ сотворих противу правосудию Божию. Судия бо истинен есть и испытлив³², иже ни единыя и малыя черты не оставит, занеже нестерпмый ответ воздати имам.

Сего ради боюся и трепещу, и требую от тебе, имущаго³³ отца моего и архипастыря помощи, прощения и разрешения, да Премилостивый Господь Бог, твоих ради молитв архипастырских благодатию Своею простит тяжкая и лютая моя прегрешения. И паки молю твою архипастырскую, христоподражательную, иже ко всем благость, помиловати мя окаяннаго и простити, елико в чем и когда аз

смиранный пред тобою, яко человек, согреших: словом, делом, помышлением и небрежением, волею или неволею, ведением или неведением. И смиренно прошу совершеннаго ради грехов моих оставления и надежнаго ко Владыце всех упования, за подписанием святых ти десницы, разрешителней грамате дароватимися, за еже аз убогий и грешный инок Иов многажды обретаюся в тяжком случае болезни, иже нечто ино раждает, точию смерть, еяже лица страшуся, да некогда напрасно неготова постигнет мя, но, да твоего ради архипастырскаго премилостиваго разрешения и молитв, возмогу обрести у Всемилосердаго Бога милость и оставление многих

Примечания:

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т.11. С.197.

² Галахов А. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. Т. 1: От начала славяно-русской письменности до Петра I (IX - XVIII стол.). М., 1848. С.163 – 166; Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861. Стб. 792 – 799. Плигузов А.И. Духовная грамота Митрополита Фотия: текстологические заметки//Russian History/Histoire russe. 1997. Vol. 24. №4. С.373 – 374. См. также: Фотий Митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения: Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С.341 – 345.

³ Грамота Первосвятителя неоднократно публиковалась: Абрамович Д.И. Грамота духовная господина преосвященного Ионы, Митрополита Киевскаго и всеа Руси//Библиографическая летопись. Пг., 1917. Ч.3. С.167 – 174; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1987. [Ч. 3] С.649 – 654; Лурье Я.С. Духовное завещание Митрополита Ионы (1452/1453 – 1461)//Памятники культуры. Новые культуры. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1993. М., 1994. С.7 – 14; Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. С.379 - 384.

⁴ Абеленцева В.А. О духовной грамоте Митрополита Ионы в связи с традицией написания духовных грамот Русскими Митрополитами//Церковь в истории России. М., 2003. Вып.5. С.46.

⁵ Абеленцева В.А. О духовной грамоте Митрополита Ионы... С.47.

⁶ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года/Под ред. С.О.Шмидта. М., 1960. С.32: Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции/Подготовка текста и комментарии А.А.Зимины. М., 1978. Ч.2.С. 355.

⁷ ПСРЛ. Т. 13. С.374 – 377; ПСРЛ. Т.29. С.327 - 329. Макарий архимандрит. Архиепископ Ростовский, Ярославский и Устюжский Никандр//Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып.2. С.221 – 235.

⁸ Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление. М., 1871. С.31. См. также: Панич Т.В. Духовные завещания церковных иерархов в житийных памятниках XV – XVII в.//Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013. №3(53). С.102 – 103.

⁹ См.: Поньрко Н.В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание//Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т.39. С.381 – 382.

¹⁰ Каган М.Д. Иона... архиепископ Вятский и Великопермский//Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.). Ч.2: И – О. СПб., 1993. С.88. См.: Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1837. Ч.8. С.14 – 21.

¹¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С.462.

¹² Разрешение – разрешение от чего-либо тягостного (Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1995. Вып.21. С.241).

¹³ Акты юридические... С.463.

¹⁴ Досифей архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч.3. С.259.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1841. Т.3. С.275; Иов митрополит Новгородский, уроженец села Катунки Нижегородской епархии/Автор-составитель А.Н.Рябов. Нижний Новгород, 2008. С.54. О Новгородском иерархе см.: Амвросий иеромонах (Орнатский). История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1. С. 80 – 81; Евгений (Болховитинов) митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С.165 – 166; Доброзраков И., свящ. Нечто к пополнению биографии Новгородского митрополита Иова//Странник. Духовный учено-литературный журнал. СПб., 1861. №10. С.155 – 157; Опись архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук//Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т.1: (1542 – 1721). СПб., 1868. Приложение. Стб. XVII – LXV; Прилежаев Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху//Христианское чтение. СПб., 1877. Ч.1. С.332 – 343; Филарет архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы СПб., 1884. С.267 – 268; Иов, митрополит Новгородский//Русский биографический словарь. Т.: Ибак – Ключарев. СПб., 1897. С.310; Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С.333 - 354; Он же. Иов митрополит Новгородский//Православная богословская энциклопедия. СПб., 1906. Т.7. Стб.226 – 227; Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Т.2: Е – Пле. СПб., 2009. С.53 – 54; Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего

времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С.46 – 48; Лупшов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С.30 – 31, 257 – 259; Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С.204 – 205; Белоброва О.А. Иов (ум. 1716)//Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.). Ч.2: И – О. СПб., 1993. С.85 – 86; Вознесенская И.А. Новгородская школа братьев Лихудов//Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10(20). С.205 – 235; Великий Новгород. История и культура IX – XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С.225; Галкин А.К. Иов//Православная энциклопедия. М., 2010. Т.25. С.295 – 298; Крылов А.О. К истории последней дискуссии латинствующих и грекофилов (митрополит Иов Новгородский, Гавриил Домецкий, иеродиакон Дамакин)//Современные проблемы изучения истории Церкви. Сборник международной конференции МГУ им. М.В.Ломоносова, 7 – 8 ноября 2011 г. М., 2014. С.177 – 185.

¹⁶ Скворцов Г.А. Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. С.195. Глава Церкви писал о своих недугах архиепископу Афанасию Холмогорскому (1682 – 1702): «И когда бывает на аере облаков поступление к дождолитию, тогда уже и по летах старостью снижающихся и в сем приключении паче немоществовахом» (Там же. С.196).

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1: 1334 - 1598. СПб., 1841. С.500. №269. См. также: Абеленцева О.А. Митрополит Иона... С.233.

¹⁸ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С.147.

¹⁹ Макарий архимандрит. Письма Русских государей, Великих князей и других особ к Новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе//Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 3. Смесь. С.123 – 136; Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М., 2005. С.144 - 150.

²⁰ Чистович И.А. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами// Странник. Духовный учено-литературный журнал. СПб., 1861. №2. С.61 – 145. См.: Абрамович Д.И. Софийская библиотека. Вып. 3: Сборники. СПб., 1910. С.141. №1425 – 1427. См. также: Иловайский Д.И. Письмо преосвященного Иова, митрополита Новгородского, к архимандриту Феодосию//Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т.1. С.153 – 159; Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского... С.246 – 247.

²¹ Кафедра Новгородских святителей (со времени введения христианства в Новгороде в 992 г. до настоящего времени). Жития, сведения и биографические очерки в 3 томах. Т.2: 1576 – 1900 гг. Великий Новгород, 2011. С.1116.

²² Кафедра Новгородских святителей (со времени введения христианства в Новгороде в 992 г. до настоящего времени)... С.1117.

²³ РНБ. Соф. №1427. Л.246.

²⁴ Чистович И.А. Новгородский митрополит Иов... С. 132; Кафедра Новгородских святителей (со времени введения христианства в Новгороде в 992 г. до настоящего времени)... С. 117. Неизмолимый – неотвратимый, беспощадный (Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1986. Вып.11. С.130).

²⁵ Чистович И.А. Новгородский митрополит Иов... С.133.

²⁶ Там же.

²⁷ Напрасно – внезапно, вдруг, неожиданно (Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1983. Вып.10. С.192).

²⁸ Чистович И.А. Новгородский митрополит Иов... С. 133.

²⁹ В разговорном обиходе известно аналогичное по смыслу выражение: «Человек предполагает, а Господь располагает» (Душенко К. Большой словарь цитат и крылатых выражений. М., 2011. С. 900. №501; Даль В. Пословицы русского народа. М., 1994. Т.1. С.56).

³⁰ Перед началом отпевания Патриарха Адриана его архидиакон Иона встал рядом с гробом Главы Церкви в Успенском соборе и «прочитал вслух духовное его завещание» (Николаевский П.. прот. Исторические заметки. I. Архидиакон Московского Патриарха Адриана//Христианское чтение. СПб., 1891. Ч.1. С.518).

³¹ Довольный – достаточный, значительный (Словарь русского языка XVI – XVII вв. М., 1977. Вып.4. С 279).

³² Испытне – тщательно, взыскательно (Словарь русского языка XVI – XVII вв. М., 1979. Вып.6. С.304) Испытлив – тщателен, взыскателен.

³³ Имущий – богатый, зажиточный, имеющий (Старчевский А.В. Словарь древнего славянского языка. СПб., 1899. С 284).

Макаров Лев Николаевич

Богословско-Сосьвинская железная дорога

В 1870-х годах в России начинает бурно развиваться железнодорожный транспорт, как ширококолейный, так и узкоколейный. На многих железных дорогах России узкоколейные дороги чаще использовались как второстепенные. Начало постройки дорог второстепенного значения в России относится к 1870-1872 гг. Для постройки узкоколейных железных дорог до 1892 года не существовало никаких правил; колея и габарит выбирались строителем произвольно. Поэтому русские узкоколейные железные дороги появи-

лись с шириной колеи: 1067, 1000, 914, 900, 884, 875, 814, 800, 750, 630 и 600 мм. Вагоны узкой колеи строились двух-, трех- и четырехосные различной подъемной силы, несоизмеримой с грузоподъемностью вагонов нормальной колеи.

Богословско-Сосьвинская узкоколейная железная дорога являлась первой железной дорогой на Северном Урале. Изначально она была предназначена для доставки руды от Турьинских рудников (г.Краснотурьинск) до Богословского завода (г.Карпинск). А начиналась она с неброской узкоколейки. Главноуправляющий Богословским горным округом Александр Андреевич Ауэрбах строил железную дорогу в два этапа. До постройки железной дороги добытая медная руда из Турьинских рудников на Богословский завод перевозилась гужом, т.е. на телегах, запряженных лошадьми, по дороге длиной в 19 верст (около 20 км).

Работая консультантом, еще в 1880 году Ауэрбах внедрил на Богословском медеплавильном заводе оригинальный процесс бессемерования медных штейнов, что позволило сократить процесс производства меди с шести суток до одного дня, чем уменьшилась себестоимость производства пуда меди. Также Ауэрбах ввел на Богословском медеплавильном заводе сдельную оплату труда вместо существовавшей тогда поденной. Эта мера довольно скоро дала свои положительные результаты. В 1881 году выплавку меди довели до 58,4 тыс. пудов, зарплата плавильщикам поднялась до полутора рублей в смену, против 45 копеек раньше.

Когда добыча медной руды возросла, конные возчики уже не справлялись с перевозкой большого количества руды. Тогда у Александра Андреевича Ауэрбаха созрела идея построить узкоколейную железную дорогу. Ауэрбах обратился с предложением к Опекунскому управлению (в ведении которого был тогда Богословский завод), но не получив поддержки, договорился о проекте постройки дороги. Постройка железной дороги сулила большую выгоду при довольно умеренных затратах, так как перевозка руды железнодорожным транспортом до источника сбыта была менее затратна, чем перевозка гужевым транспортом. Летом 1882 года были проведены все топографические работы на местности, выбрана трасса будущей железной дороги от Турьинских рудников до Богословска. Расстояние составило 16 верст, что было на 3 версты короче гужевой дороги.

Первый этап строительства от Богословска (Карпинска) до Турьинских рудников был начат в 1882 году. Были проведены подготовительные работы: топографические съемки, отсыпка железнодорожного полотна, укладка рельс. На балласт для пути использовались шлаки от рудной плавки. Шлак был в виде больших кусков и разбивка шлаков на мелкие куски обходилась дорого. Кроме того, битый шлак трудно подбивался под шпалы, резал их. Ауэрбах сконструировал устройство для дробления шлака водой. Затем применил дернение откосов у насыпей. Для удешевления строительства первоначально укладывались легкие 18-фунтовые рельсы.

Для строительства железной дороги нужны были деньги, которых у Ауэрбаха, как главноуправляющего, не было. Тогда было принято решение выплавленную за лето медь продать, а полученные от продажи средства вложить в постройку узкоколейной железной дороги. Все лето 1883 года, к удивлению и недовольству богословских жителей, медеплавильный завод дымил. Виною недовольства было отчасти вредное влияние на растительность сернистых газов, отделяющихся при обжигании медных руд и купферштейна (первого продукта медной плавки). Были использованы все запасы руды, заготовленные заводом на осень. Непрерывно обозы телег, груженных медью, по Богословскому тракту доставляли её до Кушвы, из Кушвы по железной дороге в Пермь и затем водой в Нижний Новгород, где медь сдавалась покупателю.

От продажи выплавленной меди удалось получить сумму в 110 тысяч рублей чистой прибыли – как раз столько нужно было на строительство дороги и приобретение подвижного состава. На Пермском сталепушечном заводе были куплены два паровоза. Но, так как Пермский сталепушечный завод не выпускал паровозов, то, скорее всего, были приобретены уже использовавшиеся на этом заводе локомотивы. Пермским заводом были приобретены новые паровозы, более мощные, а Богословскому медеплавильному заводу проданы бывшие уже в эксплуатации, по низкой цене. Так были сэкономлены средства на строительство дороги. Для строящейся железной дороги также приобрели рудовозные вагоны и платформы.

Осенью 1883 года над тайгой пронзительно засвистели паровозные гудки – узкоколейная железная дорога вступила в строй. Это была первая железная дорога на восточном склоне Северного Урала. Первый участок узкоколейной железной дороги (Богословский завод-

Турьинские рудники) имел ширину колеи 875 мм. В самом Богословске было построено паровозное депо и поворотный круг для разворота паровозов.

Турьинские рудники представляли собой сеть медных рудников, расположенных в одном районе, практически рядом друг с другом. Железная дорога проходила от Богословска до Богословского рудника, от которого в разных направлениях отходили построенные вспомогательные ветки. Расстояния между пунктами построенной железной дороги были следующие: от Богословска до разъезда №1 – около 5 верст, от разъезда №1 до разъезда №2 – 3 версты, от разъезда №2 до разъезда №3 (Богословский рудник) – 4 версты. Разъездами назывались пункты, где паровозы заправлялись водой и пополняли запас дров. Общая протяженность дороги составляла около 12 верст. От Богословского рудника отходили две железнодорожные ветки: одна от Богословского рудника до Фроловского рудника – протяженность около 3 верст, другая от Богословского рудника до Башмаковского рудника – расстоянием менее 1 версты. Общая протяженность всех ветвей и самой железной дороги составляла около 16 верст. Железная дорога на то время еще не имела своего названия. Главное ее назначение – доставка руды и перевозка материалов между Богословским заводом и Турьинскими рудниками.

Вскоре построенную дорогу модернизировали: заменили легкие 18-фунтовые рельсы на более тяжелые, сторожевые будки по всей линии, казарму для ремонтной артели. В Германии закупили два паровоза, изготовленных на заводе в городе Карлсруэ. Обзавелись также 30 рудовозными вагонами, 13 платформами и 2 пассажирскими вагонами.

Основными преимуществами узкоколейных железных дорог являлись легкость, быстрота и дешевизна постройки пути вследствие уменьшения объема земляных и строительных работ, уменьшение капитальных затрат на вспомогательные устройства и более низкая стоимость ремонта и эксплуатации. Легкость верхнего строения пути и рельсов требует, чтобы подвижной состав, предназначенный для эксплуатации на этих дорогах, имел сравнительно небольшие нагрузки от колесных пар на рельсы.

Первый паровозный парк железной дороги состоял из двух- и трехосных маломощных паровозов: танк-паровозов серии «А» и паровозов серии «В» немецкого производства на дровяном отоплении. Двухосные маломощные танк-паровозы серии «А» использовались в

основном на внутризаводских перевозках, а более мощные трехосные серии «В» перевозили различные материалы, руду между Богословским заводом и рудниками. Позже были приобретены рудовозные вагоны и платформы. Грузовые поезда состояли обычно из 7-8 деревянных двухосных вагонов грузоподъемностью 5 тонн каждый.

«Локомотивы с простой двухцилиндровой машиной, но колеи 875 мм, завод Карлсруэ построил в 1884 году (заводские номера 1107 и 1108) и в 1888 году (заводской номер 1109) для Богословско-Сосьвинской железной дороги, где они были обозначены серией А (соответственно А.1-А.3, в порядке возрастания номера завода-изготовителя). Паровозы серии А или, как их еще называли «германские кукушки» использовались для внутризаводских перевозок. Согласно документам советского периода ширина колеи Богословско-Сосьвинской дороги была изменена (883 мм), но паровозы А.1-А.7 исправно трудились до середины тридцатых годов, правда, рабочее давление пара в котлах было снижено с 10 до 8 атмосфер. Паровозы серии А продолжали использоваться на Надеждинском металлургическом заводе еще в конце пятидесятых годов. Небольшая высота этих локомотивов (2500 мм) позволяла применять их в тоннеле доменного цеха для вывозки шлака в отвал. Паровую тягу на узкой колее Серовского завода закрыли в 1961 году, тогда же были списаны последние паровозы. Наряду с двухосными танк-паровозами на Богословско-Сосьвинской железной дороге эксплуатировались более мощные трехосные паровозы с прицепными двухосными тендерами серии В. Первая партия, В.1-В.3, постройки 1887 года, имела заводские номера 1173-1175. В дальнейшем эти паровозы продолжали поступать на дорогу: В.4, постройки 1889 года (заводской номер 1251); В.5, постройки 1892 года (заводской номер 1321); В.6, постройки 1894 года (заводской номер 1365); В.7 (заводской номер 1418) и В.8, постройки 1896 года; В.9, постройки 1898 года (заводской номер 1496); В.11, постройки 1903 года (заводской номер 1648); В.12-В.14, построенные в 1904 году с заводскими номерами 1660-1662. Паровозы серии В ввели тяжелые товарные поезда от заводских копей к цехам. В 1932 году на путях железнодорожного цеха Надеждинского завода продолжало работать четыре паровоза данной серии. Котел паровоза В.1 в 1961 году был списан в котельной города Карпинска (бывший поселок Ауэрбах.)»

(Москалев Л., Наши узкоколейные паровозы, Железнодорожное дело, Москва, 1997).

23 марта 1886 года Александр Андреевич Ауэрбах предложил А.А.Половцову продолжить строительство узкоколейной железной дороги от Турьинских рудников до села Филькино на реке Сосьве, что, по словам Ауэрбаха, способствовало бы дальнейшему развитию не только медного дела, но и новых производств. Путь был несравненно короче, чем гужевая дорога до Кушвы, да и намного выгоднее: дешевизна водных сообщений и независимость от состояния грунтовых дорог. Водным путем можно было бы доставлять хлеб в село Филькино с различных Сибирских пристаней.

Необходимость строительства дороги, возникла и раньше. В Верхотурском земском собрании еще в 1872 году было предложено построить за счет земства дорогу от Турьинских рудников через Еловское зимовье до судоходного пункта на реке Сосьве, на протяжении 38 верст, с ассигнованием на то до 4 тысяч рублей. Но, однако, эти планы так и остались не осуществлёнными. Дорога необходима была для доставки продовольствия в Турьинские рудники, в частности хлеба.

Получив согласие Половцова, Ауэрбах приступил к строительству железной дороги. Второй этап строительства начинался от Турьинских рудников и заканчивался у села Филькино. К концу 1886 года узкоколейную дорогу от Турьинских рудников продлили на 38 верст до расположенного на реке Сосьве села Филькино. Железная дорога получила название Богословско-Сосьвинской, общая протяженность ее составила 54 версты. Ширина колеи Богословско-Сосьвинской железной дороги при постройке была принята равной 875 мм, такое значение приводится во всех документах до середины 20-х годов прошлого века. В дальнейшем указывается уже другая цифра – 883 мм, причины такого изменения остаются неясными.

В названии дороги подразумевалась река Сосьва, а не поселок Сосьва, который расположен почти на 86 верст дальше по течению реки. Первым управляющим Богословско-Сосьвинской железной дорогой был инженер путей сообщений Павел Юлианович Майер, заведующим материальной частью дороги – поручик запаса Федор Андреевич Ауэрбах, родной брат А.А.Ауэрбаха.

Постройка Богословско-Сосьвинской железной дороги заставила А.А.Ауэрбаха учредить собственное пароходство. Южнее села Филькино, на реке Сосьве Ауэрбах построил большую пристань,

закупил пароходы и баржи. С этого времени через село Филькино стали вывозить медь на продажу и завозить хлеб из Сибири. Позднее было построено еще две пристани: Черноярская и Нижняя. Теперь вся продукция округа водным путем отправлялась в Сибирь, а перегруженная в Тюмени на железную дорогу, доставлялась в европейскую часть России. Собственное пароходство позволило в обмен на свою продукцию обеспечить поставки в округ продовольствия, в частности хлеба из Сибири.

В 1886 году для сосредоточения в одном месте управления округом Ауэрбах Главную контору из Турьинских рудников перевел в Богословск. Для конторы построили двухэтажное каменное здание, в последующем в этом здании разместилось Управление Богословского горного округа.

В 1893 году А.А Ауэрбах приступает к постройке на реке Какве чугуноплавильного и сталерельсового завода, призванного поставлять рельсы на строящуюся в то время Транссибирскую магистраль – Великую Сибирскую железную дорогу. Завод был назван в честь жены А.А.Половцова Надежды Михайловны – Надеждинским. Место для постройки завода было выбрано лишь в сентябре 1893 года. Наиболее удобным оказалось место близ реки Каквы - в 9 верстах от ее устья и в 3,5 верстах от линии Богословско-Сосьвинской железной дороги. От разъезда Кола к Надеждинскому заводу имелось ответвление железной дороги длиной около 3,5 верст, проложенное для доставки строительных материалов на завод. Вот как это звучало в Докладной записке управляющего Богословским горным округом горного инженера П.Н.Фигнера Верхотурскому уездному земскому собранию от 14 апреля 1894 года: «Местом для рельсового завода выбран юго-восточный участок Богословской дачи в одной версте от реки Каквы и девяти верстах от впадения ее в Сосьву, а от линии Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги в 3,5 верстах. Причем ветвь, соединяющая будущий сталерельсовый завод с главной конторой, выходит на восьмую версту, считая от Филькинской пристани на реке Сосьве. Таким образом, вновь проектируемый завод, названный в честь владелицы Надеждинским, будет отстоять от судоходной и сплавной реки Сосьвы на 11,5 верст по железной дороге».

29 апреля 1893 года 49-летнему Александру Андреевичу вручили документ об «увольнении от службы с мундиром и пенсией». Увольнение из Главного горного управления и выход на пенсию не

означали, однако, окончания трудовой деятельности Александра Андреевича. Напротив, он продолжал активно работать, поражая сослуживцев и знакомых неумемной энергией, творческим задором, организаторскими способностями.

На геогностической и гипсометрической карте Богословского Горного округа составленной профессором Евграфом Степановичем Федоровым и горным инженером В.В.Никитиным 1894-1898 г.г. Богословско-Сосьвинская железная дорога и разъезды на ней располагались следующим образом (продолжая уже имеющиеся):

- от Богословска на 25-й версте разъезд №4,
- на 32-й версте разъезд №5,
- на 39-й версте разъезд №6,
- на 45-й версте разъезд №7,
- на 48-й версте разъезд Кола,
- на 54-й версте станция Филькино,
- на 56-й версте Филькинская пристань.

Название разъездов по номерам объясняется просто, при постройке те или иные места нахождения различных сооружений (остановки для набора воды или технического осмотра или обгона) получили номерные значения (разъездов) начиная от Богословска, потом позже некоторые получили названия.

В 1896 году Управляющим Богословско-Сосьвинской железной дорогой, после ухода Павла Юлиановича Майера, становится родной брат Александра Андреевича Азурбаха – инженер Федор Андреевич Ауэрбах, до этого служивший на различных должностях Богословско-Сосьвинской железной дороги.

Впоследствии Богословско-Сосьвинская железная дорога была неоднократно перестроена, к ней были присоединены различные ветви, подъездные пути, дорога имела довольно большую разветвленную сеть. Часть железной дороги проходила около северной окраины поселка Надеждинского завода.

Что железная дорога немыслима без сигналов, стало ясно давно. Первым появился духовой рожок, в который трубил едущий впереди поезда всадник. Кроме того, к моменту прихода поезда вдоль пути на расстоянии видимости располагались сторожа, которые подавали приближающемуся поезду сигналы: днем цветными флажками, а ночью фонарями. Потом рожок дали машинисту. Впоследствии силу легких человека заменил пар: на паровозе установили свисток. Вместо сигнальных сторожей были поставлены первые постоянные сигналы –

столбы с шарами или с красными дощечками наверху. Если машинист видел поднятый шар или торец дощечки, он знал, что путь свободен. При занятом пути шар опускался, а столб с дощечкой поворачивался вокруг своей оси и машинист видел ее лицевую сторону, выкрашенную в красный цвет.

Шло время. Усложнились условия движения поездов и маневровой работы. С 1885 года в России был введен единый Устав железных дорог. Однако на разных дорогах долго еще действовали свои Правила технической эксплуатации, Инструкции по сигнализации и по движению поездов.

В Правилах по сигнализации от 1912 года говорилось: «Все изложенное в настоящих Правилах имеет обязательное значение для служащих дороги на всей линии с ветвями. Неграмотным настоящие Правила должны быть прочитаны и разъяснены ближайшими начальниками их до полного усвоения».

Общие положения: «Во всякое время дня и ночи на железных дорогах в отношении сигналов должны быть соблюдены все меры предосторожности, как бы в ожидании поезда... За неисполнение требований, заявленных сигналами, за неправильное действие ими или за неупотребление их в случае надобности, виновные подвергаются дисциплинарным взысканиям, а в более важных случаях судебной ответственности. Незнанием сигналов никто из служащих, получивших Правила сигнализации, не может отговариваться!»

Поездные указательные сигналы. Вот как здесь сказано о прожекторе: «Если паровоз ведет товарный поезд, то верхний американский фонарь не зажигается!» И еще целый набор анахронизмов...

Сигналы, подаваемые при отправлении и движении поездов: «Машинисту могут быть поданы сигналы остановки или уменьшения скорости хода из вагонов поезда.. Сигналы эти следующие:

1. Сигналы остановки – свисток паровоза, приведенный в действие сигнальной веревкой...

2. Сигналы уменьшения скорости – зеленый флаг днем и фонарь с зеленым огнем ночью, показываемый с поезда. Так как при разрыве поезда на той его части, где протянута сигнальная веревка, на паровозе будет приведен в действие свисток, то машинист при всяком таком свистке, прежде чем останавливать поезд, обязан убедиться, не получился ли свисток вследствие разрыва поезда».

Сигнальная веревка служила для того, чтобы возможно было из вагона остановить поезд в пути при сходе с рельс вагона, или в случай пожара в одном из таковых, каждый поезд снабжается для этой цели сигнальною веревкою, которая привязывается одним концом к крану паровозного свистка, а затем подвешивается свободно на особых крюках вдоль всех вагонов до концевого, на котором второй конец веревки закрепляется на задней тормозной площадке. На товарных поездах второй конец сигнальной веревки привязывается к площадке первого тормозного вагона.

Для остановки поезда сигнальная веревка вытягивается с одной из тормозных площадок до тех пор, пока не услышит паровозный свисток. Сигнальная веревка имеет особенно большое значение в товарных поездах, так как в пассажирских поездах имеются, кроме нее, автоматические тормоза, действующие сжатым воздухом.

Кроме сигнала остановки поезда вытяжкою сигнальной веревки от паровозного свистка, кондуктор обязан для этой же цели махать из окна или с площадки вагона, днем красным флагом сверху вниз, а вечером фонарем с красным огнем, по направлению к паровозу с правой стороны поезда.

В пассажирских поездах, кроме ручных тормозов применяются автоматические тормоза (действующие сжатым воздухом), причем торможение поезда обыкновенно производится с паровоза, но в случае необходимости, может быть произведено, как выше указано, из каждого вагона, посредством запломбированной тормозной рукоятки; сигнальная веревка применяется, но только на случай возможной порчи автоматического тормоза» (Зеесть В.А. Сигнализация и блокировка железных дорог. Предварительные понятия и основная сигнализация. С-Пб, 1906) Позже в 20-е годы прошлого столетия поезда стали длиннее и от сигнальной веревки пришлось отказаться.

С 1905 года дорога начинает прирастать новыми участками. Была построена линия протяжением в 31 версту (33 км) от станции Шахта до станции Вагран (Старые Бокситы) к Васильевскому медному руднику и Волчанской буроугольной копи (в дальнейшем продолженная до Покровского железного рудника) и ветка на Воронцовский железный рудник длиной 8 верст. Помимо названных предприятий, подъездные пути к железной дороге имели также Богословские угольные копи, Ауэрбаховский железный рудник, Черноярская дровяная пристань, Каквинские и Григорьевские углевыжигательные печи, лесопилки на реке Сосьве.

Важное значение для экономики района имело начавшееся в первые годы XX века строительство Богословской железной дороги от станции Гороблагодатская до Надеждинского завода, крупного металлургического центра Урала, возникшего в 1893-1894 годах. Начато строительство Богословской железной дороги в 1904 году акционерным обществом Богословских заводов при субсидии правительства. Постройка дороги открыла еще ни кем не освоенные богатые лесные массивы Верхотурского уезда для широкой эксплуатации. Дорога строилась ширококолейной, как и по всей России, шириной 1524 мм. В декабре 1904 года было открыто временное движение, а в 1906 году сдана в постоянную эксплуатацию Богословская железная дорога от станции Гороблагодатская до Надеждинска (Серов).

«В 1907 году изготовили два паровоза типа 105 (К.15-16). В 1909 году Коломенский завод выпустил еще два паровоза для Богословской узкоколейки такого же типа, но с четырехосными тендерами значительно большей вместимости (К.17-18). Мощность паровозов второго выпуска была несколько меньше. В дальнейшем Коломенский завод возвращался к строительству паровозов типа 105 с четырехосным тендером. В 1912 году был построен один паровоз (К.22), в 1913 году три паровоза (К.19-21). На последних двух паровозах, К25 и К26, постройки 1915-1916 годов диаметр цилиндров был увеличен до 400 мм (против 360 мм), а ход поршня до 550 мм (против 518 мм у предыдущих типов). После революции паровозы получили новое обозначение, Кл и работали на колее 883 мм в депо Надеждинск (5 машин) и Гора Высокая (5 машин) железной дороги им.Кагановича. Последние два паровоза Кл-60 (постройки 1913 года) и Кл-62 (постройки 1916 года) были списаны в 1961 году на Ново-Тагильском металлургическом заводе. В 1907 году Коломенский завод приступил к постройке мощных четырехосных паровозов колеи 785 мм типа 105 для Богословской узкоколейной железной дороги на Урале. До указанного времени дорогу обслуживали паровозы германского завода Карлсруэ и им подобные, изготовленные в 1897-1904 годах. Новые паровозы, способные развивать силу тяги более 4900 кг, по своей конструкции явились дальнейшим усилением типа 0-4-0 с прицепным тендером, спроектированным на Коломенском заводе. В отличие от паровозов типа 63, локомотивы типа 105 имели внутреннюю раму, диаметр ведущих колес был увеличен до 900 мм»

(Л.Москалев, Наши узкоколейные паровозы. Москва, Железнодорожное дело, 1997)

В 1910 году Коломенский завод начал выпуск паровозов серии Ы, которые впоследствии работали на Надеждинском металлургическом заводе.

К 1910 году протяжение линий Богословско-Сосьвинской железной дороги составляло уже 141 версту (вместе с подъездными путями – 203 версты), за 1906 год по ней было перевезено 882800 т различных грузов (при грузообороте 20411500 ткм); чистый доход дороги составил 363 тыс. руб.. Как отмечалось в литературе тех лет, перевозка грузов по Богословско-Сосьвинской железной дороге, по сравнению с гужевым транспортом, давала ежегодную экономию предприятиям Богословского округа в 400-700 тыс. руб. и не будь этой дороги, они вообще не имели бы прибыли от своей работы.

В состав Богословско-Сосьвинской железной дороги входили технические службы: управления, движения, путей и сооружений, подвижного состава и тяги. Общее управление (главная контора) состояло из следующих отделов:

а) техническо-хозяйственного – ведал всеми возникающими делами, а также заготовкой материалов;

б) счетного (общая бухгалтерия) – вел учет расходов, сборов и доходов, проводил расчеты с подрядчиками, поставщиками, различными службами;

в) движения – издавал распоряжения по назначению поездов, учету станций по отправкам грузов, составлял статистику, этим отделом руководил старший ревизор движения, который вместе с тем являлся начальником для всех линейных служащих движения;

г) канцелярии – вела переписку с различными учреждениями.

Начальникам станций, полустанций и разъездов подчинялись находящиеся на данной станции агенты по движению – составители, сцепщики, весовщики, конторщики, сторожа, кондуктора, телеграфисты. В свою очередь начальники станций и все подведомственные им агенты непосредственно подчинялись ревизору движения. В ведении начальника главных мастерских находились работники депо, водокачек, паровозные бригады, смазчики, истопники, осмотрщики вагонов, заведующие материальными складами.

В 1913 году строится железная дорога от станции Филькино до посёлка Сосьвинского чугуноплавильного завода. По этой линии

предполагалось перевозить в основном лес, зерно, сено, а также чугун и железо с Сосьвинского чугунолитейного завода. Первая мировая война и последующие за ней события в истории нашей страны существенно замедлили строительные работы. В конечном итоге, участок от станции Филькино до Сотрино был открыт для движения поездов в 1918 году, а от Сотрино до Сосьвы - в ноябре 1922 года. Впрочем, ввиду крайней производственной необходимости, перевозка грузов по всей линии, хотя и с большими трудностями, осуществлялась еще с 1920 года.

Число отдельных пунктов Богословско-Сосьвинской ж.д. не было постоянным, менялись и их наименования. В расписании 1913 года на участке между Богословском и Надеждинском значились, к примеру, разъезд Полуденка, станция Шахта, Ауэрбаховский рудник, разъезды №№ 4-7; в инвентарной описи 1925 года дополнительно указан разъезд Воронцовский.

В 1913-1915 годах по заказу Саруханово-Куринского Общества подъездных путей Коломенский завод построил шесть танк-паровозов колеи 900 мм, типа 0-3-1. Эти паровозы, обозначенные серией Ып, имели сцепной вес 31,255 тонн и развивали силу тяги 6035 кг. Четыре паровоза работали до 40-х годов XX века на Богословско-Сосьвинской дороге на колее 883 мм. Здесь они были обозначены серией Шкп(Щкп.27-30). В документах службы тяги дороги эти паровозы отмечаются как конструктивно наиболее подходящие по мощности и экономичности.

Паровозный парк Богословско-Сосьвинской железной дороги был чрезвычайно разнообразен, состоял из паровозов разных серий. В период с 1891 по 1914 годы акционерным обществом «Артур Коппель» было поставлено в Россию более 250 двух- и трехосных танк-паровозов колеи 500-1160 мм. Зачастую это были паровозы, приобретенные у других локомотивостроительных заводов (Краусс, Юнг, Ганомаг, Портер и прочие). Ряд паровозов завода Оренштейн и Коппель использовался на Богословско-Сосьвинской железной дороге на колее 875 мм, позднее – 883 мм. На Богословско-Сосьвинской дороге также работали шесть трехосных паровозов завода Оренштейн и Коппель, постройки 1914 года (заводские номера 7233-7238). Кроме того, на Богословско-Сосьвинской железной дороге использовались два паровоза типа 0-4-0, мощностью 230 л.с., весом 32 тонны, с прицепными тендерами, весом 21,5 тонны, на двух двухосных тележках. Эти паровозы постройки 1914 года имели заводские номера

7133 и 7134, и были обозначены на дороге как №№23-24, а затем как Ак23 и Ак24. Наряду с упоминавшимися локомотивами для Богословско-Сосьвинской железной дороги колеи 875 мм в 1895 году были изготовлены танк-паровозы типа 0-2-0 серии С(С.1-3), несколько меньшей мощности. До 1953 года на заводе «Спецсталь» в г.Серове проработал паровоз №139 колеи 883 мм, мощностью 113 л.с.

В 1915 году для использования железных руд Самского рудника, а также в дальнейшем рудных и лесных богатств северного района, начали строить ширококолейную железную дорогу. Она должна была соединить район с намечавшейся в то время Обь-Беломорской железной дорогой. Ветка шла из Надеждинска на север по реке Сосьве. На ее возведении использовали труд военнопленных. Железнодорожная ветка широкой колеи от Надеждинского завода до станции Сама получила наименование Самская железная дорога. Вчерне постройка железной дороги закончена была в 1916 году со множеством недоделок и отклонений от начального проекта. Самская железная дорога имела по проекту длину в 77 верст до Самского рудника и проходила через такие населенные пункты как Марсята, Андриановичи, но использовалось только до 54 версты, на которой находился Марсятский рудник. В 1915 году Богословско-Сосьвинская узкоколейная железная дорога от Турьинских рудников была продлена на север до Покровска к месту залежей железной руды.

В августе 1917 года Богословское Горнозаводское Общество заключило договор с Семеном Абрамовичем Азарновым о производстве земляных работ на Самской железной дороге для подъездных путей от реки Межевой до Самского рудника. Азарнову Управлением общества на время действия договора бесплатно предоставлялись военнопленные в количестве около 550 человек, вагоны, платформы и паровозы. Причем как вагоны и платформы, так и паровозы должны были по окончании работ возвращены Управлению в исправном виде. По истечении срока договора, с 15 октября 1917 года подрядчик должен был прекратить производимые им работы и передать военнопленных и инвентарь Управлению.

Дорога продолжала еще строиться почти до конца 1917 года. 2 января 1918 года Богословский Горный Округ ликвидирует отношения с подрядчиком Азарновым и поручает Главному Лесничему срочно принять военнопленных, лошадей, нарубленные дрова; Конторе подъездных путей поручается принять железнодорожный инвентарь; Продовольственному Отделу принять

соответствующие продовольственные материалы. Вопрос о дальнейшей постройке Самской железной дороги хозяйственным способом решено было оставить открытым впредь до выяснения срочной надобности в руде Самского рудника.

Управление округа в начале 1918 года било тревогу: «Тяжелое положение Богословского Округа в финансовом и продовольственном отношениях заставляют свести к возможному минимуму все производящиеся в округе новые постройки. В виду этого, немедленно должны быть сокращены до возможных пределов все работы по окончанию постройки Самской ж.д., тем более, что вследствие сокращенной деятельности Надеждинского завода, потребность в Самской руде может возникнуть не ранее чем через год. Самская ж.д. имеет единственной задачей вывоз лесных материалов на основании заданий Лесничества. Поэтому все работы на Самской дороге должны преследовать как эту задачу, так равно и поддержание уже отстроенной части дороги в состоянии, позволяющем возобновить прерванную постройку в тот момент, когда это будет признано необходимым. В виду указанного сокращения работы и в интересах самого дела Контора по постройке подъездных путей закрывается и штат конторы, делопроизводство, производимые в настоящее время работы передаются в ведение Конторы по постройке Самской ж.д. под общим руководством инженера Я.Я.Клавенек и на основании указаний данных инженеру Клавенек Комиссариатом Округа».

В июне 1919 года ввиду открытия движения поездов на Самской железной дороге Управляющий дорожно инженер Кучкин требует от служб движения, тяги и пути Богословско-Сосьвинской ж.д. и по постройке Самского ширококолейного подъездного пути строгого исполнению приказа по дороге от 3 ноября 1916 года за №24 «Правила о сигналах на разъезде Кола при прохождении поездов на пересечении Самского подъездного пути и узкоколейной линии Богословско-Сосьвинской железной дороги:

«Строящийся ширококолейный подъездной путь к Самскому руднику на разъезде Кола Богословско-Сосьвинской ж.д. пересекает узкоколейный путь (идуший к станции Филькино). Ввиду предстоящего открытия по вновь строящемуся ширококолейному пути движения рабочих поездов, с получением сего устанавливаются до особого распоряжения следующие правила движения этих поездов: на разъезде Кола Богословско-Сосьвинской железной дороги у

пересечения с обеих сторон вдоль ширококолейного пути, не доходя до пересечения, установлены поворотные красные диски, щиты которые с одной стороны окрашены в красный цвет с белым кругом, а с другой – белый цвет с черным кругом. Причем, если диск закрыт, т.е. щитом поставлен поперек пути, то со стороны подходящего по широкой колее к пересечению поезда днем виден красный цвет, а ночью красный огонь и означает немедленную остановку поезда или паровоза и запрещение следовать через пересечение. С обратной стороны в это время днем виден белый цвет и ночью зеленый огонь; если диск открыт, т.е. щит поставлен вдоль пути, то для подходящих к пересечению поездов диск днем виден в виде прямой линии, а ночью зеленый огонь означает разрешение поезду или паровозу следовать через пересечение, с обратной стороны в это время виден красный огонь. Одновременно может быть открыт только один диск. Всякое движение ширококолейных поездов и паровозов на пересечении с узкой колеей должно быть прекращено за 15 минут до прибытия на Кола узкоколейных поездов. На дежурных по разъезду Кола возлагается следующие обязанности: следить за движением ширококолейных паровозов, пропускать таковые по пересечению, лично вручая машинистам разрешительные бланки, строго придерживаясь настоящего приказа, в особенности по отношению поездов со стороны Надеждинска. Настоящий приказ должен вручаться под расписку смотрителям станций и разъездов, кондукторским и паровозным бригадам Богословско-Сосьвинской жел. дор. и Самского подъездного пути, агентам, дежурящим по движению на Богословско-Сосьвинской жел. дор., а также вывешен в дежурных помещениях кондукторских и паровозных бригад обоих дорог».

Впоследствии Самская железная дорога несколько раз достраивалась, пока в 1920-х годах не вступила в действие. Строительство железной дороги продолжалось, затем прекращалось и вновь возобновлялось. Строители перемещали различное оборудование с одного участка на другой. То тут, то там возникала необходимость в них. Снимались рельсы с одного участка железной дороги и ложились на другой.

Самская железная дорога входила в состав Богословско-Сосьвинской железной дороги и служила для перевозки марганцевой руды, глины, сена, дров. 12 августа 1920 года в эксплуатацию было принято 57 верст дороги до станции Марсята. С 1 ноября 1921 года

Самская железная дорога существует как отдельное предприятие Богословского горного треста. До 1 ноября 1921 года она представляла собой Самскую железнодорожную ветку 3-го Богословского участка Уралтопветстроя.

Согласно постановления Райправления и приказа №10 от 1-го ноября 1921 года заведующим постройкой Самской ж.д. был назначен Икингрин. Из «Списка инженеров и лиц высшего административного технического состава, занятых на службе Самской жел. дороги Богословского Горнозаводского района от 1921 года»: Икингрин Иннокентий Аркадьевич, специальность – железнодорожная, строительная, изыскательная, стаж 20 лет, Управление Самской ж.д., место службы – Надеждинск, должность – начальник управления».

Железная дорога – это сложное хозяйство и нередко в ее работе допускались разные случаи поломок, столкновения подвижного состава. Случались поломки транспорта и на Самской железной дороге. Так, 9 мая 1922 года был объявлен строгий выговор машинисту М.В.Егорову, помощнику машиниста С.И.Анисимову и кондуктору А.А.Колчину за поломку вагонов во время маневров 20 марта 1922 года на станции Андриановичи с предупреждением, что при повторении подобных случаев они будут переданы суду за преступление по службе, приносящее ущерб народному хозяйству.

Циркуляром правления Богословского Горнозаводского треста от 13 декабря 1922 года №30 и циркуляром Богословско-Сосьвинской железной дороги от 15 декабря 1922 года № 10 Самская железная дорога с 15 декабря 1922 года присоединена к Управлению Богословско-Сосьвинской железной дороги и «все отдельные службы Самской дороги полностью вливаются в таковые Богословско-Сосьвинской железной дороги.

«По состоянию на 1922 год Самская железная дорога, имела общим протяжением 78,9 км. Начата постройкой в 1915 году и до сих пор незакончена. Ширина колеи – нормальная 1524 мм.

Начинается дорога в заводе от ворот поста №1, от которого идет соединительная ветка на станции Надеждинский завод Пермской ж.д. и кроме того имеется выход с заводских путей от склада №3, примыкающий около поста «3-й километр» Главной линии и дальше идет долиной реки Каквы, пересекая в одном уровне два станционных пути разъезда Кола Богословско-Сосьвинской ж.д. узкой колеи.

От разъезда Кола до станции Марсята линия идёт по косоугору и отрогам водоразделов попадающихся на пути рек Еловки, Турьи,

Межевой, Волчанки впадающих в реку Сосьву. Около станции Марсята на 59 километре линия выходит на скалистый берег реки Сосьвы, пересекая выдающиеся мысы скальными выемками.

Долины пересекающих рек, а также встречающиеся низины между холмами и отрогами, а местами и вершины гор сильно заболочены и, имея незначительный поперечный склон, трудно осушимы. Начиная с 74 километра линия удаляется от берега реки Сосьвы идет по длине реки Самы, впадающей также в реку Сосьву и пересекаемой железной дорогой линией двумя мостами: на 74 и 78 километрах. Северный конец Самской линии оканчивался на Самском руднике.

Земляное полотно на всей линии было недостроено и профиль полотна не соответствовал проектному. На многих километрах насыпи совершенно отсутствовали и верхнее строение лежало только на балласте, которого, в свою очередь, было недостаточно. Большинство насыпей земляного полотна проходило по болотам, причем последние местами не прорезаны канавами, а часть прорезанных канав совершенно заплыла.

Через пересекаемые линией реки и мелкие водотоки были построены деревянные мосты, трубы и лотки. Имеется свайных мостов 52 шт., общей длиной по верху 771,87 метр. Ряжевых мостов 4 шт., длиной по верху 47,71 метр. Лотков деревянных разных отверстий 30 шт. Труб деревянных – 8 шт. и временных железных и чугунных труб – 2 шт. Мосты и трубы требовали капитального ремонта, так как большинство свай и другие части подгнили.

Шпалы сосновые были в удовлетворительном состоянии. На прочность шпал влиял плохой балласт и укладка нащпальников при исправлении пучин зимой.

Рельсовый путь уложен рельсами типа 18 фунтов в погонном футе 32%, IV-а 10% и III-а 67%, рельсы последнего типа – инспекторский брак разной длины. Состояние рельс неудовлетворительное: был большой процент с разбитыми концами, трещинами, сбитыми головками и подошвами, и кривыми в обоих плоскостях.

Вдоль железнодорожного полотна проведена телефонная линия, которой пользовались все предприятия. Для обслуживания железнодорожной линии необходим был самостоятельный провод. Большинство телефонных столбов требовали замены новыми.

Сторожевые дома, казармы и переезды имеются в количестве 90% потребности при настоящем движении: все здания разных типов в

большинстве своем возведены в начале постройки и требовали капитального ремонта.

Перезезды через железнодорожное полотно устроены были временные, число их недостаточно.

На Самской железной дороге имелось три станции: Андриановичи, Марсята и Сама. Разъездов два: Кола и 21-й километр. Служебные и пассажирские помещения станций и разъездов расположены в зданиях совместно с квартирами служащих.

На станциях Андриановичи, Сама и разъезд 21-й километр имеется по одному обходному пути, на разъезде Кола и станции Марсята по 2 обходных пути.

Длины объединенных путей, за исключением путей на разъезде Кола, было недостаточно и вследствие этого получается большое затруднение при маневрах и скрещении поездов.

На станции Надеждинск и станции Сама имеются треугольники для поворачивания паровозов, причем на последней станции пути треугольника служат для постановки вагонов при маневрах.

Для снабжения паровозов водой устроены четыре временных водокачки: около разъезда Кола, на реке Турье на 23 км. напр. Волчанки, вблизи станции Андриановичи и на станции Марсята, где поставлены донки (водокачки, работающие паром от паровозов). На станции Сама водоснабжения не было. На всех означенных пунктах требовалось устройство постоянных водокачек с баками, постоянными машинами и насосами.

Подвижной состав состоял из вагонов и платформ. Платформ имелось – 83, товарных вагонов – 42, теплушек переделанных из товарных вагонов – 4, снегоочистителей – 1. Всего: 130. Из паровозов имелся один со старым котлом – требовалось замена новым и еще два новых дополнительных паровоза.

Скорость движения поездов ввиду плохого состояния земляного полотна, допускалась в зимнее время – 15 верст, в летнее время и весной – не свыше 10 верст, с уменьшением последней на многих опасных местах – до 5 верст.

Паровозная бригада состояла из механика, помощника механика и кочегара. Кондукторская – из 2-х кондукторов, из которых один исполнял обязанности главного кондуктора и второй (младшего кондуктора) с совмещением должности поездного смазчика, при чем оба являлись и тормозильщиками.

Состав поездов состоял: груженых – до 25 вагонов, порожних – до 35 вагонов».

В 1923 году Самская дорога все еще находилась в стадии строительства. Управление Надеждинского металлургического комбината, в состав которого входила Богословско-Сосьвинская железная дорога, утвердило с 1 ноября 1923 года смету на достройку в сумме 53 тыс. товарных рублей в счет открытых кредитов на 1924 год для постройки Богословско-Сосьвинской ж.д.

Узкоколейная железная дорога на Надеждинском металлургическом заводе действовала с 1894 года, с начала постройки завода. Изначально пути на территории завода составляли единую сеть с Богословско-Сосьвинской железной дорогой. Пути на территории завода имели длину в 2,800 сажень. При постройке завода также было построено каменное паровозное депо на 4 паровоза.

Ширококолейным путем завод соединялся с общероссийской железнодорожной сетью через Богословскую железную дорогу, построенную в 1907 году. Кроме того, системой рек Сосьвы, Тавды, Тобола, Иртыша и Оби завод был соединен с Западной Сибирью, мог отправлять прокатанные на заводе рельсы водным путем с Филькинской пристани до Кривошеково (Новониколаевск, сейчас – город Новосибирск).

В 1917 году в Управлении дороги служили: управляющий Богословской-Сосьвинской железной дорогой Свирский Иосиф Иванович, помощник управляющего железной дорогой – Аблов Пантелеймон Никитович, исполняющий должность начальника службы тяги – Нейчман Эмиль Васильевич, начальник службы тяги – Черневский Константин Иванович, начальник депо Богословск – Зольман Семен Павлович.

В 1917 году от станции Надеждинский завод Богословской ширококолейной железной дороги на Богословские угольные копи предложено построить ширококолейную дорогу протяжением около 50 верст, которая пройдет долиной р.Каквы, Замарайки, через Воронцовский рудник по реке Антипке к Богословскому заводу.

По состоянию на 1 января 1917 года протяженность путей Богословско-Сосьвинской железной дороги составляла более 450 километров. Станционные пути составляли только 36 процентов от протяженности главных. На главном пути лежали рельсы типов III, III-а, IV-а с большим износом и многочисленными дефектами.

В 1918 году в Управлении дороги работали: управляющий Богословско-Сосьвинской железной дорогой – инженер путей сообщений Александр Петрович Кучкин, начальник службы движения – Михаил Антонович Горчаковский, начальник службы пути – Александр Всеволодович Загоринский, начальник службы тяги – Феликс Сельв. Добошинский.

После национализации Богословского Горного округа в 1917 году участок железной дороги от Надеждинска до Гороблагодатской (Богословская железная дорога) перешел в ведение Пермской железной дороги. Пермская железная дорога в мае 1918 была национализирована и передана Наркомату путей сообщения. С 1917 года по 1921 год Богословско-Сосьвинская железная дорога входила в управление Богословского Горного округа г.Надеждинска Екатеринбургской губернии.

В 1917 году, несмотря на происходящие в стране катаклизмы, дорога продолжала развиваться, намечались к строительству новые сооружения, замена старого оборудования и ветхого жилья, построен железнодорожный мост через реку Сосьву.

После национализации Богословско-Сосьвинской железной дороги для ее управления был создан совет из представителей партийной и профсоюзной организаций и из железнодорожников, избранных на рабочих собраниях. Возглавлял этот совет П.М.Уральский (Попов).

На сосьвинской ветке в 1918 году появились ж.д. разъезды Пасынок-1 и Пасынок-2, расположенные на расстоянии 7 верст друг от друга, в этом же году появились станции Монастырка, Морозково и ж.д. разъезд Нюрма.

На заседании Делового Совета строящихся железных дорог Богословского горного округа 9 мая 1918 года все строящиеся дороги БГО объединились в Управление строящихся железных дорог Богословского горного округа, которое объявляется автономной счетной единицей. В состав ее входит Самская ширококолейная, Угольная ширококолейная (к угольным копиям Богословска), Морозково-Сосьвинская узкоколейная и Богомоловская ширококолейная железные дороги.

После революции и разрушительной Гражданской войны Надеждинский завод был фактически мертв, часть оборудования была вывезена с завода, ушли многие опытные инженеры и рабочие. За годы войны, которая в условиях Надеждинска продолжалась до июля

1919 года включительно (передовые части Красной армии вошли в Надеждинский завод лишь 20 июля), все хозяйство Надеждинского завода и особенно железнодорожный транспорт, были сильно разрушены. Транспорт находился в плачевном состоянии. Предстоял трудный восстановительный период.

На Надеждинском металлургическом заводе действовала узкоколейная железная дорога, предназначенная для межцеховых перевозок. Ширина колеи составляла 883 мм. Эта дорога оставалась действующей на протяжении длительного времени после ликвидации «большой» Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги. Она сохраняла нестандартную ширину колеи - 883 мм.

В 1920-х годах несмотря на тяжелое положение, была построена линия узкоколейной железной дороги по улице Леснической (Парковая) Надеждинска, предназначенная для доставки рабочих на металлургический завод. При директоре Надеждинского завода С.М.Зеленцове на окраине Надеждинска вырос целый поселок из двухэтажных домов. От поселка к заводу проложили узкоколейную железную дорогу по улице Парковой. Небольшие паровозики-«кукушки» круглосуточно по расписанию везли вагончики с пассажирами на предприятие и домой.

Что представляло собой депо в начале двадцатых годов? В участок тяги входило и вагонное хозяйство, которое выделилось из состава участка тяги в 1933 году. В водоемном здании размещались нарядчики, здесь же находилась табельная доска. Контора начальника депо занимала один из домов на нынешней Привокзальной улице.

Три громких гудка Надеждинского завода оглашали по утрам весь близлежащий район Надеждинска. Первый подавался в шесть, второй – в половине седьмого. Третий (ровно в 7 часов утра) возвещал о начале трудового дня на заводе и в паровозном депо. У входной двери стояла табельная доска, куда рабочие вешали бирки с номерами. В десять минут восьмого доска закрывалась и все опоздавшие опускали свои бирки в специальный ящик. Так выявлялись нарушители трудовой дисциплины, которых ожидала нелегкая «проработка».

Что же касается технологии, приемов работы, то они оставались такими же, как и до революции. В начале 1920-х годов применялась холодная промывка паровозных котлов. Этот способ имел ряд существенных недостатков. Плохо, в частности, удалялась накипь. В труднодоступных местах она оседала, успевала затвердеть и сколько

бы ни орудовали промывальщики проволочными крючками, пользы от этого было мало. В ходе эксплуатации паровоза накипь накапливалась, возникали завалы между дымогарными трубами и на боковых стенках топки. Они мешали равномерному нагреву металла, в топке получались выпучины, а это приводило к еще большему простою локомотива при последующем ремонте. Из-за плохого состояния котлов нередко были случаи остановки поездов на перегонах. Позднее эти недостатки вынудили ремонтников перейти на горячую промывку (при неполном охлаждении котла), которая также имела свои слабые стороны. При нарушении режима промывки металл топок давал трещины, сильное испарение в котле затрудняло контроль за качеством работы. В конце 1920-х годов была разработана новая технология промывочного ремонта, состоявшая из целого цикла промывок – двух горячих и одной холодной. Этот вариант лучше обеспечивал сохранность котлов.

Никакой механизации в цехе текущего ремонта, естественно, не существовало. Молоток, зубило, кувалда, да тяжелый круглый брус («карандаш») для выбуксовки колесных пар были основными инструментами. Очень медленно выполнялся в те годы подъемочный ремонт. За месяц из депо выходило всего 2-3 паровоза. И не мудрено! Чуть ли не каждая операция шла не иначе, как под «Дубинушку». Например, при сборке дышл, когда требовалось поставить в нужное положение кривошипные колесных пар, обращались к «карандашу». Четыре или пять рабочих поднимали брус весом в 150 килограммов и бросали его с таким расчетом, чтобы повернуть колесную пару. При малейшей оплошности люди отшибали пальцы рук или ног, были и более серьезные травмы. Чтобы затянуть сцепление при соединении паровоза с тендером употреблялся ломик с веревкой. Эту «технику» обслуживали 5-8 рабочих. Кузнечный, он же и медницкий – тесное помещение на три горна. Один из молотобойцев с помощью веревки всю смену приводит в движение меха. Вздываются кувалды над наковальнями. Крупную деталь куют сразу трое. А легко ли слесарям? Шейки осей, пальцы кривошипов и другие детали выпиливались так называемыми брусками – тяжелыми квадратными напильниками. Порой заготовки приходилось предварительно обрубать зубилами. На эту работу даже квалифицированный слесарь затрачивал несколько смен.

В 1930-х годах Богословско-Сосьвинская узкоколейная железная дорога стала заменяться железными дорогами широкой колеи.

Узкоколейная железная дорога в последствии была полностью разобрана. Ориентировочный период ликвидации узкоколейки – 1960-е годы. Вместо узкоколейной дороги на Серовском металлургическом заводе стал использоваться межцеховой железнодорожный транспорт широкой колеи. Рельсовый путь узкой колеи еще долгое время существовал на Новоколинском углежжении, где применялись вагонетки на конной тяге, к тому времени уже не использовавшиеся заводом.

С момента появления на Северном Урале железной дороги широкой колеи началась постепенная реконструкция линий Богословско-Сосьвинской железной дороги на широкую колею. Последним местом, где сохранялись участки узкоколейной железной дороги колеи 883 мм, стал Надеждинский металлургический завод.

В 1932 году Богословско-Сосьвинская узкоколейная железная дорога была реконструирована, нашит третий рельс, что, по мнению специалистов, позволяло работать транспорту как ширококолейному, так и узкоколейному. Но эффект от новшества оказался мал, увеличилось количество аварий и происшествий, вследствие чего железная дорога была перешита на широкую колею.

В марте 1921 году заведующим Богословско-Сосьвинской ж.д. назначается Уральский П.М., заместителем заведующего дорогой с оставлением в должности начальника службы пути назначается Комаров М.А.

В 1921 году на Богословско-Сосьвинской железной дороге действовали следующие линии: Покровская узкоколейная (от станции Шахта до Покровского рудника, 69 км), Сосьвинская узкоколейная (от Надеждинска до Сосьвы, 100 км), Воронцовская (14 км). В 1930 году введена Северо-Восточная узкоколейная линия (от станции Урай до Шалашинской, 31 км).

Также в состав Богословско-Сосьвинской железной дороги входили: Угольная железная дорога (участок ширококолейной железной дороги от Богословска до угольных копей), с открытием которой закрылся тракт село Петропавловское-Турьинские рудники, как основной путь сообщения, и остался действовать Ивдельский тракт.

В 1921 году из предприятий бывшего акционерного общества Богословского горного округа образовался Богословский трест, вошедший в синдикат «Уралмет».

Управление Богословско-Сосьвинской железной дороги неоднократно переименовывалось, в 1921-1922 годы это Управление Богословско-Сосьвинской железной дороги Богословского районного правления Горнозаводской промышленности.

В 1921 в связи с переходом железнодорожного цеха под ведение Управления Богословско-Сосьвинской железной дороги контора железнодорожного цеха именуется станция «Завод», заведующий ж.д. именуется смотрителем станции «Завод» и отчитывается о деятельности станции по технико-коммерческо-хозяйственной части перед начальником службы движения, дорожный мастер перед начальником службы пути, начальник депо перед начальником II участка службы тяги. О всех спорных вопросах и недоразумениях предлагается обращаться по инстанции в Управление дороги к заведующим служб или дорогам.

В 1921 году техотделу Райправления предложено: достроить Сосьвинскую железную дорогу; построить сарай при механической; построить 50 двухосных товарных вагонов; построить здание для бригадного помещения и цехового комитета; пристрой к механической мастерской; построить вагонные мастерские в Богословске; достроить контору при вагонной мастерской в Надеждинске. В виду недостатка технических средств, материалов и рабочей силы в текущий строительный сезон 1921 года строить не представляется возможным ничего.

В этом же году ввиду сокращения штата и для пользы дела вообще по службе тяги 20 августа производится следующая реорганизация: II участок службы тяги упраздняется и вся служба подчиняется одному начальнику тяги. Начальник тяги II участка А.А.Ивановский с 20 августа назначается начальником депо прессовой; начальник депо прессовой И.М.Самохвалов назначается паровозным мастером при депо прессовой.

В 1922 году на Богословско-Сосьвинской железной дороге имелся 51 паровоз. Из них Вулкан за №№ 31, 32 - 2 паровоза, Шушинские за №№ 27, 28 и 29, 30 - 4 паровоза, Артур-Коппель за №№ 23, 24 - 2 паровоза, Коломенские за №№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22, 25, 26 - 10 паровозов, Германские за №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 - 14 паровозов, Кукушки за №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 40, 42, 43, 44 - 11 паровозов, Зайчики за №№ 1, 2 - 2 паровоза, Артур-Коппель за №№ А-13, А-33 - 2 паровоза, Артур-Коппель за №№ 41, 42, 43, 44 на Буроугольных Копях - 4 паровоза.

В 1925 году по Богословско-Сосьвинской ж.д. имелось паровозов: Германских серии В, 0-3-0, постройки 1887-1904 г. – 12 паровозов, Коломенских серии К, 0-4-0, постройки 1907-1916 г. – 10 паровозов, Артур Коппель серии Ак, 0-4-0, постройки 1914 г. – 2 паровоза, Шушинских серии Шк, 0-3-0, постройки 1918 г. – 1 паровоз, Американских Вулкан, 1-4-0, постройки 1916 г. – 2 паровоза, Артур Коппель серии Ак, 0-3-0, постройки 1913-14 г. – 4 паровоза, Артур Коппель серии Ак, 0-3-0, постройки 1913 г. – 1 паровоз. Всего 32 паровоза.

По заводу: Германских серии А, 0-2-0, постройки 1884-1914 г. – 10 паровозов, Артур Коппель серии 0-2-0, постройки 1913 г. – 1 паровоз, Американских Вулкан, серии А, 0-2-0, постройки 1915 г. – 1 паровоз, Артур Коппель серии Ак, 0-3-0, постройки 1913 г. – 1 паровоз, Германских серии В, 0-3-0, постройки 1887-1898 г. – 2 паровоза. Всего 15 паровозов.

По Самской ж.д.: Коломенских серии Тк, 0-3-0, постройки 1875 г. – 2 паровоза, Серии Чк, 0-4-0, год постройки неизвестен – 1 паровоз, Серии Чд, 0-4-0, год постройки неизвестен – 3 паровоза. Всего 6 паровозов.

Состояние паровозов в общем удовлетворительное. Вследствие большого разнообразия в типах паровозов нельзя экономично вести работу. По этой же причине невозможно иметь должный запас частей паровозов. Нет чертежей. Зачастую при изготовлении какой-нибудь детали приходится сначала сделать чертеж. 16 паровозов маневровых имеют котлы со службой свыше 25-ти лет.

Общая длина путей Богословско-Сосьвинской ветки на сентябрь 1929 года составляла 362,51 километра, Самская ветка – длина 81,44 километра, внутри Надеждинского завода – узкоколейных 23,19 километра, ширококолейных – 29,33 километра. Всего 496,47 километра.

Паровозов – 29, из которых 20 здоровых и 9 больных, общий пробег 67276 паровозо-километров. Вагонов – 1043, пробег 522756 вагоно-километров. Перевезено 190635,6 тонн грузов, пробег – 3852721,5 тонно-километров.

Сменных монтеров по депо Прессовой устанавливается два, а именно М.С.Зотов и Я.П.Косых; начальником заводского депо с 20 августа назначается Н.С.Ионин, исполняющий же должность начальника депо С.С.Ионин, согласно его просьбы, назначается монтером заводского депо.

Сменных монтеров по заводскому депо назначается три, а именно С.С.Ионин, И.М.Каменных и Ситников, монтеры же Алампиев и Захваткин переводятся слесарями при депо.

Должность машиниста-наставника с 20 августа ввиду ненужности таковой упраздняется; машинист-наставник Д.Н.Гилев назначается старшим дежурным машинистом по Надеждинскому участку, которому предлагается подобрать штат дежурных машинистов.

Постановлением Районного Правления от 2 декабря 1921 года (протокол №19), вместо отзываемого Надеждинским Уездисполкомом, как члена горсовета, П.М.Уральского (Попова), заведующим Богословско-Сосьвинской жел. дор. с 5 декабря сего назначается Владимир Александрович Янов.

В 1930 году весь транспорт Надеждинского металлургического завода разделяется на внезаводской и внутривзаводской транспорт.

До 1933 года обслуживание вагонного хозяйства было возложено на службу тяги. При локомотивных депо существовали небольшие участки во главе с вагонным мастером. По Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 июля 1933 года вагонное хозяйство было выделено в самостоятельную отрасль железнодорожного транспорта.

В 1934 году происходит замена старого парка паровозов на новый. По мере поступления новых, паровозы старых серий передаются металлургическому заводу.

В декабре 1934 года принимается в эксплуатацию достроенное паровозное депо (на территории метзавода), постройка которого началась в начале 1933 года. На Самском руднике в 1934 году было 2 паровоза и 40 костромских вагонов.

Из очередного отчета о работе Богословско-Сосьвинской железной дороги от 23 ноября 1935 года: «Богословско-Сосьвинская железная дорога – стальной нерв района. Пять основных его ответвлений общим протяжением 342 километра соединяет северный гигант металлургии – металлургический комбинат имени И.Д.Кабакова (б.Надеждинский) с истоками его сырьевого бассейна. Параллельно с этим увеличивающееся из года в год количество грузов, вывозимых за пределы района (каменный уголь, медная руда, бокситы, лес и т.д.), постепенно превращает БСЖД из дороги районного значения в продолжение дорог НКПСа.

К началу 1-й пятилетки Богословско-Сосьвинская железная дорога представляла собой заводскую, весьма примитивную, дорожку с

общим протяжением главных путей в 311 километров по следующим направлениям: Главная линия колеи 883 мм (узкоколейная) от Надеждинска до Богословских Уголькопей – 49 км. с отдельной ветвью на Воронцовский рудник в 14 км; Покровская линия колеи 883 мм от Шахты до Баяновского рудника – 69 км; Сосьвинская линия колеи 883 мм от Надеждинска до бывшего Сосьвинского завода – 100 км; Самская линия колеи 1524 мм (нормальная) от Надеждинска до Самского рудника – 79 км.

Движение поездов – однопутное, при телефонной, индукторной связи между остановочными пунктами, которых насчитывалось на дороге до 64, и расстоянием между ними от 2-х до 10 километров. Способ движения поездов по телефонному соглашению, с выдачей на поезда путевых разрешительных телефонограмм без применения «Кодов».

Рельсовое хозяйство по типу рельс распределилось следующим образом: типа III-а – 52,7%, IV-а – 7,2%, типа 18 фунтов – 14,2%, 13,73 фунтов – 1,0%, 11,45 фунтов – 25,1%.

Паровозный парк к этому периоду состоял уже из 36 паровозов колеи 883 мм и 4-х паровозов колеи 1524 мм общей мощностью в 190564 килограмма (тяга на крюке). Для ремонта паровозов в Надеждинске имелось депо на 6 столб с механическим мастерскими, но вследствие многосерийности (10 серий) и большого износа (25% паровозов имели возраст выше предельного) этот паровозный парк уже был недостаточен для выполнения перевозок.

Вагонный парк, составлявший к этому времени 1152 вагона узкой колеи и 151 вагон широкой, представлял по роду и подъемной силе еще более разрозненное хозяйство. 1152 вагона узкой колеи разбивалось более чем на 2 десятка различных типов от рудных «коробок» до 5-ти кубовых «решеток», при чем по своим конструктивным особенностям приблизительно 80% не имели рессор (на тележках Майера), 40% вагонов с мертвыми буферами. Сцепными приборами являлись фаркопы-кольцовки, вследствие чего стягивать составы было нельзя. На ходу поезда вагоны набегали друг на друга, отчего получались сильные толчки, сопряженные кроме быстрого изнашивания вагонов, еще и с авариями. Отсутствие рессор влекло за собой образование толчков и расшатывание пути, отчего, в свою очередь, быстрее изнашивались паровозы, лопание рессор и подвесок у которых было частым явлением.

Как видно из всего вышеперечисленного, Богословско-Сосьвинская железная дорога к началу 1-й пятилетки нуждалась в коренной реконструкции всех отраслей своего хозяйства, т.к. Надеждинский металлургический завод и ежегодно растущее хозяйство и промышленность Надеждинского района, предъявляли все более повышенные требования на перевозки, которые дорога при состоянии путей и подвижного состава уже не могла обеспечить в полном объеме.

По пятилетнему плану и титульным спискам от 1931 года была предусмотрена постройка нового паровозного депо, т.к. имеющееся старое настолько мало, что стесняет ремонт паровозов и, кроме того, подлежало сносу ввиду реконструкции Надеждинского металлургического завода.

Отчет подписан последним начальником Богословско-Сосьвинской железной дороги Дашковым (имя и отчество не установлены).

Серьезные усилия коллектива Богословско-Сосьвинской железной дороги по обеспечению нормальных перевозок рудно-металлургического сырья все же отставали от требований производства. Виной этому были отсталая техника и разобщенность участков, нехватка специальных кадров. Все эти трудности для завода возникли уже давно и постепенно усугублялись. Учитывая, что восстановление транспорта своими силами продлится долго и будет сдерживать работу завода, постановлением правительства №725 от 20 мая 1935 года Богословско-Сосьвинская дорога была передана Наркомату путей сообщения (НКПС).

В соответствии с приказом начальника Пермской железной дороги №285 от 29 июня 1935 года «Об организации Надеждинского отделения службы эксплуатации» было образовано Надеждинское отделение эксплуатации (ДН-8), в состав которого вошло паровозное депо, расположенное на территории металлургического завода.

Махмудов Альберт Рафилевич

Башкирские копи

Речь идет о любопытном, но малоизученном явлении – пермском рудном промысле, в аспекте вовлечения гайнинских башкир в сферу рудоискательства и рудодобычи. В первые годы строительства горных

заводов башкиры-гайнинцы уклонялись от поиска рудных месторождений на своих землях, опасаясь колонизации, строительства городов, заводов и вообще русских поселений в их вотчинах. Позднее наиболее богатая и предприимчивая часть башкир поняла выгоду – самим добывать и доставлять руду на заводы за плату. Тем самым сущность частного рудного промысла состояла в том, что на своих вотчинных землях гайнинские башкиры отыскивали рудные месторождения, после добываясь их отвода на свое имя, добывали руду, которую поставляли заводчикам по указной цене.

В источниках имеются сведения о том, что в начале 20-х гг. XVIII в. к тулвинским башкирам в д.Казмакты приезжал «рудокопии комиссар» Иван Тряпицын, который велел башкиру этой деревни Кысыоту Ижбулатову приискывать руду и объявлять ему, за что обещал «государево жалование». После отъезда Тряпицына К.Ижбулатов занялся поисками руды и в скором времени приискал рудное месторождение по речке Гилгалбашу, притоке р.Тулва. Об этой находке он сообщил И.Тряпицыну, но последний в «том месте не промышлял». В декабре 1725 г. башкиры деревень Березники, Чувашей, Мостовая и Ишимово начали вести поиски и объявляли о находках нескольких источников медной руды по р.Тулве.

Последовательно набиравшая мощь рудоискательная деятельность башкир-гайнинцев в начале 30-х годов XVIII в. получает дальнейшее развитие. В 1730 г. братья Кысыот, Токтамыш и Сунтагул Ижбулатовы приискали рудное месторождение по реке Казмакты, притоке р.Тулвы. Через год об этом прииске они объявили демидовскому приказчику, который вскоре прибыл с группой рабочих и начал разрабатывать этот рудник. Демидовские люди, проработав некоторое время «неведомо для чего», покинули разработку.

Весной 1733 г. братья Токтамыш и Султангул Ижбулатовы объявили три образца руды, взятые на своих вотчинных землях по р.Тулве. Однако лишь один образец был годным для промышленной обработки. В начале июля того же года к тулвинским башкирам приезжал капитан Иван Берглин, которому Токтамыш Ижбулатов указал место выхода медной руды в 5 верстах от деревни Казмакты по небольшой речке, впадающей в р.Тулву.

9 июня 1733 г. башкир деревни Красный Яр Шавканай Батырев представил медную руду, которую приискал в полутора верстах от своей деревни по р.Тулве. В ноябре того же года он доношением объявил три места с выходом медной руды неподалеку от своей

деревни, где изъявил желание добывать и поставлять руду за плату. Тулвинские башкиры из д.Березники Исянгул Чеваков, Зелбек Беклебаев, Асан Багышев, Бакей Чеваков и из д.Барды Сабак Мендубаев 24 декабря 1733 г. объявили три месторождения медной руды, приисканные ими в своей вотчине по р.Тулве. Все три прииска они отдали казне. Судя по сообщению башкирских рудоискателей, к рудным делам их подталкивала не только казна, но и средней руки пермские заводчики.

В середине XVIII в. башкиры-рудоискатели Гайнинской волости отыскали шесть медных месторождений и попросили, чтобы для плавки этих руд был построен казенный завод в их вотчине на речке Шермяйке. Но постройка казенного завода не состоялась, три рудника были приписаны к частным заводам Демидова, Осокина и Шавкунова, куда и производилась поставка руды башкирами. Между тем, башкирский старшина Туктамыш Ижбулатов с товарищами 20 ноября 1758 г. обратился к доверенному лицу обер-прокурора А.И.Глебова Осипу Стадухину с известием о том, что три из объявленных ими рудников не разрабатываются. Минуя берг-коллегию, обер-прокурор Александр Иванович Глебов 24 марта 1759 г. обратился в Сенат за разрешением на постройку медеплавильного завода на землях башкир Гайнинской волости и одного железодельного завода на вновь открытых казенных рудниках вблизи Екатеринбурга. Обер-прокурор А.И.Глебов уверял, "что бес тамошних мест завод построен был, того и сами тамошних волостей башкирские старшины желают, и там письменное их показание при одной челобитной приложено". 2 апреля 1759 г. от Сената в берг-коллегию был дан указ на постройку медеплавильного завода в Уфимской провинции в башкирских дачах на одной из речек – Тулве, Шермяйке, Еркуле или Сыпе. Глебов обещал построить заводы "собственным коштом, не требуя из казны ни денег, ни приписки к тем заводам для работ положенного по указом числа крестьян". Берг-коллегия предписала пустить завод в действие в 4 года, дать на первое время разных заводских ремесленников.

Глебов ходатайствовал начать отмежевание от р.Шермяйки и провести межу по 50 верст во все стороны прямыми линиями. Однако канцелярия главного из заводов правления не могла исполнить эти указы и отвести земли Глебову, не имея письменного договора купли-продажи с башкирами. Тогда доверенный Глебова Стадухин в Кунгуре у крепостных дел заключил уступочную запись на отвод

земель в радиусе 50 верст от завода и о поставке руды, которую представил 20 августа в канцелярию. Но оказалось, что запись на землю была дана подложно.

В октябре 1759 г. часть башкир Гайнинской волости, сотник Рянгула Ильин с товарищами, подали в Главное правление заводов челобитную с протестом против отвода их земель к Шермяитскому заводу. В челобитной они указывали на то, что они отказывались от дачи подписи, однако ж по принуждению его, Стадухина, угрозами привести в разорение, подписались в том только, что мы, как выше значит, в построении означенного позволенного завода указу Е.И.В. не противны". По свидетельству Рянгула с товарищами, заключение сделки было и невозможно, ибо толикого числа расстояния, то есть во все стороны от онаго завода по 50 верст, вотчины нашей нет". И действительно верстах к 12 к востоку от Шермяитского завода и верстах в 30 к северу начинался уже Кунгурский уезд; верст за 40 к востоку находился Уинский завод Шавкунова, построенный еще в 1749 г., в 30 верстах Ашапский завод Демидова, в 43 верстах Аннинский завод Чернышева. Мало того, в 50-верстный отвод должны были войти и город Оса с русскими селениями. Для того, чтобы не навлечь на себя исков, башкиры требовали исследовать это дело, а подложную запись уничтожить. Также башкиры жаловались на Стадухина, во-первых, в том, что по его приказанию пробирщик Шермяитского завода Попов совершил самовольно, от их будто бы имени купчую 23 августа 1759 г., по которой уступался за 10 рублей в вечное владение участок земли в 3 версты в длину и столько же в ширину. Стадухин построил ранее на этом месте самовольно винокурный завод. Во-вторых, Стадухин заставлял башкир расчищать дороги от завода до Усть-Тунтора, Барды и к Кунгуру, и мостить мосты, денег же за эти работы не платил. Жалобы башкир и новый отвод земли к Шермяитскому заводу Горная канцелярия поручила разобрать Раздеришину. Назначено было отвести под завод земли четырехугольником по 25 верст во все стороны от завода, т.е. так, чтобы каждая из сторон четырехугольника была в длину в 50 верст. Этот отвод земли был закреплен указом Сената от 2 марта 1760 г., где также было указано 40-верстное расстояние между Аннинским и Шермяитским заводами разделить пополам. Башкиры снова сопротивлялись отводу, требуя, чтобы к заводу было отведено земель не более чем на 5 верст в окружности. Отвод не состоялся, так как 10 августа межовщики были согнаны с земель Тайнинской волости

башкирами во главе с Мансуром Тимисевым. Только 11 сентября 1760 г. в присутствии члена Уфимской провинциальной канцелярии Зубова удалось заключить договор с башкирами на аренду земли по границам, превышающим 5-верстные нормы, но и далеко не 50-верстным размером. Однако в отвод Глебову, кроме земель Тайнинских башкир Уфимского уезда, вошли также часть земель Кунгурского уезда, а также многие рудники заводов Ашапского Демидова и Курашимского Осокина. Возникли споры, тянувшиеся долго. Лишь в 1784 г. берг-коллегия разрешила те рудники в Шермяитской даче, которыми заводчики Демидова и Осокина владели по особым договорам с башкирами и сроки по которым уже закончились, отдать Шермяитскому заводу.

В 1769 г. заводы Глебова купил Савва Яковлев. Во время пугачевского восстания Шермяитский завод был полностью разрушен и была утрачена подлинная запись башкир. Тогда приказчик Хохлов заключил в 1785 г. с башкирами Гайнинской волости новый письменный договор, значительно изменивший условия прежней записи. Пофунтовые деньги заменены арендной платой за землю по 20 рублей в год, а также определенно сказано, что "владеть землей до тех пор, пока оный завод будет в действии".

Со временем рудники башкирских рудопромышленников составили значительную часть сырьевой базы медеплавильных заводов Пермского горного округа. Особенно активную деятельность в этой сфере развернули башкиры д.Кояново. Всего с 1735 по 1807 гг. жителями этой деревни было добыто и поставлено на пермские горные заводы более 12 млн пудов медной руды. Рудопромышленник д.Кояново Исмагил Тасимов выступил инициатором основания в 1773 г. в Петербурге горного училища, преобразованного затем в Горный институт. Все это свидетельствует о значительной роли гайнинских рудознатцев и рудопромышленников в развитии медеплавильной промышленности Урала и России.

Литература:

1. Башкирские рудопромышленники Тасимовы / А.З.Асфандияров и др. Уфа, 2011
2. «Горная власть» и башкиры в XVIII веке (автор - составитель Корепанов Н.С.). Уфа, 2005
3. Документы и материалы по истории башкирского народа (1574-1798) (сост. И.М.Гвоздиков и др.). Уфа, 2012

4. Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867
5. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, ч. 2. М., 1956
6. Сборник документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873
7. Чупин Н.К. О некоей исторической будто бы записке // Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882
7. Шермяитский медеплавильный завод: из дачи в центр волости (сост. Махмудов А.Р.). Шермейка, 2009

Микитюк Владимир Петрович

Предприниматели Дрозжиловы¹

В истории Урала оставили след представители по меньшей мере четырех поколений Дрозжиловых. Биографии большинства членов этого рода известны лишь фрагментарно. Его уральскую ветвь основал ярославский купец Алексей Васильевич Дрозжилов (ок. 1776–1859), который переселился в Екатеринбург после окончания Отечественной войны 1812 г. 15 декабря 1813 г. он записался в екатеринбургские купцы 3-й гильдии. Новоиспеченный уралец специализировался на торговле бумажными и шелковыми товарами, к которым позднее добавились серебряные и золотые изделия.

Постепенно дела купца пошли в гору. Он открыл три лавки в Екатеринбурге, стал постоянным участником Ирбитской ярмарки, завязал прочные торговые связи с сибирскими торговцами. Особенно его привлекал г. Петропавловск, в котором шла бойкая меновая торговля мануфактурой. Постепенно расширяя торговые операции, Алексей Васильевич медленно, но верно богател, что позволило ему перейти во 2-ю гильдию. По мнению В.И. Байдина, Дрозжилов « всю жизнь ... состоял с сыновьями в 3-й гильдии »¹. Выявленные архивные сведения позволяют скорректировать это утверждение. В 1840-х гг. Алексей Васильевич не раз объявлял капитал по 2-й гильдии. В частности, так он поступил в 1849 г., объявив капитал по 2-й гильдии в размере 6 тысяч рублей серебром².

Расширяя торговые операции, Дрозжилов опирался на помощь сыновей, которых у него было пятеро – Александр (ок. 1803–1859),

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625)

Григорий (ок.1805–?), Иван (ок.1808–?), Константин (ок.1809–?) и Петр (ок.1810–?). Ближайшими помощниками отца были Иван, Григорий и Константин: они в качестве приказчиков выполняли разные коммерческие операции. В частности, Григорий Дрозжилов много времени проводил в Петропавловске, контролируя сбыт мануфактуры и других товаров. Позднее он записался в петропавловское купечество. Его жизнь оказалась недолгой. К середине 1850-х гг. его супруга, Екатерина Николаевна, числилась петропавловской купеческой вдовой. Проживая в Петропавловске, она продолжала работать на фирму Дрозжиловых.

В 1850-х гг. дела Дрозжиловых по неизвестным причинам пошатнулись. У Алексея Васильевича возникли проблемы с горным ведомством, которое обвинило его в тайной отправке извести в Петропавловск. По-видимому, имели место и какие-то коммерческие неудачи, усугубившиеся ранней смертью большей части ближайших помощников А.В.Дрозжилова. Помимо Григория в этот период ушел из жизни Константин, скончавшийся 20 апреля 1854 г. в Екатеринбурге³. В этот же временной отрезок исчезают упоминания об Иване Алексеевиче.

На оставшихся сыновей А.В.Дрозжилов вряд ли мог рассчитывать. Александр Алексеевич выбрал стезю горного чиновника и не проявлял интереса к коммерции. С младшим из сыновей, Петром, отношения, по-видимому, совсем не сложились. Во второй половине 1840-х гг. Петр Алексеевич числился рядовым Екатеринбургской конвойной команды, что для купеческого отпрыска было достаточно необычно. Никаких упоминаний о его участии в семейном бизнесе найти не удалось.

В 1850-х гг. дела у А.В.Дрозжилова продолжали ухудшаться. В 1856 г. он вместе с внуком был смещен в мещане⁴. Вероятно, перевод в мещанское сословие был временным: спустя три года в официальных документах он вновь именовался купцом 2-й гильдии.

27 мая 1859 г. в Пермской палате уголовного и гражданского суда было зарегистрировано «духовное завещание екатеринбургского 2-й гильдии купца Алексея Васильева Дрозжилова о предоставлении им во владение сына своего капитана Александра Алексея Дрозжилова и малолетнего Андрея Григорьевя Дрозжилова же движимого и недвижимого имения»⁵.

К концу сентября 1859 г. А.В.Дрозжилова уже не было в живых. В газетах появились объявления о вызове наследников «умершего

екатеринбургского купца Алексея Васильева Дрозжилова к оставшемуся после его смерти имению»⁶. Современникам Дрозжилов запомнился не только как коммерсант, но и как общественный деятель. В 1822–1824 гг. он исполнял обязанности попечителя Екатеринбургского воспитательного дома. В последующие годы купец не раз избирался в состав органов городского самоуправления. В 1826–1829 гг. он был бургомистром, а в 1835 г. занял пост екатеринбургского городского головы.

Избрание Дрозжилова на этот пост было в известном смысле случайностью. В Екатеринбурге городскими головами традиционно избирались купцы-старобрядцы, но в 1835 г. горное ведомство не утвердило двух кандидатов в главы органов городского самоуправления из числа старообрядцев, после чего выбор купечества пал на Алексея Васильевича, приверженца официального православия. Занимая ответственный пост, Дрозжилов не отметился важными достижениями в сфере городского хозяйства. При нем было завершено возведение двухэтажного каменного дома к зданию уездного училища, кроме того, ему пришлось потрудиться при организации приема наследника престола, великого князя Алексея Александровича, посетившего Екатеринбург в мае 1837 г.⁷ В последующем Дрозжилов также принимал участие в общественной жизни. Во второй половине 1840-х гг. он деятельно добивался разрешения строительства нового здания Свято-Духовской церкви. После получения нужного разрешения, Алексей Васильевич вошел в состав строительного комитета и всячески старался ускорить ход работ. В частности, по поручению комитета он заготовил часть необходимого кирпича.

А.В.Дрозжилова и его сыновей трудно отнести к числу ярких акторов российской модернизации. Как коммерсанты, они внесли определенный вклад в развитие урало-сибирской торговли, но их предпринимательская деятельность носила традиционный характер и не сопровождалась какими-то новациями. Схожим образом, обстояло дело и в сфере общественной деятельности.

После смерти Алексея Васильевича Дрозжиловы на некоторое время исчезли из числа коммерсантов, но затем эта фамилия вновь стала упоминаться в хронике уральского предпринимательства. В 1860-е гг. на стезю торгово-промышленной деятельности вступили дети Александра Алексеевича Дрозжилова.

Жизнь А.А.Дрозжилова складывалась по другим канонам, нежели у большинства купеческих отпрысков первой половины XIX в. В 1816 г. он покинул купеческое сословие, что было связано с необходимостью получения высшего образования. В 1825 г. Александр Дрозжилов окончил Петербургский горный корпус и вернулся на Урал в качестве практиканта. В этом качестве он состоял в штате Златоустовских заводов и какое-то время занимался осмотром казенных и частных золотых промыслов. В последующем ему не раз поручалось производить разведку месторождений золота и других полезных ископаемых. Чаще всего Дрозжилов во главе разведочной партии работал в Миасском горном округе. Значительных открытий Алексей Александрович не совершил, а вот на неприятности нарвался. В 1831 г. он был обвинен башкирами в разных притеснениях⁸. Особых последствий эта жалоба не вызвала, и А.А.Дрозжилов продолжил службу, которую оставил в начале 1840-х гг. По крайней мере, в 1842 г. он числился отставным майором корпуса горных инженеров и кавалером. В поздних документах о нем говорилось уже как о подполковнике. Вероятно, он на некоторое время возвращался на казенную службу.

Выйдя в отставку, А.А.Дрозжилов вместе с женой, Александрой Ивановной (ок.1812–23.11.1874), и детьми, Алексеем, Августой, Агнией и Александрой, поселился в Екатеринбурге. Александр Алексеевич не обладал крепким здоровьем и скончался 12 марта 1859 г.⁹ Это произошло еще до того, как А.В.Дрозжилов составил свое духовное завещание, поэтому в данном документе Александр Алексеевич фигурирует как главный наследник. В частности, ему и другим наследникам достались два каменных дома в Екатеринбурге.

Единственный сын А.А.Дрозжилова, Алексей (25.01.1842–14.10.1915) сначала пошел по стопам отца. Он устроился на казенную службу, но быстро вышел в отставку и взялся за предпринимательство. 24 декабря 1862 г. он получил дозволительное свидетельство на поиск золота в Пермской губернии. Позднее, 20 октября 1875 г., им был получен аналогичный документ, дававший право на поиск и разработку золота на территории Оренбургского казачьего войска и всей Уральской горной области¹⁰.

Действовал А.А.Дрозжилов крайне энергично. В некоторых случаях он лично отправлялся на разведку. Так, в сентябре 1867 г. он с партией из 6 человек занимался поиском золота в Вагранской даче, на берегах реки Вогулки¹¹. В других случаях им были выдаваемы

доверенности разным людям с поручением вести поиск месторождений золота. Среди таких доверенных были сарапульский мещанин Р.А.Колчин, пермский мещанин Д.И.Колчин, верхотурский купец Я.И.Бурдаков.

В этот же период интерес к золотодобыче проявила Агнесса (Агния) Александровна Дрозжилова (?–06.10.1910), которая в 1862 г. приобрела с торгов три золотых прииска в Гороблагодатском горном округе. Правда, разрабатывать эти прииски она не стала, а предпочла сдать их в аренду. Алексей Дрозжилов действовал иначе. Он иногда также сдавал свои прииски в аренду, но чаще всего предпочитал разрабатывать их сам или в компании с другими золотопромышленниками. Количество его приисков не было постоянным. В 1866 г. у него был один прииск в Верхотурском уезде. 12 января 1867 г. он открыл еще один прииск в Гороблагодатском горном округе. В 1868 г. у него вновь остался лишь один прииск, на котором было добыто более 2 пудов золота. Годом позже в его руках оказалось уже 10 приисков, на которых было добыто более 23 пудов золота. В 1870 г. у отставного коллежского регистратора осталось 8 приисков, которые дали более 10 пудов¹².

В последующие годы число приисков продолжало колебаться. К началу XX в. в руках Дрозжилова находилось 16 приисков, из которых 10 были его собственностью, а остальные были арендованы. Кроме того, он разрабатывал ряд приисков вместе с компаньонами – женой Ольгой Ивановной и горным инженером Алексеем Михайловичем Ивановым. Основная масса дрозжиловских приисков находилась в Верхотурском уезде Пермской губернии, а некоторые располагались в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. Главной проблемой золотопромышленника Дрозжилова являлось падение объемов добываемого золота. Если в 1860-е гг. он добывал от 10 до 23 пудов в год, то в 1900 г. на его приисках был получен всего 1 пуд 16 фунтов.

Алексей Дрозжилов делал попытки диверсифицировать свою деятельность. Некоторое время он эксплуатировал каменноугольные копи, арендованные им у купца С.М. Федулова. В начале 1890-х гг. в его распоряжение попала суконная фабрика Ушковых. По-видимому, ни уголь, ни сукно не принесли Дрозжилову большой прибыли, поэтому он отказался от аренды копей и фабрики, ставших собственностью Злоказовых.

В начале XX в. Дрозжилов стал сворачивать торгово-промышленную деятельность, сохраняя за собой несколько золотых приисков. По-видимому, в этот период его больше привлекали банковские операции. Он был владельцем акций Сибирского торгового банка, причем к 1909 г. входил в число наиболее крупных держателей ценных бумаг этого кредитно-финансового учреждения¹³. Это позволяло ему получать вполне солидные дивиденды. Банк чаще всего платил по 15 руб. за акцию, а в иные годы и по 40 руб.¹⁴

Сибирский торговый банк был учрежден 10 ноября 1872 г. и зарегистрирован в Екатеринбурге, благодаря чему местные предприниматели регулярно избирались в состав его совета и правления. Подобного доверия удостоивался и Алексей Дрозжилов. Собrania акционеров, как правило, происходили в Петербурге, что заставляло уральца совершать частые вояжи в столицу: «Председатель правления Сибирского торгового банка А.А.Дрозжилов 22 марта выехал в Петербург для участия в собрании акционеров банка»¹⁵.

Алексей Дрозжилов охотно участвовал в общественной жизни. В частности, он не раз избирался гласным Екатеринбургской городской думы. В первый раз он был избран гласным в 1872 г. В 1880 г. его вновь избрали в состав городской думы. Подобное повторилось в 1884 и 1888 гг. Сотрудничество А.А.Дрозжилова с органами самоуправления продолжалось по 1892 г., после чего он временно отказался от думской деятельности. В 1902 г. его вновь избрали гласным думы, в которой и проработал по 1906 г. Алексей Александрович не только участвовал в очередных и внеочередных заседаниях, но и трудился в думских комиссиях и попечительских советах. Он не раз избирался в состав комиссий, проверявших отчеты городской управы и деятельность общественного банка. Столь же часто его избирали в состав попечительского совета женской гимназии. Впервые членом этого он был избран 11 марта 1881 г. и оставался в его рядах до 1915 г.

Дрозжилов пользовался репутацией щедрого благотворителя. Современники высоко оценивали его заслуги на посту старосты екатеринбургского Екатерининского собора, который золотопромышленник занимал более 10 лет. Являясь ктиторм храма, он выделял средства на его внутренний и внешний ремонт, а также осуществил частичное переустройство собора. Оставив должность старосты, он продолжал помогать храму – и в 1903 г. выделил ему более трех тысяч рублей, которые пошли на устройство «красивой

чугунной решетки в круглых железных столбах и каменном фундаменте»¹⁶. Столь же эффективно Дрозжилов сотрудничал с обществами вспомоществования недостаточным учащимся. Он многие годы был членом подобных организаций, существовавших при реальном училище и 1-й женской гимназии. Не ограничиваясь уплатой членских взносов, предприниматель активно работал в составе правлений этих обществ.

В 1915 г. газеты сообщили печальную новость: «Алексей Александрович Дрозжилов после продолжительной и тяжелой болезни скончался 14 октября в 5 часов утра, о чем извещает жена покойного. Панихиды в 12 и 7 часов вечера. Венков просят не возлагать. Вынос тела Алексея Александровича Дрозжилова в пятницу 16 октября в 9 часов утра в Екатерининский собор. Погребение в Ново-Тихвинском монастыре. Поминовение в покаях игуменьи»¹⁷.

Ольга Ивановна Дрозжилова (1850–21.10.1916), автор этих сообщений, была хорошо известна уральцам и как предприниматель, и как редкий благотворитель. Ее девичья фамилия и сословная принадлежность не установлены, но известно, что она получила образование в Санкт-Петербургском Николаевском институте. Став женой золотопромышленника, она также проявила интерес к этому роду деятельности. 8 марта 1877 г. ею было получено свидетельство на поиск и разработку золота на территории Оренбургского казачьего войска и Уральской горной области¹⁸. Вскоре она была обладательницей приисков, которые в основном находились в Верхотурском уезде. Кроме того, О.И.Дрозжилова 11 марта 1879 г. стала соучредительницей товарищества на вере «А.А.Шварте и К^о», которое специализировалось на торговле российскими и иностранными товарами, в том числе арматурой для паровых котлов, бемским оконным стеклом, динамо-машинами, керосиновыми двигателями, металлообрабатывающими станками, портландским цементом, разными сортами металлов и многим другим. В состав этой фирмы Ольга Дрозжилова входила по октябрь 1915 г.

Ольга Ивановна была заметным общественным деятелем. Она являлась членом ряда благотворительных организаций, а в 1903–1916 гг. была почетной попечительницей 1-й женской гимназии. Кроме ежегодной субсидии она часто делала крупные взносы в пользу гимназии и общества вспомоществования недостаточным ученицам. Так, в 1910 г. она передала гимназии 1,5 тыс. руб. на учреждение стипендии имени Н.А.Клепинина.

Брак А.А. и О.И.Дрозжиловых был бездетным. Чувствуя приближение смерти, Ольга Ивановна составила духовное завещание, которым большую часть своего состояния определила на нужды благотворительности. По 40 тыс. руб. она завещала библиотеке имени В.Г.Белинского и лечебнице имени А.А.Миславского. 16 тыс. руб. были завещаны обществам вспомоществования недостаточным учащимся реального училища, 1-й и 2-й женских гимназий. 10 тыс. руб. Ольга Ивановна передала обществу попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде. Кроме того, она завещала 290 745 руб. нарождающемуся горному институту. Проценты с 225 745 руб. предназначались на стипендии для беднейших учеников. Проценты с двух третей оставшихся 65 тыс. руб. должны были пойти на приобретение научной литературы, а проценты с одной трети - на премии за лучшие студенческие научные работы¹⁹. По размеру пожертвований Ольга Ивановна занимает первое место в дореволюционном Екатеринбурге.

А.А. и О.И.Дрозжиловы имеют основания именоваться акторами модернизации, правда, это в большей степени относится к сфере общественной деятельности. В области золотодобычи они придерживались традиционных способов. Их прииски не стали местом применения новых технологий и более современной техники. Несколько иначе обстоит дело в сфере торговли. Фирма «А.А.Шварте и К^о» сыграла заметную роль в продвижении на урало-сибирский рынок разнообразной продукции инновационного характера. В частности, она торговала изделиями ряда немецких машиностроительных заводов, в том числе тепловыми двигателями Дизеля.

Активное участие четы Дрозжиловых в общественной жизни Екатеринбурга также дает основание причислять их к акторам модернизации. А.А.Дрозжилов являясь гласным в 1884-1892 гг., принял участие в преобразовании разных сторон городского хозяйства, в том числе в мощении улиц, улучшении водоснабжения, создании ассенизационного обоза и т.д. Алексей и Ольга Дрозжиловы, будучи попечителями и членами попечительских советов разных учебных заведений, немало сделали для развития образовательной сферы. Их пожертвования помогли очень многим представителям бедноты получить среднее образование.

Предпринимательская династия Дрозжиловых не принадлежала к числу самых успешных на Урале, но в то же время оставила заметный

след в развитии сферы торговли и золотодобычи, а также в общественной деятельности.

Примечания:

- ¹ Байдин В.И. Алексей Васильевич Дрозжилов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 90.
- ² ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1221. Л. 152.
- ³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 94.
- ⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1947. Л. 116.
- ⁵ Пермские губернские ведомости. 1859. 3 июля. Ч.О. С. 137.
- ⁶ Пермские губернские ведомости. 1859. 25 сентября. Ч.О. С. 198.
- ⁷ Байдин В.И. Указ. соч. С. 91.
- ⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 771. Л. 91 об.
- ⁹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 157. Л. 351.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 152.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4337. Л. 1.
- ¹² Замарин М.И. Материалы для статистики добычи золота в России частными лицами в 1868, 1869 и 1870 годах // Горный журнал. 1871. Ч. 3. № 9. С. 466.
- ¹³ Уральский край. 1909. 27 марта.
- ¹⁴ Уральское горное обозрение. 1902. № 16. С. 9.
- ¹⁵ Уральская жизнь. 1902. 24 марта.
- ¹⁶ Урал. 1904. 2 марта.
- ¹⁷ Уральская жизнь. 1915. 15 октября.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 272.
- ¹⁹ Уральская жизнь. 1917. 7 октября.

Муллова Анна Сергеевна

Быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв.

Изучение культуры и быта через сопоставление различного рода исследований позволяют понять процессы, влияющие на развитие и особенности того или иного времени. Наиболее интересным для любого человека является изучение его малой родины, местной специфики, особенностей протекания каждодневной жизни человека, ритуалы, символика, стили поведения, одежда, пища, то есть история быта и ментальности. В этом исследовании раскрыты особенности конкретного периода и конкретного сословия, а именно крестьян на Урале в XVIII-XIX вв. Для этого необходимо выявить специфику быта

крестьян Урала, через процессы, которые оказали влияние на его становление и развитие.

Обратившись к разным источникам, раскрывающим понятие «быт», обнаружилось следующее: во всех определениях быт – это, прежде всего общий уклад повседневной жизни, который включает как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилье так и обеспечение его душевного комфорта.

Среди исследователей занимающихся изучением быта встречаются различные интерпретации понятия: некоторые считают, что быт выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. В книгах русских бытописателей XIX в. и советских этнографов прослеживается мысль о том, что быт представляет собой определенный жизненный сценарий, за пределы которого невозможно вырваться. Имеется и иная точка зрения на быт, где особое внимание уделяется значимости событийной истории, многообразию индивидуальных реакций на череду политических событий.

Условия жизни и быта всех категорий крестьянства Урала, определялись, прежде всего, его принадлежностью к тому или иному сословию. В ходе изучения литературы выявились следующие превалирующие сословия:

- преобладающей по численности и значению категорией на Урале были государственные крестьяне;
- второй по численности категорией крестьянства Урала были помещичьи крестьяне;
- церковно-монастырские крестьяне — третий по значимости разряд крестьян Урала;
- дворцовые крестьяне, численность на Урале которых была незначительна.

Жизнь крестьян, решение ими насущных проблем были тщательно регламентированы. В повседневной практике и быту крестьянин опирался на эмпирические знания, накопленные поколениями земледельцев и закрепленные в традициях и обычаях. В то же время крестьяне продолжали творить, искать новое, заниматься приспособлением орудий труда и их усовершенствованием, селекцией культур и выведением новых пород скота. Трудолюбие и уважение к своему и чужому труду, способность воспринимать прогрессивные элементы культуры других народов были также основными чертами психологии уральского крестьянина. Именно эти черты во многом способствовали мирному

существованию и развитию столь различных по быту, традициям, хозяйственному укладу этнических групп и народов.

О разнообразии этнических групп в Сылвенско–Иренском бассейне, можно узнать из трудов Г.Н.Чагина. Изучив огромное количество письменных источников, он смог в некоторой мере восстановить этнокультурные особенности Урала и других районов России. Особое внимание Г.Н.Чагин уделил уникальным источникам, содержащим сведения о нерусском населении Урала. Среди нерусского населения татары по численности занимали первое место. Удмурты также являлись полноправными жителями, они жили преимущественно в смешанной этнической среде – с татарами, марийцами, чувашами, общались и с русскими. Результаты исследования помогли в изучении культуры и быта, межэтнических отношений, соотношении общего этнического и регионального компонента, а также дали возможность проследить, как действовали на состояние этничности природная среда, расселение, язык, религия, культура.

В книге Г.Н.Чагина "Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века", предметом изучения стали мировоззренческие представления и поведенческие нормы уральского крестьянина, связанные с семейной и личной жизнью, общественными праздниками и обрядами, приуроченными к определенным календарным циклам.

Особое место в изучении быта крестьян занимает церковь и её влияние на развитие крестьян Урала. В.В.Пундани в своей работе "Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVIII- первой половине XIX в." (1983 г.), сделал акцент исключительно на негативные стороны взаимоотношений уральских крестьян и церкви. Традиционными центрами, по мнению автора, вокруг которых вращалась внутренняя жизнь деревни, являлись церковь и кабак. Автор делает вывод: "Выявленные нами факты дают основание считать, что официальная церковь, ее обряды и установки не пользовались авторитетом у значительной части крестьянства государственной деревни Урала».

Таким образом, в результате изучения письменных источников Г.Н.Чагина, обнаружилось, что особенности быта многонационального населения Урала имели влияние на формирование быта, традиций населения Урала, а также на то, как складывался повседневный быт крестьянина.

Одним из ярких примеров крестьянского быта являются, крестьянские жилища, состояние которых, в полной мере, отражает материальный достаток их владельцев. В своей работе я постаралась найти отличительные черты домов всевозможных сословий.

Наиболее типичным для крестьян XVIII-XIX веков можно назвать избы-птицы, прикрытые широкими скатами крыш, словно птичьими крыльями. У русских старожилов земли Прикамской, как и у коренного населения, всё традиционное и символическое вокруг дома и внутри него пребывало в особом почёте. Почти все основные предметы домашнего обихода и бесхитростные украшения — деревянные, матерчатые, глиняные, железные, медные, костяные, кожаные — выдолблены, вырезаны, отлиты, откованы, разрисованы, расшиты изображениями птиц и зверей, деревьев и трав. Поэтому и сам дом, до краёв наполненный разнообразным изображением жизни, казался живым. При этом русская домостроительная техника XIX веке распространялась в среде манси, ханты, марийцев, удмуртов, татар и башкир. Известный фольклорист Н.Е. Ончуков, побывавший у манси, живших на Вишере, так отзывался об их жилище: «Изба обыкновенная, с иконами, столом в переднем углу, с лавками по стенам и всей прочей, совершенно русской крестьянской обстановкой».

В городах, заводских поселках и крупных селах появлялось больше домов-пятистенков, началось строительство шестистенков. Богатые большесемейные хозяева заводили двухэтажные дома.

К середине XIX в. белые избы практически вытеснили курные, черные, которые сохранялись преимущественно в глухих местах, в основном на северо-западе.

Изменения в интерьере жилища были не слишком заметными. Новым было следующее: печь иногда ставили не в углу, а на середине избы, устьем к входу; отсутствие полатей; стены оштукатуривались или обивались обоями, украшались картинами и зеркалами. Даже в крестьянских домах появились стулья, табуреты, шкафы и кровати. Многие сельские и городские жители специализировались на изготовлении мебели.

Одежда представителей народов Урала сохраняла этническое своеобразие в большей степени, чем жилище. Продолжался процесс сближения с русским костюмом мужчин Коми, ханты, манси, удмуртов, одежда же башкир и татар менее других была подвержена изменениям.

Русское население тоже оставалось верным традициям. У женщин-крестьянок преобладал комплект с сарафаном. К середине XIX новые веяния проникают и в крестьянскую среду, женские головные уборы в селе стали вытесняться морщинами и наколками.

У женского заводского населения появились и новые формы одежды: парочка (юбка с кофтой) и платье, из верхней одежды — пальто, из головных уборов — наколка, шаль, косынка, из обуви — башмаки.

В питании жителей Урала особых изменений не наблюдалось. Правда, у охотников, рыболовов и оленеводов северных районов гораздо большее место стал занимать хлеб. Получили распространение картофельные блюда.

Рацион заводчан мало отличался от крестьянского. Из популярных у нижнетагильцев блюд упоминаются пельмени, а из напитков — чай, вошедший в обиход в конце XVIII в.

Праздники играли важную роль в сближении народов, поскольку в них могли участвовать люди разных национальностей. Запретов на участие в них по этническому признаку (как и по сословному, территориальному и др.) на Урале не существовало. Праздничный эмоциональный настрой способствовал установлению взаимопонимания, дружеских взаимоотношений и, в конечном счете, культурному взаимообогащению.

Таким образом, в ходе изучения различных источников характеризующих быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв. сделаны следующим выводам:

1. на характер быта огромное влияние имела принадлежность крестьян к определённой сословию;
2. особенности быта многонационального населения Урала имели влияние на формирование быта, традиций населения Урала, а также на то, как складывался повседневный быт крестьянина;
3. такие характерные примеры крестьянского быта, как жилище претерпело незначительное изменение в деревенских подворьях, и лишь в городе появились изменения во внутреннем убранстве жилищ.

Обе точки зрения исследователей на быт населения имеют место быть, так как выяснилось, что действительно быт может выглядеть мало изменчивым, сопротивляющимся переменам, но в то же время зависеть от событийности истории и многообразия индивидуальных реакций человека на череду политических событий.

Список источников:

1. Чагин Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестник Пермского университета. Серия «История». Выпуск 2(22), 2013. – С. 5-11.
2. Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь: Пермский госуниверситет, 1998 — 147 с.
3. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. №11–12.

Набиуллина Венера Рифкатовна

**Госпитали Невьянска в годы
Великой Отечественной войны**

Тыл... С этим словом у нас непременно ассоциируется образ людей, которые вдали от фронта и передовых делали все возможное, а порой и невозможное, чтобы приблизить победу. Тыл не только отдавал – он принимал. Сюда, в тыловые госпитали, доставляли раненых. В Невьянске их было два.

Первый госпиталь был открыт 24 июля 1941 года на базе Смоленского военного госпиталя №2545. Его разместили в зданиях школ №1,2,3 и техникума. Переоборудовали здания в считанные дни. 20 сентября 1943 года госпиталь направлен в действующую армию в районе Смоленска, а в Невьянске 1 октября 1943 года был сформирован эвакогоспиталь №5924, который действовал до июля 1944 года. В мае 1985 года, к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, на зданиях школ №1,2,3 и техникума появились мемориальные доски.

*1. Мемориальная доска на здании школы №1, в котором
в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали
(г. Невьянск, ул. К. Маркса, 6)*

4 мая 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №1. В этой школе в годы Великой Отечественной войны размещались два госпиталя: первый с августа 1941 под №2545 и второй с сентября 1943 под №5924. Этому событию предшествовала большая поисковая работа, проведенная учениками школы, среди которых особо можно выделить пионеров 5 класса со своим руководителем Ириной Дмитриевной Исаченко.

Поиск шел в трех направлениях: ребята искали тех, кто трудился в госпитале во время войны, кто находился на лечении, кто помогал раненым. Один учебный год поисковой работы – и найдены десятки фамилий, десятки судеб. В открытии приняли участие представители горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, механического завода, бывшие работники госпиталя, фронтовики, лечившиеся здесь в годы войны, преподаватели, школьники. Почетное право открыть митинг, было предоставлено первому секретарю горкома партии Геннадию Петровичу Пономареву. Он поздравил собравшихся с успешной работой поисковых групп. Отметил, что мемориальные доски будут установлены и на других учебных заведениях города, где находились отделения эвакогоспиталя. Педагогическому коллективу пожелал продолжать работу поисковой группы, чтобы в будущем создать музей истории госпиталя. Затем на митинге выступили ветеран здравоохранения Е.М.Лаврова, бывший пациент госпиталя И.М.Башкиров, командир поисковой группы пионер Андрей Карзанов. По окончании митинга, на могилу умерших от ран в госпиталях воинов была направлена делегация, чтобы возложить к подножию памятника венки.

2. Мемориальная доска на здании школы №2, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г. Невьянск, ул. Самойлова, 2)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №2. Надпись на памятной доске: «В этом здании с августа 1941 года до июля 1944 года находились эвакогоспитали №№2545 и 5924». Здание школы №2 строилось в течение 2-х лет, с 1937 по 1939 гг. Работу свою школа начала в 1939 году. Именовалась она неполной школой №12. В годы Великой Отечественной войны в школе размещался госпиталь. Учителям и учащимся приходилось заниматься в разных зданиях, приспособленных под школу. Уроки шли в три смены. С 1942 года учащиеся школы активно включились в тимуровское движение.

3. Мемориальная доска на здании школы №3, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г. Невьянск, ул. Красноармейская, 13)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №3. На мемориальной доске высечено: «В этом здании с августа 1941 года по июль 1944 года размещались военные госпитали №№2545 и 5924». На открытии была

одна из медсестер, которая работала в этом госпитале. А дети учились в три смены в маленьких холодных помещениях. Ходили в госпиталь с выступлениями, дежурили там, писали письма под диктовку раненых... Обо всем этом вспомнили на открытии мемориальной доски, на здании школы №3.

4. Мемориальная доска на здании УрГЗК им. Демидовых, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г. Невьянск, ул. Луначарского, 26)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании техникума. На мемориальной доске высечено: «В этом здании с августа 1941 года до июля 1944 года находились эвакуогоспитали №№2545 и 5924».

В годы Великой Отечественной войны города, находящиеся в глубоком тылу, не только производили все необходимое для фронта, они превратились в госпитали, где врачи и медсестры, буквально возвращали к жизни раненых бойцов. Урал не оставался в стороне. Будучи опорным краем Державы, он стал в годы войны здравницей, принимая эшелоны раненых. Согласно справке Свердловского облисполкома ВКП(б) «на сентябрь 1941 года в Свердловске и Свердловской области был организован 51 госпиталь с количеством коек 70839».

Буквально в первые дни войны в Невьянске начинает работу госпиталь. Перед его открытием в городе создается училище медицинских сестер, директором которого была Надежда Израилевна Гуревич. Первые 43 выпускницы-медсестры с честью выдержали экзаменационные испытания. Многие ушли на фронт, другие остались в тыловых госпиталях. С 1 августа 1941 года в Невьянске начинает работу госпиталь общехирургического профиля №2545 на 700 коек, располагавшийся в четырех зданиях – городских школ №№1,2,3 и техникума. Главный врач госпиталя Л.Н.Левандовский. Ежедневно под общим наркозом делали по пять-шесть операций. Согласно данным, хранящимся в музее школы №1, заведующая медицинской частью госпиталя Н.Г.Синицина, главный хирург – Б.А.Касаткин, врач – Н.В.Корешкова. Просуществовал госпиталь до 1 сентября 1943 года, 20 сентября он был преобразован в эвакуогоспиталь №1845 и направлен в действующую армию.

Медсестра госпиталя №2545 Феня Башлиева-Одинцева вспоминала (из архива музея школы №1): «С 1943 года я работала в эвакуогоспитале №2545. Начальником госпиталя была майор

медицинской службы С.С.Сизова. Медсестры: Шура Лысенко, Шура Якушева из Смоленска, невяньские – Тося Левушина».

1 октября 1943 года в Невьянске был сформирован общехирургический эвакогоспиталь № 5924, направление – ранения верхних и нижних конечностей, ампутационный, также на 700 коек. Этот госпиталь действовал до 1 июля 1944 года, а затем выехал в город Сватово Ворошиловградской области. Начальником эвакогоспиталя № 5924 был А.А.Азарх, главный врач – Тучкинова, заведующий медицинской частью – Шварцман, главный хирург – Игель, заведующая аптекой – Н.Ц.Бородина, зав. лабораторией – Мильтау, диетврач – Муниц, заведующая первого отделения – Елизавета Константиновна Калашникова, врачом-ординатором работала Е.М.Лаврова.

Опустели школьные классы. Они превратились в палаты, перевязочные, операционные. В формировании палат вместе со своими мамами принимали участие и ученицы: мыли пол, расставляли и заправляли кровати, устанавливали тумбочки, развешивали шторы. Людмила Сырова (Коршунова), ученица школы тех лет, рассказывала, как она и другие девочки собирали у жителей комнатные цветы для госпиталя, выбирая, конечно, самые лучшие, и не было случая, чтобы кто-нибудь отказывал им. И вот госпитали заработали.

Врач-ординатор Лаврова Елена Меркурьевна вспоминает: «Первые 25 раненых поступили 2 августа. Затем они стали прибывать регулярно, в разное время суток. Одних принимали на вокзале, и на подводах и машинах развозили по отделениям. Других доставляли в заводской тупик и отсюда распределяли по отделениям. Если партии раненых поступали ночью, то в работу включался весь персонал. Раненых мыли, одевали, кормили, распределяли по палатам, делали перевязки, оперировали. В госпитале действовала лечебница, созданная по инициативе врача Морозкиной, а также пункт переливания крови, который обслуживала сестра Дедюхина Н.А. Часто на операциях, когда необходима была кровь, медики тут же отдавали свою. Известным доктором стала Степанова-Вейхман. С ранеными проводилась лечебная гимнастика для восстановления движения рук и ног после операций. На излечении находились больные с ранениями конечностей. В первом отделении делали по 5-6 операций в сутки, а также опорные культы. Приезжавшие из Свердловска специалисты, проводили измерения для изготовления протезов рук и ног».

Подростки тех лет – К.Чайковский, М.Слюсарь, Т.Козлова, М.Волкова в одной из статей «Книги памяти» рассказывают: «На улицах появились раненые в байковых халатах, часто на костылях, в гипсе. Мы жадно слушали раненых, но рассказов о боях и подвигах не было. Грустный ласковый взгляд..., и нас часто угощали сахаром, а иногда даже белым хлебом, которого дома не видели».

По воспоминаниям Анны Михайловны Моховой: «В нашей школе, как и в других, во время войны был госпиталь. И мы бегали туда к раненым. У каждой семьи был свой раненый, которого мы подкармливали. Много ли от двух козочек молока, но мама каждый вечер наливала нам чекушку молока, и мы несли ее раненому. Вспомнили ли они хоть раз малых, полуголодных детей, которые от всей души делились с ними последними крохами, помогали фронту?»

В архивах школы №3 хранятся воспоминания выпускницы 1940 года Зои Тетюцких. Вот, что она пишет: «В госпитале я работала с первых дней в течение шести месяцев. Работали мы с Зиной вне штата. И зарплаты, естественно, не получали. Работа начиналась с шести часов утра с пилки дров, потом вместе с работниками кухни ходили в школу №1, где был штаб и кухня, в нашем отделении была маленькая комнатка с плитой, где мы разогревали принесенное на завтрак, обед и ужин. Тяжелораненых обслуживали в палатах. Потом мыли посуду. Домой уходили в 9-10 вечера. Такая была напряженная работа. Целый день на ногах».

А вот другая ученица школы №3, встреча с которой произошла в январе 2015 года, Зоя Александровна Субботина (Бобкова) несколько по-другому вспоминает те военные годы :«Весной 1941 года я закончила пять классов. В начале лета уехала в пионерский лагерь на Каменном мысу. Здесь меня и застало известие о начале войны. Пришел папа и потихоньку рассказал, что фашисты бомбили советские города. Попросил пока никому из ребят не говорить. Но уже буквально на следующий день стали приезжать родители за ребятами, забирать домой. Тем летом, после лагеря, мы помогали совхозу «Уралзолото» на Забельном, поливали капусту. А осенью, 1 сентября пошли учиться в свою школу – тогда еще ее не заняли под госпиталь. Я это точно помню, ведь моя мама, Антонина Ивановна Бобкова, была директором, а жили мы на квартире, которая располагалась в пристрое школы. В августе 1941 года из Ленинграда прибыла эвакуированная учительница немецкого языка с сыном. Их поселили по соседству с нами. Так вот учительница эта, не помню ее имени, была очень

хорошим преподавателем, уроки были интересными. Мне так понравился немецкий язык, а вела она у нас уроки еще в здании школы №3, которое позже заняли под госпиталь. Это было летом 1942 года...». Вспоминает Зоя Александровна и то, как навещали школьники раненых бойцов в госпитале: «Наши девочки – сестры Галя и Нина Байбородины, Тамара Воронова очень хорошо пели под аккомпанемент гитары, сами и играли на гитаре. Так вот, они частенько ходили в госпиталь. Пели солдатам. Принимали участие и другие ребята, тоже пели, танцевали. Те раненые, кто мог ходить, собирались в холле на импровизированный концерт, а чтобы тем, кто не мог ходить, были лежачими, было слышно – открывали в палаты двери. Выступали перед бойцами и с различными сценками». В архивах Невьянского историко-архитектурного музея хранится фотография, на которой запечатлен один из таких концертов. Учащиеся школы №3 выступают перед ранеными в госпитале (1942 год) со сказкой «Репка». Кроме того, по воспоминаниям З.Субботиной (Бобковой), школьники помогали госпитализированным читать письма от родных, писать весточки домой, читали вслух книги.

О том, что в годы Великой Отечественной войны в Невьянке были организованы госпитали №2545 и 5924, знали учащиеся всех школ города. Именно они восстанавливали историю этих госпиталей, вели поиск тех, кто работал в них, кто лечился...

Вот, что вспоминает Лидия Анфимовна Рогожина: «Нас было три подруги: я, Лина Бархатова, Аня Колапова. Мы часто приходили после работы в госпиталь, размещенный в здании техникума. Читали раненым книги, газеты, приносили игры. Любимым местом отдыха больных был городской сквер, куда из всех отделений стекались раненые, и там всегда было многолюдно. Запомнили Соколянского с Украины, Федю Солдатова из Куйбышева, Петра Фроловича».

Часто этот госпиталь навещали учащиеся начальных классов школы №12 со своей учительницей Маргаритой Ивановной Мальковой. Раненые любили малышей, уводили к себе в палаты и долго не отпускали. Часто ребяташки устраивали концерты, пели и плясали. При школе №12 был создан хор, которым руководила Мария Павловна Баранова (она же была и аккомпаниатором). В госпитале ребята лихо и задорно отплясывали «Эстонскую польку», украинский «Гопак», «Лявониху». Любимыми песнями ребят были «Священная война» и «Катюша».

В 1942 году был направлен в госпиталь, что разместился в школе №1, политруком Виктор Григорьевич Юсов: он был ранен в ногу. После выздоровления воевал и погиб 30 января 1945 года под Кенигсбергом.

Елена Меркурьевна Лаврова не была на фронте, не слышала грохота снарядов и свиста пуль. Но она видела кровь и страдания тех, кто еще недавно был там, на передовой. С сентября 1943 года до мая 1944 года Елена Меркурьевна работала врачом-ординатором в госпитале, что размещался в здании школы №1. В 1943 году Елена Лаврова окончила Свердловский медицинский институт. Почти все однокурсники сразу ушли на фронт, а ее отправили в тыловой госпиталь. На руках было двое детей и... похоронка на мужа, Бориса, тоже врача, выпускника этого же института, погибшего в самом начале войны под Севастополем. «Работать приходилось с утра до вечера. В госпитале лежали в основном тяжелораненные с ампутацией верхних и нижних конечностей. Все классные комнаты школы оказались заполнены до отказа, в каждой стояло по 30-40 коек, расположенных так тесно, что между ними было трудно пройти. Квалифицированных врачей тогда не хватало, в госпитале работало лишь несколько хирургов, эвакуированных из Львова. Начальником госпиталя была Елизавета Константиновна Калашникова. Медсестрами были: Елизавета Романовна Смирнова, Люба Белоусова, Лидия Шапошникова, Ася Охохонина. В день обычно делали по 70-75 перевязок и до двух десятков переливаний крови. И все-таки основным методом лечения оставались операции, к которым готовились особенно тщательно. Нагрузка на врача была 75-80 раненых. Раненые поступали в тяжелейшем состоянии, с обширными ранами. Тщательно изучалась вся первичная поэтапная документация. В госпитале широко применялись новейшие препараты того времени: сульфидин, красный и белый стрептоцид, физиотерапия. Самое главное – было необходимо вселить надежду на выздоровление, помочь раненым найти место в жизни, вернуть к общественно-полезному труду, т.к. большинство раненых нашего госпиталя получали инвалидность. Запомнился случай с раненым, который очень тяжело переживал свое ранение, психическая подавленность тормозила лечение. Но, выяснив, что он любил музыку, хорошо играет на баяне, через шефов приобретается инструмент. Играя задушевные мелодии, он воспрянул духом сам и поднимал настроение своих товарищей».

Самоотверженно трудились медсестры. Среди них: Смирнова Е.Р., Иванова З.Н., Пospelова Л.Г., Штильман В., Одинцева Ф., Белоусова Л., Новикова Л., Ширяева З.К., Охоxонина А., Мичкова Р., Богатырева А., Трифонова М.К., Спицына Н.Г., Малькова М.И., Константинова К.П., Широкова М., Фролова М.Н., Мьявря Л., Родина В., Новак М.

Из воспоминаний медсестры госпиталя Спицыной Нины Григорьевны: «Я работала палатной медицинской сестрой в палатах №5, 6, 7 на втором этаже. В трех палатах было около 100-110 раненых. В мою обязанность входило выполнять все назначения врача. Делала уколы, перевязки, давала лекарства, кормила в палатах тех, кто не мог двигаться. Носили на носилках раненых на перевязки, на операции, мыли их. Помощником моим была няня, которую звали тетя Маша. Читали книги, писали письма домой, даже закручивали папироски (помню, у меня никак не получалось, тогда больные смеялись)».

Большую помощь в работе госпиталя оказывали девушки-сандружинницы. Для пополнения госпиталя средним медицинским персоналом в Невьянске были организованы курсы медицинских сестер, которыми руководила Гуревич Н.И. Занятия вели Хоробрых О.А., Тюленев М.Н., Коренькова Н.В., Полякова Т.А., Слобожанин И.С. Среди выпускниц курсов: Окалина З.И., Лысенкова Е.Д., Шубина К.Д., Непейна А.В., Константинова К.П., Напреенкова Н.И., Акатьева Е. и др. Ухаживали за ранеными и следили за чистотой в госпитале санитарки. Это Филяевских Т., Скороходова А., Карфидова Н., Зуева А., Жилик Н.Г. и др.

С организацией госпиталя медики были переведены на казарменное положение. Казармы находились в здании по улице Комсомольской. Медсестры и сандружинницы учились. Много времени уделялось военной подготовке. На занятия ходили с песней «Священная война». С помощью девушек и домохозяек, которыми руководила жена директора завода Бунина, были подготовлены помещения под госпиталь. Классные комнаты превратились в больничные палаты. Мыли полы, окна, белили стены, расставляли мебель, готовили операционную, подсобные помещения.

Окончили курсы сандружинниц в 1942 году Мария Георгиевна Солдатова и Анна Михайловна Морозова. Обе они работали токарями, а после работы шли в госпиталь, расположенный в школе №2, где перевязывали раненых. М.Г.Солдатова до сих пор помнит раненого матроса Колю Климко, который напевал:

«Ленинград не отдадим и славную столицу.

Через речку перейдем и станем на границу.

Не плач, не рыдай, моя дорогая.

Если в море утону, знать судьба такая».

Сегодня многое уже невозможно восстановить. Практически не сохранилось имен раненых, лечившихся в госпитале в здании школы №3 Невьянска, с каких фронтов они прибывали. Удалось разыскать в «Книге памяти» только две фамилии – Семен Владимирович Мандеблат. На фронте он был с первых дней войны, оборонял Киев, Харьков, Сталинград, Ленинград. В 1944 году, будучи раненым в третий раз, был направлен в Невьянск, в госпиталь, размещенный в здании школы №3. Василий Георгиевич Потаскуев был тяжело ранен в левую руку 16 сентября 1943 года под Оршей. Лежал в госпиталях Смоленска, Москвы, Павлова-Посада, затем был переведен в Невьянск. Лечился, а после работал шофером при госпитале: возил продукты из Нижнего Тагила вместе с экспедитором Редько. Василий Георгиевич помнит начальника госпиталя майора Азарха, главного хирурга О.Х.Игеля, начальника медчасти Л.А.Шварцмана, начальника продовольственной части Слуцкого, зав. продовольственным складом Семена Ваганова.

Интересен и тот факт, что с гастролями перед ранеными выступали не только учащиеся школ, но и почти профессиональные артисты – участники Невьянского драмтеатра, труппа которого работала на первом этаже клуба Мартьянова. Так (по материалам газеты «Звезда» от 8 августа 1996 года) в театре действовала концертная бригада, исполняющая сценки из спектаклей, фронтовые песни. С этой бригадой выступала аккордеонист Людмила Константиновна Никольская. В 1941–1944 годах Невьянский драмтеатр поставил 446 шефских спектаклей и концертных. Из них в госпиталях и воинских частях – 222, в цехах завода – 97, в посевную и уборочную кампании – 127. Одним словом, лечили не только медикаментами, но и добрым словом, и позитивными эмоциями, и просто человеческим вниманием.

Не обходилось и без курьезов в те трагические дни. Так, в своих воспоминаниях невянский краевед, тоже в свое время учившийся в школе №3, Василий Александрович Замоткин, пишет: «В годы войны в зданиях трех школ №1,2,3, техникума были госпитали. Чтобы облегчить состояние раненых, для них школьники и заводчане организовывали выступления, исполняли песенки, частушки, помогали, чем могли. Как-то после выступления двое дружков,

усталые, решили отдохнуть на крыльце дома, да и уснули. Объезжавшие дежурные по городу думали, что они замерзли и умерли. У одного в руках была балалайка. Он ее так крепко держал, что не могли взять. Погрузили их и увезли в морг, где пареньки очнулись среди мертвецов, а дверь закрыта. Что делать? Надо как-то дать о себе знать. Один взял какую-то железяку и стал набрякивать, другой – играть на балалайке. О том, что кто-то в морге живой, сообщили в больницу. Уборщица пришла, открыла дверь – на нее и упали два мертвеца, которых к двери поставили оттаявшие смельчаки. Перепуганная женщина упала в обморок, а мальчишки выскочили – дуй не стой. Удрали! Хорошо, что в этот день была переходная смена, не было опозданий и прогула».

Многим раненым удалось спасти жизнь в Невьянских госпиталях, пусть искалеченные, но живые, они вернулись к родным, строили новую жизнь, создавали семьи, рожали и растили детей. Но были те, кто навсегда остался в Невьянске посмертно. Им не смогли помочь, их раны были слишком тяжелыми. Но память о них, оставшихся так далеко от своих родных, тоже хранится в Невьянске – на кладбище установлен памятный знак над братской могилой «Участникам Великой Отечественной войны, умершим от ран в госпиталях»...

9 мая 1975 года в 12 часов дня на городском кладбище на братской могиле открыт памятник солдатам, умершим от ран в госпитале г.Невьянска. На митинге выступил председатель Совета ветеранов войны, подполковник в отставке Юрий Петрович Башкатов, секретарь исполкома, участник Великой Отечественной войны Валентин Максимович Бобровников. Покрывало с памятника снял заместитель председателя горисполкома Дмитрий Дмитриевич Арсеньев. На памятнике начертаны фамилии 10 похороненных в братской могиле бойцов.

На открытие памятника из городов Омска и Моздока приехали дети (дочь Серафима и сын Артем) сержанта Архипа Еремеевича Цатурова, проживавшего до войны в Северо-Осетинской автономной республике, умершего от ран в госпитале г.Невьянска 18 мая 1944 года и похороненного в братской могиле. Их приезд состоялся благодаря поисковой работе научного сотрудника музея Риммы Ивановны Плишкиной. Семья получила известие, что А.Е.Цатуров пропал без вести. Жена его умерла в 1943 году. Пятерых детей судьба раскидала по разным местам. Трое попали в детский дом. К

сожалению, больше никого из родственников похороненных воинов найти не удалось.

Источники:

1. Архивы музея школы №1.
2. Воспоминания жителей Невьянска Воложанина В.С., Субботина З.А. и Скороходова Н.В.
3. Газета «Звезда»: 18 ноября 1975 г., №135; 15 мая 1980 г., №58; 7 мая 1985 г., №55; 23 августа 1988 г., №101; 6 мая 2011 г., №18; 9 апреля 2015 г., № 15.
4. Газета «Возрождение Урала» №46, 2014.
5. Материалы научно-практической конференции «Пятые Невьянские исторические чтения». Невьянск. НГИАМ, 2011.
6. Памятные места Невьянского городского округа. Невьянск, 2010.
7. Память. Том 2. Невьянцы на фронтах Великой Отечественной. Невьянск. ГКОУ СО «Невьянская типография», 2000.
8. Память. Том 3. Пусть помнит мир спасенный. Невьянск. ГОУП «Невьянская типография», 2001.

Новиченков Николай Николаевич

«Дело Романовых» 1600–1601 гг. и судьба романовских слуг в Сибири

7 января 1598 г. скончался последний царь крови Рюрика и Владимира Мономаха – Федор Иоанович. 26 февраля 1598 года Москва встречала нового царя Бориса Годунова. После пресечения династии Рюриковичей реальными претендентами на трон могли стать бояре Романовы, которые приходились родственниками угасшей династии по первой жене Ивана IV. Желая основать новую царскую династию, Годунов устранял конкурентов. Романовых и их родственников взяли под стражу, пытали, выслали по приговору из Москвы в отдаленные места и постригли в монахи. Зимой 1601 г. через Верхотурье к месту ссылки прошли дядя будущего царя династии Романовых — Василий и Иван Никитичи¹.

Вместе со своими хозяевами в той или иной степени пострадала вся дворня многочисленной семьи Романовых. Кто-то в ходе следствия по делу «волшебных корешков», несколько мешков которых заготовили слуги Романовых якобы с целью отравить Годунова, кто-то по делу самозванца Гришки Отрепьева, который жил «у Романовых во дворе». Слуг допрашивали, пытали, требуя дать

показания на хозяев. Вскоре через Верхотурье в Сибирь были отправлены многие из дворовых людей, сохранившие верность своим хозяевам и не захотевшие очернять их на следствии. Если следствие над Романовыми проходило в ноябре 1600 года, то уже в декабре 1600 года через Верхотурье в Сибирь проследовала партия «колодников», в составе которой были «Олександровы люди Романова Лукьянко Секиотов, Смирка Горяинов, Петрушка Шаров да Доводин Семен»². Самого Александра Никитича Романова сослали к Белому морю, а его люди провели достаточно долгое время в верхотурской тюрьме. В режиме содержания «транзитных» ссыльных верхотурским воеводам предписывалось «держать новоприсланных ссыльных до отпусков в низовые Сибирские города в той тюрьме с великим бережением... а для прокормления, буде пристойно будет, тех ссыльных людей поочередно выпускать человека по 2 и по 3 и по 4 скованных, за приставом в день, а к ночи по-прежнему их сажать в тюрьму»³.

В грамоте Бориса Годунова от 7 апреля 1601 года, адресованной верхотурскому воеводе князю М.Д.Львову и письменному голове У.В.Новосильцеву, указывалось по прибытии в Верхотурье партии ссыльных, «Микифора Емельянова да Чюдова монастыря слушку Нефедка Ефтифееваз женами и з детми, да Иванова человека Романова Неведомка Пухова», переправить этапом в Тобольск⁴. Какое-то время Пухов сидел в той же верхотурской тюрьме, что и Иван Никитич Романов несколькими месяцами ранее по пути в ссылку в Пелым. Вероятно, преданный Романовым слуга Неведом Пухов был мелкопоместным служилым землевладельцем, попавшим в дворню к И.Н.Романову (о возможном происхождении Неведома Пухова из служилых «по отечеству» свидетельствует и весьма редкая для простолюдина ономастика, и тот факт, что на месте ссылки он служил в чине сына боярского)⁵.

После воцарения Михаила Федоровича Романова, Неведом приехал в столицу, рассчитывая на «пожалование» из опалы, но был отправлен обратно в Сибирь с указанием «по-прежнему» служить в Березове. Очевидно, основателей новой царской династии судьба бывшего слуги не интересовала, либо интересовала меньше, чем нехватка служилых людей в Сибири. Вероятно, большинство бывших романовских слуг осталось в Сибири навсегда. Так, например, упомянутого выше дворового человека А.Н. Романова Петрушку

Шарова в 1636-1637 г. мы находим среди конных казаков тобольского гарнизона⁶.

Примечания:

¹ Новиченков Н.Н. «...На Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую...» История пенитенциарных учреждений города Верхотурье (1598–2010). — Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2012. — С.18.

² Копийная книга «о опальных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии А.В.Полетаева. — Екатеринбург, 2014. — С. 10.

³ Новиченков Н.Н.«...На Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую...» — С.18.

⁴ Новиченков Н.Н. «От Царя и великого Князвсеа Руси...в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим...» Верхотурские воеводы XVII в. — Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2013. — С.30.

⁵ Копийная книга « о опальных людех»... — С.210.

⁶ Копийная книга «о опальных людех»... — С.210.

Погорелов Сергей Николаевич

**«Музеи под открытым небом» и другие проекты.
Возможности и формы сохранения и использования
объектов культурного наследия (по материалам средне-
уральских историко-этно-археологических исследований)**

Вопросы выявления, изучения и сохранения разнотипных объектов культурного наследия всегда являются актуальными и проблемными. Рассмотрение и решение многих задач в этой сфере особенно в последние десятилетия обострилось до крайности. Часть из них вообще заходят в тупик. Определим некоторые направления и приведем ряд конкретных примеров.

До выхода Федерального закона №245 (2013 г.) в течение 150 лет понятие археологических памятников укладывалось в рамки палеолита – позднего средневековья (до XVII в.), после – границы стали плавающие – «все, что старше 100 лет». На сегодняшний день эти рамки – по 1915 г. Такое «странное» разграничение создало большие проблемы, как для археологов, так и для «обездоленных» этнографов, не говоря уж о любых строителях. К историко- или этно-археологическим объектам относились различные объекты культурного наследия датируемые последними веками нашей эры.

Условно они подразделяются на недвижимые и движимые. Первые это сооружения разной сохранности, от фактически целых или частично разрушенных материальных объектов сохранившихся на поверхности земли или в земле, и до следов в рельефе или стратиграфии, планиграфии, в том числе антропогенные прослойки культурного слоя. К движимым объектам, относятся артефакты любых размеров доступные к перемещению.

Большинство древних стоянок, поселений, святилищ, могильников после их изучения исчезают вследствие разборки культурного слоя. Следы от хозяйственных ям, столбовых конструкций, землянок, очагов, могил и даже незначительные каменные выкладки остаются на историческом месте, но уже бывшего памятника. И если он изучен полностью то эти объекты формально исчезают, как и памятник. Коллекция артефактов и созданная документация в течение трех лет передается в госфонды. Сам археологический памятник уже не памятник и соответственно не охраняется. Котлован от раскопа закапывается, место на уровне микрорельефа фактически изменяется. Ямы и прочие небольшие объекты становятся недоступными к осмотру.

Другая ситуация с древними городищами, курганами, святилищами на возвышенностях, в том числе на скалах, и в пещерах. После их изучения сохраняются площадные рельефные остатки – валы и рвы, сами курганы с большими каменными выкладками, скальные нагромождения или каменные сооружения, пещеры. Такие объекты, потеряв культурный слой и содержимое, остаются доступными к осмотру памятниками древней истории и могут быть включены в структуру своеобразного «музея под открытым небом», войти в историко-культурный туристический маршрут.

Историко-этнографические объекты, сейчас уже включенные в сферу археологии также могут стать объектами или «музеями под открытым небом». К ним относятся, например участки на месте старых заводов с их плотинами, каналами и иным технологическим рельефом, каменоломни, карьеры, шахты и прочие выработки полезных ископаемых, углежогные курганы, дороги разного оформления, фортификации типа валов, рвов, траншей, мемориальные могилы и другие объекты имеющих характерный искусственный или видоизмененный природный ландшафт.

Но ряд старых историко-этно-археологических объектов часто не оставляют выраженного антропогенного рельефа, кроме порой

незначительного культурного слоя, например исчезнувшие остроги, деревни, производственные комплексы, скиты, погосты и так далее. В таком виде они не могут быть «музеями под открытым небом». Но особо значимые, связанные с известными историческими событиями объекты культурного наследия, возможно, отметить памятными знаками и также включать в историко-культурные туристические маршруты. Большие возможности по выявлению и обозначению исторических мест имеют территории населенных пунктов и тем более городов. Установить памятные кресты на местах некрополей и уничтоженных церквей, или иные знаки на важных в истории зданиях, местах событий и тому подобное. Кроме того в мире известны образцы создания научно-экспериментальных, музейно-промышленных и прочих объектов включенных и в сферу туризма. Например, новодельные поселки каменного века или деревянные крепости средневековья. Там работают ученые и в тоже время в эксперименте может принять участие любой человек.

В разряд особых объектов надо отнести военные объекты. Места боев времен средневековья, восстания Е. Пугачева и прочие ранние, и вплоть до событий восстания 1905-1907 гг. уже сейчас являются археологическими объектами. Территория сражений Первой Мировой войны также стала археологической. В 2018 г. в эту сферу войдет и Гражданская война в России и соответственно на Урале. В отношении к этим объектам применимы те же варианты использования, что и к выше описанным. Траншеи, ячейки, блиндажи и даже скопление воронок на местах боев могут быть оформлены как «музеи под открытым небом», поля сражений могут быть обозначены памятными знаками. Сохранилось еще не мало братских и иных могил погибших в Гражданскую войну. Эти объекты надо охранять и реставрировать. Почти все они посвящены красноармейцам, поэтому выявлять и мемориализировать братские могилы белогвардейцев и иных жертв войны еще предстоит.

Такова обобщенная картина историко-этно-археологических объектов расположенных в частности на Среднем Урале, возможностей их выявления, изучения, сохранения и использования. О потенциале, ресурсе этих объектов в нашем регионе, и что же происходит с ними в действительности, расскажем, приведя ряд примеров.

Повторим, что работа с ОКН важна не только для ученых, важнейшая задача это популяризация историко-культурного наследия

среди граждан. При этом получая знания о прошлом через «продажу услуг», сами ОКН должны формировать у человека историческое мировоззрение, вызывать уважение к достижениям предков, воспитывать патриотическое отношение к большой малой Родине. Что же мы можем предложить нашим землякам и гостям, в том числе и зарубежным. Какие «брендовые» исторические объекты у нас есть.

1. Начнем с древности. Например, мы просим показать нам наглядно, а не отдельные вещи в музеях, как жили первобытные аборигены Урала. Ответ – нет, показать нечего. На Западе уже десятки лет назад созданы натуральные копии древних поселений разных эпох. Ученые проводят там эксперименты, практически изучают, реконструируют далекую историю. В этих же поселках могут «по-первобытному» пожить любые туристы, семьей, школьной группой, индивидуально.

Последние 30 лет наши ученые бились с чиновниками за создание археологического историко-природного парка «Верховья р. Исеть». Это большая территория, где осью проходит река через ряд озер - Шитовское, Исетское, Верх-Исетский пруд. Здесь расположены более 150 археологических памятников, не считая памятников природы и истории. История сохранила для нас античные понятия Геродота о Рифейских горах и легендарном племени Исседонов. И это еще одна причина для создания такого парка. Но чиновникам этого не надо.

Также был разработан проект «Учебно-научного этно-археологического поселка с возможностью использования его для исторического туризма. Такой комплекс должен был включать ряд поселений, в том числе эпохи камня, бронзы, раннего средневековья аборигенов и русский острог. Был разработан перспективный детальный бизнес-план. Кстати в центре древнейшего поселения должна была быть установлена целая копия скульптуры знаменитого Шигирского идола из уникальных торфяниковых памятников Среднего Урала. Она была изготовлена, но вот уже 25 лет «погребена» в одном из древнейших заболоченных озер. Ведь чиновникам и это не надо.

2. Современный турист может задать вопрос – а покажите нам, как выглядели и действовали первые Уральские заводы Петра I, Демидовых, Яковлевых XVIII века? Но таких объектов не воссоздано. Наоборот последние следы исторического индустриального наследия

добиваются ежегодно. Русской уральской металлургии более 300 лет, ну и где начало?

Мы разработали проект архитектурно-промышленного научно-исторического и туристического комплекса представляющего из себя русскую крепость-острог окружающую Уктусский завод, основанный в 1702 г. по Указу Петра I. Это завод железоделательный, медеплавильный, военный, лесопильный, кожеделательный. Он же первый в российской империи золотопромывальный. При этом реконструировалась плотина XVIII в., заполнялся водой заводской пруд, по нему передвигался барк, перевозящий кораба с углем и рудой. Восстанавливался шлюзовой вешняк, он же мост, соединяющий дорогой часовню и каменный храм на разных берегах. Также строился ларь и ряд цехов по производству железа, меди, золота. В разных строениях располагались музейные залы, участки экспериментального производства и многое другое, что доступно и ученым, и туристам, и учащимся. Но чиновникам это не надо, как и крутому металлическому бизнесу.

3. Близкий, по сути, вопрос вновь задают любопытные туристы. А как выглядели знаменитые Уральские «чудские» копи, первые русские рудники железа, меди? А ведь на Урале впервые в России открыли рудное, а затем россыпное золото?! А кто это открыл, как это делалось? Но опять показать фактически нечего, услуга не оказывается (Березовчане пытаются).

А ведь нам и ряду любителей истории известны места, где сохранились старинные рудники, штольни, шахты. Мало того там и артефакты еще сохранились. У нас разработан проект не только научных изысканий, но и проект разработки специального историко-туристического маршрута по таким местам, которые можно превратить в «музеи под открытым небом». Кроме того ряд ближайших к Уктусскому заводу железных, медных и золотых рудников можно оформить как архитектурно-промышленные, научно-экспериментальные, и естественно туристические комплексы. Но чиновникам это не надо, и бизнесу тоже.

4. Упомянем и наши работы по изучению и перезахоронению останков Великого открывателя россыпного золота России Л.И. Брусницына. Нам удалось впервые на Урале восстановить по черепу облик исторической личности мирового уровня, но уже 7 лет энтузиасты, краеведы г. Березовского не могут найти средства для создания металлического бюста государственного старателя. Вообще

решить вопрос об его увековечивании, назвать его именем улицу, премию, медаль, да хоть что-нибудь! Воссоздать разрушенный в революционные годы начала XX в. его надгробный памятник, взять его под охрану, сделать мемориальным! И не только ему одному. Нам удалось найти могилы наших мэров – Городских голов Екатеринбурга, высших чиновников погребенных у нас – Помощников главного Горного Начальника Уральских и Сибирских заводов, и даже знаменитого ученого-энциклопедиста Н.К. Чупина. Но чиновникам это не надо и бизнесу тоже.

5. А покажите нам наглядно знаменитую архитектуру и материальную культуру известного горного и усадебного города Екатеринбурга, например, вновь спрашивает любознательный гражданин.

Да-а, вопрос. Ведь у нас в городе за 20 лет уничтожили не только практически всю историческую средовую застройку, но и за сотню историко-архитектурных памятников. Не так давно снесли одну из усадеб знатнейших купцов Рязановых на советской улице Салтыкова-Щедрина, оно входило в десятку первых (конец XVIII в.) каменных гражданских зданий Екатеринбурга. А как выглядит их большая усадьба на ул. Куйбышева? Даже единственная того же времени, территориально сохранившаяся усадьба купцов Расторгуевых с парком и прудом на Вознесенской горке, и то не восстановлена полностью. Ротонду снесли и не восстановили, подземный винный погреб со сводчатыми залами разваливается. А ведь этот дворец достраивал знаменитый уральский архитектор М.П. Малахов. Ведь его классика многим симпатичнее раскрученного сейчас практичного конструктивизма. В начале XIX в. он возвел комплекс каменных зданий госпиталя Верх-Исетского завода – красота, но не сейчас. Здание уже много лет гниет под «временной» дощатой крышей, ведь старый купол давно снесли, а фасад завесили тряпичной картинкой. Не лучшая ситуация с монументальной Конторой Верх-Исетского завода, и другими памятниками.

Областной музей и не только обладает экспонатами последних столетий, но насколько интереснее и практичнее было бы осуществление проекта по созданию архитектурно-исторических музейно-туристических комплексов – кварталов «Старого города», где не только бы работали тематические музеи, традиционные промыслы, но и можно было бы пожить в крестьянском дворе, мещанском доме или дворянской усадьбе купца или горного офицера.

Но это чиновникам не надо, у них с бизнесом наверно свои дворцы и усадьбы имеются, где можно пожить в соответствующей обстановке.

Не стоит забывать наши исследования на месте Командирского двора первой половины XVIII в. Командира Уральских и Сибирских Заводов Н.Г. Клеопина. Мы собрали не только уникальную коллекцию артефактов, но и нашли хозяйственное бревенчато-плаховое сооружение 1720-х гг., с двумя коваными лопатами, лежащими под её полами, именно ими строили Екатеринбург. Сделать из объекта «музей под открытым небом» не удалось по известной причине.

Не смогли спасти от чиновников и строителей и две Главные усадьбы Командиров Г.В. де Геннина и В.Н. Татищева. Первую построил Геннин, используя для фундаментов собранные дикие камни, ведь каменоломен еще не было. Вторую отстроил Клеопин к середине XVIII в. уже на гранитных блоках – каменоломни работали. Почти весь археологический культурный слой территории усадеб уничтожили в 2010 и 2012 гг.

6. Да, кстати, опять вопрос к месту. А как действовали знаменитые Уральские каменоломни? Ведь не только малахитом мы были славны, но и яшмой, родонитом, мрамором, известняком. Ведь все шло на строительство Санкт-Петербурга и Московских дворцов и многого другого. А не забыть бы и главный камень Урала – гранит! Стены и фундаменты всех зданий, полы, лестницы, сводчатые подвалы, столбы оград, брусчатая мостовая, плитчатые тротуары, подземные каналы ливневки, надгробные склепы и памятники, мосты и так далее – все из него.

Мы разработали проект не только по созданию музейной экспозиции, но и оформлению ряда каменоломен XVIII – XX вв. как «музеи под открытым небом». С возможностью научно-экспериментальных работ, то есть как для ученых, так и туристов. Но чиновникам это не надо.

7. Вдогонку вопросы, например о знаменитом Екатеринбургском – Исетском монетных дворах? А ведь мы откопали фундаменты строений Двора XVIII в. – «обыскательной комнаты», «амбара готовой продукции», медеплавильного цеха. Даже нашли тигель для плавки меди, кружки-заготовки для медной монеты и медную бирку с клеймом для пломбирования упаковок с готовыми монетами. Кстати найденные утерянные 100 лет назад останки – могилы Помощников Горного Начальника, принадлежат одновременно известным

минцмейстерам Екатеринбургского Монетного двора – Ивану Фелькнеру и Ивану Колобову.

8. А именитая Екатеринбургская Гранильная фабрика? Ситуация такая же бесперспективная. Отмечу что сейчас «решается вопрос» об уничтожении могилы известного управляющего Фабрики генерала Вейца. Он еще покоится на многострадальном Втором Немецком кладбище на ул. Блюхера. Парк с могилами уже лет десять пытаются и даже частично уничтожают. Непосредственно сейчас «одержимые лютеране» хотят построить свою церковь на могилах единоверцев, за одним прихватив участки католиков и иудеев.

9. А сколько еще могил предков разрушили и осквернили, и продолжаем это делать. Вспомним первое «Заречное» православное кладбище Екатеринбургской крепости, также два Богоявленских, погост у Екатерининского собора, Успенский некрополь, древний Уктусский и другие. А недавно первое Нагорное Всехсвятское кладбище Верх-Исетского завода опять осквернили. Помянем и 14 наших мэров – Городских голов, и других представителей знаменитых купеческих родов ведь совсем недавно их могилы были осквернены и уничтожены с большей частью Старобрядческого Рязановского некрополя, что в квартале улиц Тверитина-Луначарского-Большакова. Есть и несколько хороших примеров. Один из них. Мы нашли потерянную в революционные годы могилу настоятеля храмов Большого и Малого Златоуста, попечителя духовных училищ, многократного кавалера ряда орденов, гласного Городской думы, протоиерея награжденного золотой митрой – Иоанна Денисовича Знаменского (+1910 г.), и добились сохранения его могилы на историческом месте – рядом со старым храмом, и недалеко от нового. А вот создать из найденного нами и чудом сохранившегося от чудовищного взрыва алтаря с престолом Большого Златоуста – «музей под открытым небом» не удалось. А ведь был бы показательный объект – гранитные фундаменты шириной 2,75 м, глубиной 10 м, чем не «античные» развалины. Да еще находки бы выложили в музейном павильоне...

10. А идея создания историко-ландшафтного музея-заповедника «Старая Коптяковская дорога, место уничтожения и сокрытие тел царской семьи императора Николая II и его приближенных» раскачивается уже 24 года. Уже район Четырехбратского рудника с Ганиной ямой полностью застроили, не закончив научные изыскания. Старую Коптяковскую дорогу, идущую от железных рудников и

углежогных мест к Верх-Исетскому заводу с 1726 г. – заасфальтировали, не проведя научных изысканий. Печальный Поросенков лог и окружающий лес с прахом царской семьи чуть не застроили современных кладбищем, отстояли пока.

Скоро круглая черная дата начала Гражданской войны на Урале. 1918 – 2018 гг. Попытка не разжигать национальную и гражданско-социальную ненависть пытаясь замолчать и забыть историческое прошлое? Сомнительное это дело. Мы разработали проект комплексного научного исследования всех мест связанных с этой войной на Среднем Урале. Предложили создать историко-туристический объект и маршрут. Один из «Музеев под открытым небом» должен включать оборудованные траншеи, ячеечные окопы, ночлежки, блиндажи, воронки от артиллерийских снарядов. При этом с возможностью пожить в таких условиях, и так далее. При этом создание этого планировалось в древнейшем городе нашей области – Верхотурье, где в 1918 г. произошло позиционное сражение, длившееся почти два месяца! Но чиновникам опять ничего не надо. А нам надо?

Катастрофических примеров множество, перечислены одни из самых печальных, и они в основном Екатеринбургские. Не лучше ситуация в других «уже» не исторических городах области.

Уральские специалисты, профессионалы – историки, археологи, этнографы, всю жизнь выявляющие, изучающие и сохраняющие нашу историю, богаты знаниями и могут разработать десятки интереснейших проектов и оказать помощь в их осуществлении. Эти проекты и созданные объекты помогут не только широко и всесторонне представить нашим гражданам все разнообразие культурного наследия, но и соприкоснуться с самой историей начиная от каменного века и вплоть до XX в.; не только пополнить знания о прошлом человечества и своих предках, не только воспитать гордость за достижения и преодоленные трудности наших предшественников, не только развить патриотизм по отношению к Родине малой и большой и так далее, но и на высоком и конкурентном уровне представить себя перед другими государствами и народами мира, при этом получая немалые материальные доходы от столь популярного направления в бизнесе, как туризм с историческим лицом. Но...

Земская агрономия после Февральской революции 1917 г. (на материалах Пермской губернии)

С первых дней существования органов местного самоуправления в Российской империи, важнейшими вопросами, поставленными перед ними правительством, были проблемы социальной защиты населения и помощи гражданам по насущным вопросам. Сюда входило создание развитой системы здравоохранения, противопожарные меры, социальное страхование, ветеринария, агрономия и т.д. Именно поэтому эти вопросы до сих пор вызывают пристальное внимание учёных.

Тем не менее, за весь период изучения земства и городских дум вышло лишь несколько работ, в которых сделана попытка подробно проанализировать политику местного самоуправления в хозяйственной сфере, как в масштабах страны, так и на региональном уровне.

Первые такие исследования начинают появляться сразу после Гражданской войны в России в 1920-е гг. Среди прочих выделяются работы Н.Е.Какурина. Наибольший интерес представляет его двухтомная работа «Как сражалась революция»¹, в которой он подробно рассматривает ход Гражданской войны на всех фронтах. Будучи прежде всего военным историком, Н.Е.Какурин практически не уделяет внимания общественно-политической жизни в 1917 г. Однако автор рассматривает хозяйственную организацию тыла, поднимает вопросы снабжения армии. В рамках этих тем в его работах уделено, в том числе, внимание земству и городскому самоуправлению. Автор при этом лишь поверхностно касается их деятельности. В дальнейшем долгое время не выходило работ, в которых отдельным вопросом рассматривалась бы хозяйственная деятельность земства и городских дум.

Впервые за долгое время эта тема была поднята в работе В.Ф.Абрамов². Автор попытался охватить всю деятельность земства с 1864 г. по 1917 г. в масштабах всей страны. По интересующему нас периоду после Февральской революции приводятся лишь отдельные отрывочные сведения. Кроме того, в его работе не была затронута деятельность городских дум.

Большой вклад в уральскую историографию периода Революции и Гражданской войны внесли работы челябинского историка И.В.Нарского, и прежде всего его монография «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг.»³. Автор одним из первых на Урале стал применять методологию «история повседневности». Новаторский подход и привлечение широкого круга новых и малоизученных источников делают эту работу одной из самых значимых в рамках исследуемого периода. Отдельно стоит отметить попытку автора вписать уральские события в общероссийский и общемировой исторический процесс. Большое внимание И.В.Нарским было уделено и местному самоуправлению. Однако историк уделял внимание прежде всего социальным и хозяйственно-экономическим аспектам деятельности земства и городских дум.

Разработка проблемы была продолжена в статье известного российского историка земства Г.А.Герасименко в коллективном обобщающем труде «Земское самоуправление в России 1864-1918 гг.»⁴. Автором проделана большая работа по систематизации изученного материала. Проанализировано общее состояние местного самоуправления в 1917 г.. При этом работа посвящена прежде всего деятельности земств, роль городского самоуправления практически не раскрыта. Поскольку работа носит обобщающий характер, автор даже не затрагивал региональный аспект.

Земскую деятельность на Урале рассматривала в своих исследованиях О.В.Ярома⁵. Пристальное внимание автором было уделено региональным аспектам. Однако хронологические рамки этого исследования были ограничены февралём 1917 г. Революционные изменения не нашли отражения в трудах О.В.Яромы. Кроме того, автор рассматривала деятельность городского и земского самоуправления в отрыве друг от друга.

Таким образом, обширная историография земского самоуправления лишь косвенно затрагивает влияние революционных изменений в стране на традиционную хозяйственную деятельность органов местного самоуправления. Вместе с доступным сегодня обширным корпусом источников, как опубликованных, так и не введенных в широкий научный оборот, это делает проведение исследований по данной теме особенно актуальным.

С момента образования одним из основных направлений деятельности для земства была агрономия. Крестьянство составляло большую часть населения Пермской губернии, поэтому аграрный

сектор привлекал особое внимание гласных. В губернии ещё до революции была налажена система помощи крестьянам по вопросам обработки земли. Непосредственно после революции эта работа активно продолжается.

Первоочередной задачей для органов местного самоуправления стало создание рациональной, эффективной системы управления сельским хозяйством⁶. Для решения этой проблемы гласные прилагали немало сил и средств. Земскими собраниями с этой целью принимались программы работ по улучшению сельского хозяйства в уездах. Они реализовывались имеющимися в распоряжении земских управ средствами. Так, для этого специально действовала агрономическая служба. При губернских и уездных управах предусматривалось обязательное создание агрономических и ветеринарных отделов, целью которых было не только осуществлять контроль, но и оказывать непосредственную практическую помощь крестьянам в ведении сельского хозяйства. При непосредственном участии органов местного самоуправления была создана многоуровневая структура экономических органов, которые могли гибко реагировать на постоянно меняющиеся нужды населения, а значит, и содействовать развитию крестьянских хозяйств.

Основу агрономического отдела составляли агрономы различных региональных уровней: губернский агроном – уездный – участковый агроном с помощником. Для решения насущных проблем они ежегодно собирались на агрономические съезды, по мере необходимости созывались агрономические совещания. Второй уровень агрономического отдела составляли уже узкие специалисты: мастера и инструкторы по различным отраслям сельского хозяйства. Они занимались созданием и развитием опытных показательных участков, полей, организацией и проведением выставок. Кроме того, мастера устраивали сельскохозяйственные курсы, содержали склады для хранения семенных материалов и их дальнейшего распространения среди крестьянства и др. По аналогичной схеме создавалась ветеринарная служба, главным предназначением которой являлось оказание содействия крестьянству в развитии перспективных пород молочного и мясного крупного рогатого скота, лошадей, овец.

Весна – это начало посевного сезона, время очень важное для крестьян, т.е. для большей части страны. Органы местного самоуправления ведут активную работу по помощи населению Пермской губернии. Так, в официальном вестнике пермского земства

газете «Пермская земская неделя» в одном номере читаем статьи о февральских событиях в Петрограде, об изменившемся положении земства, и в то же время не менее важное, а может даже и более значимое для крестьян объявление: «Пермская Губернская Земская Управа уведомляет население о продаже семян огородных растений, кормовых трав и корнеплодов и просит за заказами лично и письменно обращаться заблаговременно по адресу: Губернская Земская Управа, отдел луговодства»⁷. Здесь же опубликованы расценки на предлагаемые семена. Цены при этом были ниже рыночных.

Интересным фактом является инициатива земства по развитию сельскохозяйственных знаний не только среди русских крестьян, но и среди инородцев⁸. Сначала Красноуфимская управа, а затем и управы других уездов Пермской губернии, стали распространять «в целях развития домашнего огородничества» специальную литературу среди инородцев на их родном языке. В Красноуфимском уезде была даже учреждена должность огородника из башкир, владеющего татарским языком. При этом остро встал вопрос об отсутствии переводной литературы. Губернское земство вынуждено было сделать заказ в книгоиздательство Казани о печати брошюры по огородничеству на татарском языке.

Весной 1917 г. в Кунгуре была реализована идея создания на основе учебных заведений трудовых сельскохозяйственных дружин⁹. Ведение этими дружинами было отдано Кунгурской продовольственной управе. Ученики добровольно записывались в эти отряды. Они полностью обеспечивались инвентарём и под руководством преподавателей отправлялись работать в сельскую местность. Таким образом, предполагалось обеспечить крестьянские хозяйства рабочей силой в интересах уборки урожая, сохранения животноводческой продукции, особенно на территориях бывшего помещичьего землевладения. Подобная инициатива земства должна была в условиях войны обеспечить деревню рабочей силой, тем самым решить важные задачи обеспечения страны и армии хлебом. Сегодня такие дружины можно сравнить со студенческими стройотрядами, движение которых становится всё более массовым и востребованным в нашей стране.

В обязательном порядке земство беспокоилось и о внедрении сельскохозяйственной техники на селе. При этом речь шла как о заводской технике, так и об образцах, предоставленных

специалистами земства и читателями Пермской земской недели. Так, например, крестьянам Пермской губернии предлагается использование переносной сушилки для овощей, ягод и лекарственных растений¹⁰. Образец был предоставлен заведующим отделом при Мотовилихинском сельскохозяйственном обществе Г.Муртазиным. В статье приведена смета (без указания цен, «ввиду сильного колебания цен на материалы и рабочие руки») и детальная схема сборки сушилки.

Для оптимизации затрат в аграрном секторе земства использовали разные методы. Так, например, земство Кунгурского уезда в январе 1918 г. передало на места волостным земствам право распоряжения сельскохозяйственными машинами¹¹. Предполагалось, что на местах было бы проще распределить имеющиеся в наличии средства и направить их на решение насущных задач. Но ещё более важной задачей, чем внедрение техники, для земства было обеспечение этой техники грамотными кадрами. Поэтому Пермское земство открывает специальные «курсы по сборке и обращению с уборочными машинами»¹².

Регулярно на страницах земской печати публикуются заметки о модернизации того или иного вида сельскохозяйственной деятельности. В апрельском номере газеты «Пермская земская неделя» была опубликована заметка о куроводстве в Пермской губернии¹³. Специалисты в данной статье приводят расчёты, необходимые для того, что бы «крестьянин не имел убытка от кур». Крестьянам предлагается в том числе, организовать сбыт продуктов птицеводства, минуя руки скупщиков-посредников. Для этого агрономы земства предлагают организовать гуртовой сбор яиц в крупные города через кооперативы.

В качестве меры по социальной поддержке беднейшим слоям населения 17 мая 1917 г. городская управа г.Перми постановила предоставлять им бесплатно на лето 1917 и 1918 гг. участки под огороды. Для этого городским землемером были описаны все незаселённые участки города Перми и вокруг него. Всем остальным категориям предоставлялось право на «самых льготных условиях» арендовать такие участки¹⁴.

Ранее, 27 марта 1917 г. Городская дума в ходе очередного собрания постановила создать промышленно-показательный огород (при участии агронома В.Н.Поносова). Под огород был выделен участок в 12 десятин сроком на 12 лет. На устройство огорода

беспроцентно была ссужена сумма в 20250 рублей сроком на 10 лет¹⁵. Т.е. городское самоуправление не только предоставляло участки под огород, но и все доступными способами повышало огородническую культуру среди городских жителей. Основную роль в этом и должен был играть промышленно-показательный огород под управлением профессионального агронома.

Важным аспектом уездных земских управ была выработка такс вознаграждения за убытки, причиняемые потравками и другими повреждениями земельных угодий. Например, доклад Соликамской уездной земской управы о таксах на трёхлетие с 1918 года¹⁶. Или выписка из журнала Оханского уездного Земского Собрания 48-й Чрезвычайной сессии за 14 января 1918 г.¹⁷

Как видим, в области сельского хозяйства решался широкий спектр проблем. Это был подбор квалифицированных сельскохозяйственных кадров, и забота о зерновом производстве, и ветеринарная служба, и организация сельскохозяйственных курсов, и распространение сельскохозяйственных знаний; создание опытно-показательных участков и полей, садов и огородов, устройство выставок, складов и т.д.

Примечания:

¹Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1926.

²Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. – М.: Ника, 1996. – 166 с.

³Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. – 633 с.

⁴Земское самоуправление в России 1864 – 1918 гг. / отв. ред. Н.Г. Королёва. Кн. 2. М. : Наука, – 2005. – 384 с.

⁵Ярома О.В. Городское самоуправление Пермской губернии в период с 1905 г. по февраль 1917 г.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2005.- 27 с.

⁶Семенченко И.В. Социально-экономическая жизнь земства на Урале в 1917–1918 гг. // Вестник томского государственного университета. Серия История. № 4. 2010, с. 46.

⁷Пермская земская неделя. 1917. 12 марта. С. 41-42.

⁸Пермская земская неделя. 1917. 2 апреля. С.33-34.

⁹КГА Ф. 588. Оп.1. Д. 376. Л. 67-72.

¹⁰Пермская земская неделя. 1917. 2 апреля. С. 55-58.

¹¹КГА Ф. 588. Оп. 1. Д. 385. Л. 12об.

¹²Пермская земская неделя. 1917. 2 апреля. С.42.

¹³Пермская земская неделя. 1917. 2 апреля. С.52-55.

¹⁴ГАПК Ф. 35. Оп. 1. Д. 375. Л.1-5, 7-24об.

¹⁵ГАПК Ф. 35. Оп. 1. Д. 375. Л.6.

¹⁶ГАПК Ф. 44. Оп. 1. Д. 29. Л.11

¹⁷ГАПК Ф. 44. Оп. 1. Д. 29. Л.20

Фенькина Мария Витальевна

Организация работы музеев, как комплексное средство патриотического воспитания учащихся

Современный музей это уникальный инструмент для соединения культуры и образования. Необходимость реализации Государственной программы о Патриотическом воспитании граждан Российской Федерации придает новый импульс развитию музеев.

Возрастание роли краеведческой составляющей образования призвано привлечь возможности музея в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

Музей по своему предназначению способствует воспитанию гражданско-патриотических качеств, любви к Отечеству и уважения к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, за его прошлое и настоящее.

Музей включен в учебно-воспитательный процесс через разные формы деятельности, он задействован в преподавании конкретных учебных дисциплин и с процессом дополнительного образования.

Основные принципы деятельности музея, часть работы которого направлена реализацию государственной программы о патриотическом воспитании граждан:

- осуществлять систематическую связь с уроками и всем учебно-воспитательным процессом;
- проводить научный и учебно-исследовательский поиск, включающий в себя краеведение как базу развития и деятельности музея;
- использовать в учебно-воспитательном процессе разнообразные приёмы и формы учебной и внеурочной работы музейных уроков, экскурсии, семинары, мастер-классы, научно-практические и краеведческие конференции, поисковую и проектную деятельность;

- опираться в своей музейной деятельности на предметные кружки и факультативы, элективные курсы;
- предоставлять детям свободу выбора направления своей деятельности в музее на основе своих интересов и потенциальных возможностей;
- создавать условия для проявления самостоятельности, творческой инициативности учащихся, как важнейший фактор создания и жизни музея;
- поддерживать связь с общественностью, с ветеранами труда и войны;
- вести строгий учёт, правильное хранение и экспонирование собранных материалов.

Музей существует в рамках самых широких и разнообразных контактов с обществом. Здесь включены коммуникации с партнерами образовательной деятельности, организациями городского округа, а так же с местными СМИ.

Музей, являясь важным центром жизни социокультурной среды, а в первую очередь среды образовательной, должен производить работу по приоритетным направлениям: поисковому, исследовательскому, оформительскому, методическому, информационно-презентационному, проектной деятельности. Каждое из направлений предполагает определённые виды деятельности для обучающихся школ.

№	Направления	Виды деятельности
1	Поисковое	<ul style="list-style-type: none"> - Работа с архивными документами, периодическими изданиями; - Сбор газетных, журнальных статей об интересных людях и организациях городского округа; - Встречи с участниками и очевидцами исторических событий, запись их воспоминаний, фотографирование. -Беседы с земляками, родственниками умерших известных личностей городского округа;

		<ul style="list-style-type: none"> - Посещение района исследования, изучение данного вопроса на месте, фотографирование зданий и других исторических объектов; - Поиск и сбор предметов материальной и духовной культуры; - Консультации с работниками библиотек, архивов и других музеев и т.д.
2	Исследовательское	<ul style="list-style-type: none"> - Проведение исследований (природных объектов, музейных экспонатов, диалектов и т.д.) родного края; - Написание ученических исследовательских работ, докладов, рефератов; - Участие в районных и областных научно-практических и краеведческих конференциях.
3	Оформительская деятельность	<ul style="list-style-type: none"> - Составление альбомов, дневников, докладов-отчетов, рефератов; - Оформление выставок, плакатов, планшетов, стенгазет, альбомов-раскладушек; - Оформление экспозиций, витрин для музея; - Создание Книги Памяти.
4	Информационно-презентационное	<ul style="list-style-type: none"> - Подготовка экскурсоводов; - Планирование и проведение экскурсий учащимися; - Проведение бесед, встреч, праздников и т.д.; - Участие в районных и областных научно-практических и краеведческих конференциях (исследовательские работы, проекты); - Участие в областных, районных конкурсах сочинений, краеведческих чтениях и т.д.;

		- Сотрудничество с районными газетами.
5	Методическая работа	- Создание архива методических разработок (сценариев мероприятий, программ, викторин конкурсов, методических рекомендаций); - Выступления на районных мероприятиях по краеведческой работе; - Создание книжек-буклетов, фото- и видео экскурсий по экспозициям, материалам школьного музея; - Создание презентаций PowerPoint по материалам архива музея;
6	Проектная деятельность	- Планирование социально значимых проектов (краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных): обсуждение темы, постановка задач и прогнозирование результатов, составление плана работы; - Реализация монопредметных, межпредметных и надпредметных проектов: сбор и уточнение информации, проведение исследований и т.д. - Подготовка отчета о ходе выполнения проекта с объяснением полученных результатов. Анализ выполнения проекта

Таким образом, можно обозначить направления деятельности, как содержательный ориентир при построении программы деятельности музея как средства воспитания гражданской идентичности.

Эффективность воспитательного процесса зависит от формы его организации. Формы организации работы музея со школьниками, педагогами, родителями, социумом:

- индивидуальные;
- микрогрупповые;
- групповые (коллективные);
- массовые.

Содержание культурно-образовательной деятельности выражается в формах и методах организации работы с музейной аудиторией, взаимодействии с системой образования. Рекомендуемые формы работы школьного музея:

- консультация
- беседа
- экскурсия, в том числе и театрализованная или с элементами театрализации.
- встречи с интересными людьми
- посиделки
- краеведческие викторины
- тематические вечера
- мастер-классы
- дни музея
- тематические классные часы
- музейный урок
- кружки
- проекты

Таким образом, музей может стать одним из ярких явлений культуры и образования, эффективным средством обучения и воспитания подрастающего поколения. Музей, доля деятельности которого направлена патриотическое воспитание граждан, сочетает в себе признаки и функции таких структур, как исследовательское учреждение, общественное объединение по интересам, творческая мастерская. Можно сказать, что такой музей – это «самодеятельный общественный институт», созданный при инициативе детей и впитавший в себя результаты их исследовательского и творческого труда. Использование таких активных методов обучения, способствует осуществлению духовно-нравственного развития и воспитания учащихся в соответствии с требованиями ФГОС.

Функции краеведения в педагогике, в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, особенно в изучении истории, никак нельзя называть второстепенными и отводить данному направлению остаточное место в системе школьного образования.

Использование средств музея позволяет подготовить учащихся к восприятию окружающего мира применяя законы культуры, традиций и быта предков к современной жизни. Правильная ориентированность позволяет активно приобщать детей к изучению и сохранению исторического прошлого своей малой

родины, воспитывать гражданское и патриотическое самосознание музейными средствами, что дает надежду на возрождение высокодуховного российского общества.

Список использованной литературы:

Учебники и монографии

1. Воспитание гражданской идентичности сельских школьников: опыт региональной инновационной площадки: учебно-методическое пособие / под ред. Л.В. Байбородовой, А.В. Репиной. - Ярославль: Департамент образования Ярославской области, 2013. – 268 с.
2. Гражданское образование: формирование активной жизненной позиции гражданина: Сборник статей для методистов и преподавателей общественных дисциплин. – М.: «Веди-принт», 2001. - С. 7.
3. Иоффе А.Н. Методические приемы в гражданском образовании. – Тольятти.: Развитие через образование, 1999. - С. 14-17.
4. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М.: Просвещение», 2011.
5. Ланкова Н.М. Работа со школьниками в краеведческом музее. - М., «Школа», 2001. -55 с.
6. Маханева М.Д., Князева О.Л. Приобщение младших школьников к краеведению и истории России: Методическое пособие. – М., 2005. – 72с.
7. Семенова Н.В. Педагогические рекомендации по созданию программы социального воспитания подростков «Я — гражданин». - Хабаровск: ХК ИППК ПК, 2002. - 28 с.

Периодические издания

1. Ермолаева, Л.К. Изучение своего края: проблемы и подходы к их решению [Текст] / Л.К. Ермолаева // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2002. — № 3. — С. 40—47.
2. О деятельности музеев образовательных учреждений: Письмо Министерства образования России № 28-51-181/16 от 12.03.2003 // Российский вестник детско-юношеского туризма и краеведения, № 2 (46).
3. Сухомлинский В.А. Воспитание гражданина // Воспитание школьников, 1996. - №1. - С.6-10.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Военнопленные в Надеждинске в годы Первой мировой войны

Массовые мобилизации трудоспособного населения вызвали нехватку рабочих рук на Надеждинском сталерельсовом заводе,

выполнявшем важные военные заказы. Чтобы покрыть дефицит трудовых ресурсов с начала 1915 года к работам стали привлекать военнопленных германской, австро-венгерской и турецкой армий. Среди них были люди разных национальностей: немцы, австрийцы, чехи, словаки, венгры, румыны, итальянцы, хорваты, турки. Их труд использовали на всех заводских работах, даже там, где по существующим законам им работать запрещалось, например, на производстве снарядов. Военнопленные содержались в бараках, предназначенных для сезонных рабочих. Они находились на левом берегу реки Каквы в районе современного автомобильного моста. Квартал был обнесён деревянным забором и охранялся заводской стражей. В июле 1917 года на заводе работало 3892 пленных¹. Военнопленные не стали равноценной заменой кадровым рабочим. К своим обязанностям они относились посредственно, работали без желания, осознавали свой труд, как временную необходимую повинность. Примером тому может служить докладная записка заведующего доменным цехом И.В.Поносова от 30 ноября 1915 года, направленная директору завода Таубе и полицейскому надзирателю Соловьёву: «Имею честь довести до Вашего сведения, что находящийся на работах доменного цеха военнопленный австриец Ренишь Карл (бирка №198) помимо того, то сам под разным предлогом уклоняется от работы, позволяет ещё и других, исправно работающих австрийцев, склонить к тому же, то есть чтобы и они не ходили на работы. Причём внушает им, что на работу они не должны ходить, потому что Надеждинский завод исполняет казённые заказы, идущие на удовлетворение военных нужд по государственной обороне страны. Покорнейше прошу Вас – работающих при доменном цехе военнопленных изолировать от такого влияния, а самого Рениша подвергнуть соответствующему взысканию»². На протяжении 1916 года полиция была перегружена делами по розыску бежавших из округа и завода военнопленных. Пойманных полицией отправляли в лагерь с особым каторжным режимом на озеро Валенторское, принадлежавший Богословскому округу.

Выдача военнопленным одежды и обуви производилась цехами завода, которые получали эти предметы из технического магазина. Дневной рацион питания равнялся довольствию нижних чинов армии. Труд военнопленных оплачивался согласно тарифа для каждой категории работ, однако на руки они получали от 20 до 40 копеек в день. Остальная часть заработка покрывала расходы администрации

на содержание военнопленного (одежда, обувь, продовольствие, лечение и т.д.). В случае невыполнения норм выработки уменьшался размер продовольственного пайка. Врачебную помощь пленные получали в больнице, открытой специально для них в 7-й линии Старого посёлка. Здание располагалось на перекрёстке современных улиц Некрасова и Красноармейской. Персонал больницы также состоял из военнопленных. Здесь служили врачи Д.Пихура и Халупа, бывшие военнослужащие австро-венгерской армии. Условия жизни военнопленных всё-таки были далеки от совершенства, о чём свидетельствует высокий уровень смертности среди них. Согласно метрическим книгам Спасо-Преображенского собора за период с 1915 по 1919 год умерло по разным причинам 306 человек. Сведения об умерших военнопленных направляли Верхотурскому уездному воинскому начальнику. В свидетельстве о смерти указывались фамилия, имя, чин или звание, воинская часть, вероисповедание, возраст, место рождения, дата и причина смерти, место захоронения. В качестве примера процитируем один из таких документов: «Военнопленный австрийской армии Пинта Йозеф, рядовой 27 пехотного полка, римско-католического вероисповедания, 21 года, родился в Галиции, умер 15 мая 1918 года от чахотки в больнице для военнопленных в Надеждинском заводе в 7-й линии №816, похоронен на местном кладбище, что удостоверяется подписью врача Д.Пихуры»³.

Общие сведения о содержании военнопленных в Богословском округе периодически направлялись в Казанский военный округ. В августе 1916 года управляющий БГО Постников писал в очередном рапорте: «Все пленные работают в одинаковых условиях с русскими и на одинаковых с ними условиях платы. Пленные прибыли в округ в неисправной ветхой одежде. Многие были без белья, в рваной обуви. Были даже случаи покупки нашими агентами лаптей, чтобы обувь совершенно босых. С наступлением холодов необходимо было всех одеть достаточно тепло. Всем было роздано тёплое платье, полушубки, валенки. Благодаря этому на пленных легли долги, дошедшие до 500 тысяч рублей. Удовлетворительность одежды удостоверяется тем, что за зиму не было ни одного случая обморожения. Когда пленный поступает в больницу, то он сдаёт тёплое платье, шинели в кладовую, а выписываясь получает обратно. Если выясняется, что он инвалид, подлежащий возвращению воинскому начальнику, то если за пленным числится долг – не

оплаченные им полушубок, валенки и сапоги остаются у управления, а он взамен снабжается бельём и дешёвыми предметами одежды. Форменное платье никогда не отбирается. Заработанные деньги выдаются пленному за удержанием одной трети избытка сверх 60 копеек. Вследствие этого, у пленных всегда имеется достаточно средств на продовольствие. Почти по всему округу они закупают и готовят пищу сами, действуя самостоятельно. Продукты приобретают в тех же местах и по тем же ценам, что и русские. Кроме того, с августа 1916 года им предоставляется право получения припасов по льготам, убыточным для округа ценам, опять таки наравне с русскими. Были случаи заявлений русских рабочих, что они питаются и живут хуже пленных, потому что они весь заработок тратят только на себя, а русские на эти же деньги содержат и семьи. Не было ни одного случая, чтобы старшие руководители округа применяли или требовали применения физического воздействия на неисправимых, порочных, нерадивых или отказывающихся от работы пленных, хотя единичные случаи со стороны охранников имеют место быть, но они все подлежат тщательному расследованию. Пленные трактуются, как рабочие и к ним предписано отношение такое же, как и к русским. Для контроля действий низших агентов и предоставления возможности пленным заявлять о неправильностях или обидах, назначены два лица из старших служащих управления, ни от кого не зависящих, а потому имеющих возможность ничем не стесняясь принимать решения по заявлениям пленных. Поступают пленные в округ весьма болезненными. Например, из 4 тысяч ташкентских по болезни не доехали 400 человек. Несколько тысяч из Перемышля прибыли с зачатками цинги даже с развившейся болезнью. По-видимому, в австрийскую армию принимают по здоровью без особого разбора и потому многие пленные оказываются больными туберкулёзом, почками, сердцем, желудком, расстройством нервной системы, ревматизмом и т.д. Специально для медицинской помощи пленным были затребованы два австрийских врача и пять фельдшеров. В помощь им приезжают ещё два доктора и пять фельдшеров. Охрана пленных находится в ведении полиции, пленные живут с русскими рабочими мирно. В августе 1916 года в округе было 16 тысяч пленных. Постоянное число их меняется, так как одни прибывают вновь, а других отправляем сами в распоряжение верхотурского воинского начальника»⁴.

В марте 1916 года количество военнопленных, работавших на сталерельсовом заводе и его подразделениях, было следующим: доменный цех – 129 человек, лесопильный завод – 52, 2-я огнеупорная фабрика – 87, Надеждинский участок Богословско-Сосьвинской железной дороги – 11, разъезд №10 – 55, разъезд №6 – 3, разъезд №7 – 6, Каквинская казарма – 8, лесничество – 111, Каквинские элеваторы – 21, Каквинское углежжение – 55, экспедиции – 76, продовольственный магазин Общества потребителей – 14, Коптяковский посёлок – 56, станция Вагранская – 84, Коптяковские углевыжигательные печи – 26, цементный завод – 43, Филькинское лесничество – 118, Нижняя пристань – 22, пароходство Нижней пристани – 35, Морозковское лесничество – 249, Сотринский участок – 225. Всего военнопленных в Надеждинске в марте 1916 года содержалось 5209 человек⁵.

Весной 1916 года участились попытки побегов военнопленных с лесорубных работ в районе Надеждинского завода и Самской железной дороги. Пристав Надеждинского завода Соловьёв по этому поводу писал: «Одной из главных причин побегов военнопленных является отсутствие на местах работ питьевой воды. Вода в этих местах имеет смоляной цвет с большой примесью извести, на вкус крайне неприятная. Также обильное количество в лесу комаров, паутов и других насекомых делает работы в лесу положительно невозможными. Кроме того, военнопленные в Морозковском лесничестве в особенности жалуются на несправедливое отношение к ним лесной администрации в смысле расчёта за труд. Так, например, военнопленный в течение месяца нагрузил 30 вагонов дров, а в его расчётной книжке отмечено 16 и т.д. Такое положение, естественно, вызывает у военнопленных злобу и отбивает всякое желание трудиться»⁶. Из-за низкой зарплаты, составлявшей 30 рублей в месяц, администрация Богословского горного округа временами испытывала затруднения с наймом охранников для военнопленных, вследствие чего в сторожа принимались люди мало пригодные к такой службе. Чтобы решить эту проблему, администрация БГО увеличила жалование охранникам до 45 рублей. Деньги выплачивались за счёт средств округа.

Условия содержания военнопленных инспектировались представителями Международного Красного Креста. Накануне прибытия в Надеждинский завод членов шведского общества Красного Креста верхотурский уездный исправник отправил 1 июля

1916 года письмо полицейскому приставу Н.Соловьёву: «В случае прибытия во вверенный Вам район членов Шведского Общества Красного Креста пастора Вильгельма Сарве и Норлина, для раздачи подарков военнопленным, а также в случае приезда каких-либо других лиц, предписываю Вам, чтобы при посещении ими военнопленных всегда находился кто-либо из чинов полиции: Вы лично, Полицейский Надзиратель, Околоточный или Урядник (но не стражник), причём никоим образом не допускать упомянутым лицам разговаривать с военнопленными на немецком или австрийском и вообще на иностранных языках, ввиду обязательного постановления господина губернатора от 10 июня 1915 года. При разговорах же на русском языке сказанных лиц с военнопленными, следить, чтобы они не вели среди последних никакой пропаганды, не говорили бы пленным ничего противозаконного и могущего возбуждать военнопленных против Русского Правительства и властей или России вообще, а также и против заводууправления. Кроме сего следить, чтобы в числе подарков не передавалось оружие, взрывчатые вещества, ножи, кинжалы и т.п. И никаких печатных или рукописных листовок или брошюр. Содержимое в узелках подарков после раздачи у военнопленных осматривать. Всё изложенное исполнять тактично и умно, чтобы не допустить проявление чего-либо противозаконного и чтобы не вызвать неумелыми действиями излишнего раздражения среди военнопленных, в предупреждение чего не допускать по отношению к последним никаких грубостей вроде бить, толкать, ругать и т.п.»⁷.

Злоупотребления в отношении военнопленных, наверняка, имели место, всё-таки это были солдаты враждебных государств. Но российские власти старались соблюдать международные правовые нормы по содержанию военнопленных, при этом, не забывая мер предосторожности, чему и было призвано вышешприведённое письмо-циркуляр надеждинскому полицейскому приставу. Позднее, в 1918 году, на средства собранные надеждинцами будет установлен памятник погибшим военнопленным, гуманное же, уважительное отношение к солдатам противоборствующих стран закладывалось ещё во времена царской России.

В своём же отчёте о посещении военнопленных шведским Красным Крестом Соловьёв позднее докладывал: «5 июля...пастор В. Сарве и Норлин при раздаче подарков... объяснялись с военнопленными на немецком языке. Военнопленные Морозковского

лесничества заявили им, что положение их на лесорубных работах тяжёлое. Денег на руки выдают не больше 40 копеек в день. Провизию и другие припасы отпускают по выдаваемым из комитета лесничества купоном, каковой принимает только один магазин товарищества братьев Шадриных. В других же местах эти купоны никакого значения не имеют и что товарищество братьев Шадриных, пользуясь этим, берёт с них цены за товар очень высокие, отпуская товары плохого качества. Унтер-офицеры заявил, что они слышали, что они от работ должны быть освобождены, но этого права им почему-то не предоставлено. В Надеждинском заводе военнопленный Франц Тонарт заявил, что он получил с почты повестку на 7 рублей 66 копеек. Повестку эту от него отобрали и денег ему не выдали. По справке в местной почтово-телеграфной конторе оказалось, что перевода на его имя не поступало. С военнопленными лютеранского вероисповедания, каковыми в большинстве случаев оказались немцы, пастор Сарве держал себя очень любезно и, расставаясь с ними, прощался с каждым за руку. Вообще, судя по их поведению, названные лица попутно с раздачей подарков собирают разные справки о нуждах военнопленных, что можно принять почти за обследование быта военнопленных. Письменных записей на местах упомянутыми лицами не велось. В настоящее время пастор Сарве выбыл, по его словам, в Алапаевск. Его же товарищ Норлин (Корлин) остался и ожидает следующую партию подарков, т.к. привезённых ими подарков оказалось недостаточно. Наблюдение за дальнейшим ходом раздачи подарков и поведением уполномоченных установлено»⁸.

Работа военнопленных в ночную смену вызывала опасения у полицейских начальников, они требовали от заводоуправления перевести военнопленных в одну дневную смену. О невозможности этого 24 сентября 1916 года писал Соловьёв верхотурскому уездному исправнику: «...Надеждинский завод работает исключительно на оборону государства; за недостаточностью рабочих рук в заводе во всех цехах работает масса военнопленных, китайцев и корейцев. Преобладающим большинством являются военнопленные, так что если поставить их работать только в дневную смену, то для работы ночной смены недостаточно будет рабочих рук и производительность должна будет остановиться, что не в интересах обороны. Все работы военнопленные производят под руководством и наблюдением русских мастеров и десятников, и их работа отмечается тоже русскими

табельщиками. Таким образом военнопленные на работе находятся под усиленным надзором. Обязанности сторожей сводятся к сопровождению военнопленных на работу и с работы и по разным командировкам их во время работы. Довольствуются военнопленные все на артельных началах. Закупка провизии производится ими через своих выборных артельщиков, каковые, направляясь на рынок сопровождаются сторожами. Прогулки военных по поселению не допускаются. Самовольно отлучившиеся военнопленные задерживаются и за нарушения дисциплины подвергаются наказанию в виде ареста. Военнопленные, работающие по ремонту квартир служащих и рабочих завода, а также вне черты завода, в селении, на улицах по роду работы разкомандировываются по одному, два человека в разных довольно на далёком один от другого пункты, где иметь за ними какой-либо надзор является положительно невозможным, так например, водовозы, клозетчики и т.п., если ставить каждому из них по сторожу, то потребуется слишком большой штат сторожей, подобрать каковой, при недостатке рабочих рук невозможно. Почти у всех крупных служащих завода в качестве прислуги: кучеров, дворников, поваров и т.п., служат военнопленные, каковые по поручениям служащих ходят по селению завода по разным делам. Эти военнопленные совершенно ускользают от наблюдения. Докладывая о сём, я прошу руководящих указаний по двум последним пунктам моего рапорта»⁹. В период создания чехословацкого корпуса в его составе оказались и военнопленные, трудившиеся на предприятиях Богословского горного округа. 1 сентября 1917 года управляющий БГО Постников отправил Верхотурскому уездному воинскому начальнику полковнику Саульскому депешу, согласно которой управлением БГО передано через милицию в распоряжение подпоручика чехословацкой армии Г.Пифеля 91 человек военнопленных, изъявивших желание поступить добровольцами в чехословацкую армию. В числе добровольцев значились: Карл Елика, Франц Немет, Франц Пехарь, Франц Маулыс, Йозеф Гриммер, Вячеслав Кауколик, Адальберт Мраз, Йозеф Масарик, Йозеф Штейнингер, Йозеф Поливка, Эдуард Клокочник, Йозеф Мертль, Йозеф Вацек, Антон Загалька, Богуслав Поспишел, Вацлав Крженек, Сильвестр Швейда, Игнатц Сойда, Франц Кинта, Франтишек Кинцель, Мартин Дуфек, Йозеф Кобза, Карл Лефельман, Вацлав Клепшич, Эмиль Оплеталь, Матей Енох, Венцель Бурсик, Вацлав Панцор, Павел Кадличек, Кароль Нехутни, Карл Душек, Карл Пожар, Вячеслав Шара,

Вацлав Раутхаус, Алоиз Шупка, Вячеслав Барох, Ян Чибера, Отто Бельбель, Антон Урбан, Франц Новак, Алоиз Славик, Мартин Бамбула, Иван Прохазка, Вацлав Верба, Антон Вернер, Людвик Шпаниель, Фердинанд Пельц, Юзеф Штроукаль, Перегрин Шембера, Йозеф Питлик, Карл Годличка, Франц Каня, Вацлав Цейнер, Йозеф Кратохвил, Франтишек Симахель, Франц Супек, Франц Ганка, Франц Славик, Иван Бушта, Ян Тришка, Димитрий Тимкий, Ян Гавличек, Йозеф Лунга, Ярослав Ербань, Ян Таловашек, Франц Гайбоштик, Франц Регурек, Йозеф Гануш, Владислав Гозноурок, Йозеф Плахы, Йозеф Райхарт, Василь Долежал, Алексей Принц, Александр Хлум, Франц Фишт, Ладислаус Ригель, Якуб Вильдер, Густав Урбанек, Йозеф Сойка, Эмиль Вограбал, Антон Горейш, Франц Вондрушка, Ян Умань, Цирил Завадил, Йозеф Тефер, Мирослов Новак, Александр Каубек, Антон Петер, Роберт Шкода, Игнац Фиала¹⁰.

3 марта 1918 года Советское правительство заключило Брестский мирный договор с Германией. Один из его пунктов предусматривал возвращение военнопленных Тройственного союза на родину, с момента подписания документа менялся их статус. Теперь они стали считаться подданными иностранных государств, временно находящимися на территории России. В отношении бывших военнопленных Окружной Совет принял постановление, регламентирующее их права и обязанности Военнопленным разрешалось создавать организации и иметь своих представителей в Советах рабочих и солдатских депутатов, они получали вознаграждение наравне с членами Совдепов от русских рабочих. Отменялась всякая охрана. Работающим назначался продовольственный паёк наравне с местным населением. Рабочий день исчислялся 8-ю часами, принуждение к работе не допускалось, труд пленных оплачивался наравне с остальными рабочими. На организации военнопленных возлагалась ответственность за поведение и трудовую дисциплину во время пребывания в БГО. Уличённые в совершении уголовных преступлений подлежали суду революционного трибунала на общих основаниях. Военнопленные в Надеждинском заводе поступали в распоряжение дворово-ремонтного цеха, находящегося в ведении А.Н.Карпова. Ему предписывалось распределять пленных на работы, обеспечивать их всем необходимым, вести учёт рабочего времени, назначать продовольственный паёк. Не вышедшие на работу без уважительной причины лишались права на получение хлеба.

При отъезде бывших пленных на родину им запрещалось вывозить золотые и серебряные монеты свыше 1 рубля, кредитные билеты на сумму превышающую 500 рублей, предметы искусства, драгоценные металлы и камни, военное снаряжение, фотографические аппараты, меха, кожу, лекарства, перевязочные материалы, хирургические инструменты. Из одежды разрешалось иметь при себе одну пару обуви, три комплекта нижнего и один комплект верхнего белья, одеяло и шинель. Что касается писем, фотографий, записок, книг и т.п., пленные могли увозить с собой только то, что прошло цензуру. В общей сложности багаж для офицера не должен был превышать 50 кг, а для солдата – 25¹¹. По ходатайству шведского Красного Креста в мае 1918 года предполагалось отравить всех военнопленных из округа. По ряду причин выполнит эту просьбу не удалось. Процесс возвращения пленных растянулся на несколько лет. Последние из них уехали в 1921 году. Правом вернуться домой воспользовались не все. Для некоторых военнопленных Надеждинск стал второй родиной, здесь они обзавелись семьёй, приняли советское гражданство и внесли частицу своего труда в развитие нашего города. Бригадиром службы пути Богословско-Сосьвинской железной дороги длительное время работал Ян Янович Домбрус. Трудовой путь от работника сапожной мастерской до экспедитора кузнечно-механического цеха прошёл Иван Васильевич Андель. Отделом статистики Надеждинского лесничества заведовал бывший офицер австро-венгерской армии Лев Александрович Гайст. Таксатором в Надеждинском лесничестве долгие годы служил Николай Эдуардович Плагал.

Примечания:

¹АОАСГО. Ф.Р-1, оп.1, д.885, л.40

²ГАСО. Ф.45, оп.1, д.245, л.180

³АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.51, л.98

⁴ГАСО. Ф.45, оп.1, д.1041, л.1-2

⁵ГАСО. Ф.621, оп.1, д.293, л.129

⁶ГАСО. Ф.686, оп.1, д.293, л.686

⁷ГАСО. Ф.183, оп.1., д.70, л.235

⁸Там же. Л.255-257

⁹Там же. Л.349-350

¹⁰АОАСГО. Ф.Р-150, оп.1, д.11, л.1

¹¹АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.2, л.20

**Влияние студенческих поездок
в университеты Германского союза на развитие
интеллектуальной мысли на Урале в середине XIX в.**

По настоящее время сохраняет актуальность дискуссия о влиянии немецкой философской мысли на развитие интеллектуальной мысли в России в XIX в. В соответствии с широким пониманием идеи университета не столько, как связи профессионалов в сфере образования, сколько объединения людей, идентифицирующих себя с университетским обществом, и на этом основании ощущающих свою избранность, необходимо подойти к рассматриваемому периоду со стороны преломления новой немецкой философии в среде «классического» университета, идея которого тесно связана с выдающимися деятелями из числа немецкой профессуры конца XVIII – первой половины XIX вв.

Насыщенность культурной жизни Российской империи в середине XIX в. философской идеей во многом определило взлёт отечественной науки и особенно литературы, принимающей форму философского дискурса в её эстетических и художественных идеях. Причины некоторых ярких дискуссий в российском обществе стоит искать десятилетием раньше. Распространённым явлением было «салонное гегельянство» и, по утверждению Д. Чижевского, приобрести уважение в обществе можно было лишь цитируя немецких философов и прослушав курс лекций Г.Гегеля в Берлине¹. А.И.Герцен вспоминал, что «все ничтожнейшие брошюры, выходявшие в Берлине и других губернских и уездных городах, немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней»².

Характерна была и частая смена философских ориентиров. Так, поэт и профессор Московского университета, бывший на стажировке в Германии, писал: «Я прошел через все возможные философские системы: я был гегелианцем, пифагорийцем, фурьеристом, коммунистом и пр.»³. Из заграничных поездок в Москву и Петербург возвращаются и многие другие слушатели немецких профессоров: М.А.Бакунин, Т.Н.Грановский и его ученик П.Н.Кудрявцев, братья П.В. и И.В.Киреевские, М.Н.Катков и др. Об идейных изменениях в профессорской среде было известно современникам. В частности, о

профессорах-гегельянцах университетов Харькова, Казани и Москвы упоминает А.Герцен. Происходит становление государственной школы историографии, которую можно обозначить школой «Кавелина – Соловьёва – Чичерина», имевшей гегельянский характер в историко-философских воззрениях. Ещё одним новым явлением стало появление отдельной области исторической науки – истории церкви, применением в той или иной мере исторического метода к процессу преподавания церковной догматики, создаётся школа церковных историков.

Одним из центральных предметов дискуссий явилась роль России, как исторической наследницы идей Гегеля. Наибольшая убеждённость в этой точке зрения прослеживается у И.Киреевского, А.Хомякова, Ю.Самарина и К.Аксакова. Видение будущего Германии с её философией отражено Хомяковым: «Уважение Германии к науке обратилось в поклонение её труженикам и новое поколение не может освободиться вполне от предрассудков прежнего. <...> Германия страдает системами, которые воссоздают весь мир из логического развития какой-нибудь произвольной догадки и питают благородное презрение к фактам»⁴.

Раскол в среде гегельянцев не обошёл стороной Россию и был подмечен И.В.Киреевским следующим образом: «Говоря о последователях Гегеля, необходимо отличать тех из них, которые занимаются приложением его методы к другим наукам, от тех, которые продолжают развивать его учение в области философии. Из первых есть некоторые писатели, замечательные силою логического мышления; из вторых же до сих пор не известно ни одного особенно гениального, ни одного, который бы возвысился даже до живого понятия философии, проник бы далее ее внешних форм и сказал бы хотя одну свежую мысль, не почерпнутую буквально из сочинений учителя»⁵.

В контексте почвеннических споров «Восток/Запад», «Русь и Византия», «Россия/Европа» социальным знаком становится принадлежность общественного деятеля к одной из столиц: противопоставление Москвы и Петербурга начинает проявляться в особом тоне, например, публицистической вражды «Москвитянина» и «Современника».

Таким образом, можно говорить об особой атмосфере сороковых годов в среде российской интеллигенции, пропитанной философскими идеями. Многие гегельянцы отходят от Гегеля и от философии

вообще – либо по причине особенностей николаевский эпохи, либо из-за развития гегельянства в мощное левое течение, либо по личным причинам. Остаются проблемными ключевыми вопросы о родном, чужом и *кто мы такие*, которые находили выражение как в активном заимствовании европейских идей, так и в яростном отрицании последних. В искусстве имело место и отрицание традиций в пользу европейского заимствования.

Всё это напрямую связано с развитием академической мобильности в середине века. Основным направлением становятся университеты Германского союза. Временной промежуток с 1848 по 1850 гг. представляет собой уникальный исторический период, в течение которого заграничные поездки являлись исключениями, находясь под формальным запретом с весны 1848 г. Как правило, среди студентов немецких университетов мы видим представителей аристократических фамилий, в той или иной степени связанных с местом обучения и имеющих по преимуществу немецкое происхождение.

Общее количество студентов в немецких университетах в период 1811-1849 гг. выглядит следующим образом: университет Берлина (210 чел.), Гёттингена (29 чел.), Лейпцига (15 чел.), Гейдельберга (13 чел.), Галле (12 чел.), Мюнхена (9 чел.), Вюрцбурга (6 чел.), Кёнигсберга (4 чел.), Марбурга (3 чел.), Йены (1 чел.) и Росток (1 чел.)⁶.

При анализе матрикул выявлена некоторая неопределённость в идентификации студентов из Прибалтийской губернии, выразившейся в записях матрикул их родины и как «Kurland», «Liefland», «Estland» - у одной части студентов, и как «Russland», «Liefland, Russland» - у остальной части поступивших, информацию о рождении которых на территории прибалтийских земель мы можем установить. По этой причине в поле нашего внимания стоит включить эту категорию жителей Российской империи. Данная ситуация наименее характерна для студентов из Царства Польского, в результате чего мы оставляем проблему высшего образования польского населения в немецких университетах за рамками нашего исследования, однако отметим периодическую и относительно частую встречаемость польских студентов в матрикулах почти всех немецких университетов, даже в случаях полного отсутствия там студентов из центральной части Российской империи (например, в Лейденском университете) в указанный период. Кроме того, данная ситуация характерна и для

университетов Лейпцига, Гёттингена, Марбурга и Ростка, куда к 1850 г. окончательно прекратились поездки российских студентов. Отдельный интерес может представлять образовательная мобильность жителей территории Дунайских княжеств. Так, в Гейдельбергский университет в ноябре 1849 г. одновременно поступает группа сербских студентов на философское направление и на факультет управления государственным хозяйством (*cameralia*)⁷.

В результате можно констатировать количественное доминирование польской и еврейской национальных групп наряду с относительно малочисленными выходцами из центральной части Российской империи. Это могло оказать огромное влияние и на развитие революционных идей среди национальных меньшинств Российской империи. Рост революционных настроений приводит к усилению гонений. В результате значительная часть интеллектуалов попадает в ссылку, местом которой становится Урал. Так, польская интеллигенция оказала значительное влияние на культурное развитие Перми в 40-ые гг. XIX в. Именно через них философские идеи начинают проникать из Европы не только в центральную часть России, но и на Урал, оказывая огромное влияние на местную культуру второй половины XIX в.

В целом, к середине XIX в. направленность дискуссий в интеллектуальной сфере в той или иной мере касалась дискуссий вокруг наследия немецкой классической философии. Противоречия существующих систем через «реализм, антропологизм и практицизм»⁸ пытались разрешить многие философы, чья деятельность была связана с университетской средой и имела отклик в европейском обществе. В период с 1850 по 1890 гг. первенствующую роль в отечественной интеллектуальной жизни будет уже играть сложное из философских положений позитивизма движение народничества⁹.

Примечания:

¹Чижевский Д.И. Гегель в России. — СПб.: Наука, — 2007, с. 241

²Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1 — 5 / Герцен Александр Иванович. — М.: Худож. лит., 1969.

³Печерин В.С. Оправдание моей веры. Памятные записки// Наше наследие. — 1989. — № 1—3. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml (дата обращения 11.05.2015)

⁴Хомяков А.С. Семирамида. Исследование истинности исторических идей. В кн.: Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. — М.: Медиум, 1994. — С. 445

⁵Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы. [электронный ресурс] Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/pdf2/oboz1kir.pdf> (дата обращения 17.06.2015)

⁶Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века [электронный ресурс] Режим доступа: <http://universalinternetlibrary.ru/book/22813/ogl.shtml> (Дата обращения 04.04.15)

⁷Toepke G. [Hrsg.], Die Matrikel der Universität Heidelberg (6. Teil): Von 1846 - 1870; nebst e. Anh.: 1. Vorschriften über Immatriculation 1805 - 1868 ; 2. Verz. d. Rect. u. Prorect. 1669-1870. Heidelberg, 1907. S. 101

⁸Яковенко Б.В. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. — М.: Республика, 2003, с. 91

⁹Яковенко Б.В. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. — М.: Республика, 2003, с. 21.

Щербина Денис Евгеньевич

Из истории единоверия Верхнетагильского завода

Центром верхнетагильских православных старообрядцев с 1840 года стала небольшая, рубленая из дерева церковь, освященная в честь Святой и Животворящей Троицы. Тогда же в состав единоверческого прихода вошли жители Шуралинского завода, не имеющие в поселении своего храма¹. Здесь они открыто не только исповедовали свою веру, но и совершали церковные таинства и обряды согласно уставу до Никоновской реформы.

Верхнетагильские старообрядцы, так же имея желание войти в лоно Церкви Христовой, подают прошение на имя Высокопреосвященного Аркадия (Федорова), архиепископа Пермского и Верхотурского, который, по словам современников, слыл «поистине насадителем единоверия в Пермском крае», так как в годы его управления епархией было открыто 68 новых единоверческих приходов². С его благословения и был открыт в 1840 году единоверческий приход в Верхнетагильском заводе. Но, судя по послужному списку первого верхнетагильского единоверческого священника Филарета Пономарева можно сделать вывод, что местный приход православных-старообрядцев существовал еще раньше.

К сожалению, об его первых священнослужителях до сегодняшнего дня сведений сохранилось совсем немного. Известно лишь о том, что начиная с 1838 года единоверческую общину возглавлял священник **Филарет Матфеевич Пономарев**³. В 1836

году архиепископ Пермский Аркадий 24 октября рукоположил его в сан священника и определил служить в православный Знаменский приход Верхнетагильского завода. В 1838 году его уже назначили священником Свято-Троицкой единоверческой общины того же завода. За усердное и ревностное служение Церкви отец Филарет 5 апреля 1840 года от Пермской Духовной консистории был отмечен благодарностью. В 22 мая 1846 года за понесенные труды владыка Аркадий удостоил его права ношения набедренника. Спустя два года решением епархиального начальства от 16 июля отец Филарет был переведен служить в Воскресенский собор города Чердыни, а 12 сентября того же года возведён в сан протоиерея. Спустя несколько лет его назначат настоятелем храма в селе Воскресенском Екатеринбургского уезда. Принимая во внимание многолетний священнический труд, Указом Святейшего Синода под №543 от 23 марта 1871 года «За заслуги по духовному ведомству» отец Филарет Пономарев был удостоен Благословения Святейшего Синода.

Случившийся 18 мая 1861 года в Верхнем Тагиле большой пожар уничтожил не только заводские постройки, дома, но и храмы. В бушующем пламени сгорели обе местные церкви: православная и единоверческая. Вскоре после трагедии, собравшись духом, единоверческая община получила от Пермского архиепископа Неофита (Соснина), разрешение о постройке нового храма. Мобилизовав все свои силы и возможности, единоверцам удалось за весьма короткий срок поставить из камня небольшую церковь, которую в 1862 году уже освятили, так же как и прежнюю в честь Святой Троицы⁴. Священнослужителями вновь построенного храма были:

- **Священник Стефан Степанович Попов**⁵. Ранее служил диаконом в церкви Ревдинского завода. В 1867 году был рукоположен в сан священника и определен в Верхнетагильский единоверческий приход. В связи с открытием Георгиевского храма в деревне Таушканы Камышловского уезда в 1869 году отец Стефан переведен служить туда.

- **Священник Александр Иванович Рычков**⁶. В 1838 году он окончил высшее отделение Пермской Духовной семинарии. Назначенный ранее служить в Знаменский Верхнетагильский приход диаконом, отец Александр в 1869 году рукоположен в сан священника и определён служить в единоверческий Свято-Троицкий храм. В 1871 году его перевели в Режевской завод. Позднее он служил в

Богоявленской церкви села Савинского Осиновского уезда. Продолжая там совершать богослужения, 12 августа 1880 года «по преклонности лет» отчислен за штат. На следующий год, 28 марта отец Александр Рычков скончался.

• **Священник Василий Иванович Псаломщиков**⁷. Родился в 1849 году в Верхнетагильском заводе в семье псаломщика. 20 сентября 1870 года Преосвященным Вассианом (Чудновским), епископом Екатеринбургским, Василий Иванович рукоположен в сан диакона и по ходатайству причта и общему желанию прихожан определен служить в единоверческую Свято-Троицкую церковь Невьянского завода. Отслужив там почти три года, в 1873 году отец-диакон был возведен в сан священника и его перевели в Верхнетагильский завод. Совершая свое пастырское служение в Свято-Троицком храме, в 1881 году отец Василий «За усердное служение Святой Церкви и добрую жизнь», получил свою первую церковную награду – награжден правом ношения набедренника. Девять лет посвятил отец Василий верхнетагильским единоверцам, но решением Пермской Духовной консистории от 15 января 1882 года его перевели служить в Успенскую единоверческую церковь Нейво-Рудянского завода, вместо скончавшегося 23 ноября 1881 года священника Всеволода Старцева. Спустя год отец Василий уже предстоял в алтаре Николаевского храма в селе Глинском Екатеринбургского уезда. Там отец Василий продолжал служить до конца своих дней, пока болезнь его не свела в могилу. Скончался пастырь от рака желудка 18 сентября 1905 года. Похоронили отца Василия в селе Глинском близ алтаря Николаевского храма. В епархиальных ведомостях в знак памяти и уважения к отцу Василию был опубликован некролог под авторством священника Владимира Давыдова. О своем собрате и сослуживце он писал следующее: «...Оправдалось изречение русской мудрости: «что посеешь, то и пожнешь». – Отец Василий не скудостию сеял вокруг себя привет, ласку, милосердие – пожал богато признательность, благодарность и добрую память, которая не скоро изгладится в среде его бывших прихожан»⁸.

• **Священник Дмитрий Иванович Пузырев**⁹. Архивные документы, сохранившиеся до наших дней, повествуют о нем следующее: духовное образование получил в 1853 году, окончив высшее отделение Екатеринбургского Духовного училища. Известно, что из диакона в сан священника отец Дмитрий был рукоположен в

феврале 1880 года. Священническую хиротонию совершил Пермский владыка Вассиан в Крестовой церкви города Перми. Приняв сан священника, он был направлен служить в Рождества-Борогодицкую единоверческую церковь Невьянского завода. Спустя два года отец Дмитрий 10 марта получил новое назначение. Его перевели служить в единоверческий приход Верхнетагильского завода. Здесь он прослужит 18 лет. При его настоятельстве приход обретет новый, более просторный храм, но это будет позже...

Здесь Свято-Троицкий приход был тогда невелик. Всех прихожан насчитывалось 306 человек. Метрические записи за 1884 год статистически этот факт подтверждают. В тот год отец Дмитрий совершил таинство Крещения над 62 младенцами, сочетал браком всего 6 пар, отпел 25 усопших, из них 15 мужчин и 10 женщин¹⁰. В последующие годы численность требоисполнений практически не менялась. В 1886 году таинство Крещения было совершено над 43 младенцами, повенчалось 7 пар, скончалось 27 прихожан – 13 мужчин и 14 женщин¹¹. В дальнейшем число родившихся детей у местных единоверцев стало сокращаться, а количество умерших стало наоборот только увеличиваться¹².

Стоит отметить и тот факт, что отец Дмитрий старался заниматься миссионерской деятельностью, применяя свои пастырские знания и авторитет для того чтобы примирить с Церковью местных старообрядцев-беспоповцев. В 1895 году благодаря его проповеди состоялось присоединение на правах единоверия следующих жителей: Евдокии Абрамовны Медведевой – 18 лет; Натальи Ивановны Богдановой и Лукерьи Григорьевны Чистяковой – обе молодые девушки по 17 лет¹³. Так постепенно увеличивалось число прихожан, которых собиралось на богослужения немало, от того в небольшой Свято-Троицкой церкви со временем становилось тесно.

Яркой, запоминающейся страницей в истории верхнетагильского единоверческого прихода стало назначение в сентябре 1892 года нового заводского управляющего Маркова Гавриила Александровича (1866-1933), человека деятельного и прогрессивного. Сменив прежнего управляющего Николая Агеевича Свечина, Гавриил Александрович с присущим ему энтузиазмом смело занялся перестройкой не только производственных объектов, но и приступил к реализации других своих замыслов. Владея не только металлургическими познаниями, он мог так же реализовать себя как

проектировщик и архитектор. Возводя при этом не только светские архитектурные формы, но и культовые.

Вот что Гавриил Александрович позднее писал в своих мемуарах по поводу строительства в Верхнем Тагиле: «...Впоследствии я перестроил в Верхнем Тагиле здание кричной фабрики, устроил новый водопровод, лавку общества потребителей, перестроил заводскую контору, построил новую единоверческую церковь и спроектировал новое здание для училища; одним словом, развернул свою работу уже в более широком масштабе, что немало способствовало установлению хороших отношений между мной и заводскими рабочими»¹⁴.

Судя по этому тексту, делается вывод, что проект для постройки нового единоверческого храма выполнил лично сам Марков. Новый храм возводился на пожертвования прихожан. Из государственных же денег не было потрачено ни копейки. Но вероятнее всего, что часть финансовых расходов взял на себя завод и, опять же, в лице управляющего Гавриила Александровича. Пока шло строительство, все богослужения для единоверцев продолжали совершаться в прежнем храме, который в связи с постройкой нового в 1897 году демонтировали.

7 мая 1897 года состоялось освящение новой просторной церкви¹⁵. Престол святого алтаря по всеобщему желанию верхнетагильских обывателей, держащихся старых обрядов, было решено освятить в честь святого Илии, одного из величайших пророков Ветхого Завета, жившего за 900 лет до Рождества Христова при израильском царе Ахаве. За пламенность веры и ревностное провозглашение прихода в Мир Спасителя, пророк Илия был взят на небо живым в огненной колеснице. На Руси издревле пророка Илию почитали и считали его покровителем сельскохозяйственных работ. В церковном календаре день его прославления отмечается 2 августа (20 июля). Верхнетагильская единоверческая паства решила по-своему увековечить его имя, посвятив ему храм в напоминание о временном православном храме, открытом в 1861 году после страшного пожара.

Выполненный в крестово-купольной форме, каменный Пророко-Ильинский храм плавно вписался в ландшафт у подножия горы Плешивой. Старожилы поговаривали, что по архитектурным формам новая единоверческая церковь перекликалась с православным Знаменским храмом. Делая анализ по сохранившейся фотографии, либо художественной литографии начала XX века, дополненной

элементами ретуши, помещенной в экспозиции Верхнетагильского историко-краеведческого музея, действительно можно проследить некоторое сходство, а так же выявить некоторые архитектурные особенности.

Храмовый объем увенчан граненым барабаном с четырьмя оконными проемами, верх которого отмечен сферическим куполом. С восточной стороны примыкала прямоугольная апсида, завершенная фигурным профилированным верхом. С запада в одной связи с храмом была пристроена колокольня, в основании которой был положен четверик (притвор) и три яруса, два из которых несли функцию звона, так как были прорезаны арочными проемами на четыре стороны света.

Верхнетагильский исследователь Е.Арапова в своем очерке «Дважды рожденный» утверждает, что к плоскости храмового объема, (вот только непонятно на каком из фасадов) «...лепился балкон, с которого открывался величественный вид на поселок...»¹⁶. Видимо в чьи-то воспоминания за давностью лет вкралась неточность, либо какая-то ошибка. Дело все в том, что такой архитектурный элемент, как балкон характерен только для светской архитектуры, для храмовой–церковной он просто неуместен. Правда есть исключения. В помпезной архитектуре имперской столицы – Санкт-Петербурга – в величественных храмах, относящихся к стилю елизаветинского барокко, несколько церквей на своих фасадах имеют такой дополнительный декор как выносной балкон.

В связи с постройкой более вместительно храма постепенно увеличилось количество прихожан. Из отчетных документов отсылаемых в Екатеринбургскую Духовную консисторию известно о том, что к концу 1899 года верхнетагильских единоверцев насчитывалось: 370 мужчин и 372 женщины¹⁷. Богослужения все так же ревностно совершал священник Дмитрий Пузырев. В самом начале сентября 1900 года он по собственному прошению был отчислен за штат, а 21 сентября отец Дмитрий скончался¹⁸.

После его кончины место настоятеля стали занимать священники, ранее служившие в другой епархии. Начиная с 1901 года в Пророко-Ильинском храме, сменяя друг друга, вплоть до самой революции служили священники, переведенные из Пермской епархии. Первым из них был отец **Феодор Адрианович Шишкин**¹⁹. Он родился в 1886 году. Образование получил в Нязепетровском двухклассном училище. В 1899 году 25 мая, рукоположен в сан диакона и направлен служить в

Христорождественский храм Шайтанского завода Красноуфимского уезда. Там же отца Феодора 11 августа 1899 года назначили законоучителем местных земских училищ. Учитывая то, что в те годы Красноуфимский уезд был в ведении Пермской епархии, отец Феодор подает прошение о принятии его в штат клириков Екатеринбургской епархии. Удовлетворяя его просьбу, Преосвященный Ириней (Орда), епископ Екатеринбургский и Ирбитский в январе 1901 года принимает его служить в приделах своей епархии. 2 февраля того же года, владыка Ириней рукоположил отца Феодора в сан священника и определил его служить в Ильинской церкви Верхнетагильского завода.

Совершая для местных единоверцев богослужения и требы, отец Феодор позаботился и о постройке церковного дома. На собранные пожертвования прихожан в 1903 году дом был окончательно достроен²⁰. Первым помощником у отца Феодора, был деятельный и активный староста Исаак Сажин. За проявленное усердие к своим обязанностям Государь император Николай II своим указом от 14 апреля 1902 года в честь праздника Святой Пасхи отметил его серебряной медалью с надписью «За усердие» носимой на Станиславской ленте²¹. По решению Высокопреосвященного Владимира (Соколовского), архиепископа Екатеринбургского Ирбитского, 18 мая 1906 года отец Феодор Шишкин был переведен служить в Покровскую церковь села Сарапульского.

После отца Феодора в Ильинском храме некоторое время служил священник Григорий Степанович Фотеев²². Родился батюшка 12 ноября 1870 года в крестьянской семье. Образование получил в Бизяровском земском училище. Позднее по решению Пермской Духовной консистории, согласно указу под №7740 Григорий Степанович был назначен псаломщиком в Свято-Троицкую церковь Иргинского завода Красноуфимского уезда. В 1896 году 4 июня Преосвященным Петром (Лосевым), епископом Пермским и Соликамским, он был рукоположен в сан диакона с оставлением в Иргинском заводе. Через некоторое время отца Григория 17 октября 1898 года владыка Петр удостоил сана священника и по его решению он был определен служить в Уткинскую церковь Красноуфимского уезда. Совершая свои пастырские обязанности, не забывал отец Григорий и об образовании для подрастающего поколения. В местном училище батюшка преподавал Закон Божий. За усердие по службе в 1903 году 22 марта владыка Пермский Иоанн (Алексеев) наградил

отца Григория правом ношения набедренника. Спустя время по собственному прошению отец Григорий перевелся служить в Екатеринбургскую епархию и Высокопреосвященным Владимиром (Соколовским), архиепископом Екатеринбургским и Ирбитским, 4 сентября 1906 года был определен служить в Верхнетагильский единоверческий приход. Недолго ему пришлось служить в Ильинской церкви, так как вскоре по просьбе прихожан из Свято-Троицкой единоверческой церкви Невьянского завода владыка Владимир 25 апреля 1908 года перевел отца Григория служить туда. Переехали в Невьянск всей большой семьей, у батюшки и его супруги Анастасии Ивановны было пять детей. В ноябре того же года отца Григория назначили членом Невьянского миссионерского комитета.

Последним из известных нам настоятелей единоверческого храма был **священник Григорий Федорович Трухин**²³. Родился он в крестьянской семье 10 ноября 1863 года. Специального духовного образования не имел. Все азы начальной школы он получил при домашнем обучении. В сан диакона был рукоположен 22 ноября 1899 года Преосвященным Петром (Лосевым), епископом Пермским и Соликамским. После рукоположения отца Григория направили служить в Петропавловскую единоверческую церковь села Лузинского Оханского уезда. Отслужив в этом приходе почти три года, его 22 сентября 1902 года рукоположили в сан священника с оставлением на прежнем месте. Прослужив в Лузинском еще несколько лет, он по собственному прошению в 1908 году был переведен служить в Екатеринбургскую епархию. Правящий архиерей владыка Владимир (Соколовский), удовлетворяя просьбу отца Григория, 27 августа определил его в единоверческий приход Верхнетагильского завода. Здесь пастырь продолжал служить многие годы. Кто знает, может быть ему и дальше пришлось служить, только уже при новой безбожной власти?

С 1916 года в единоверческом храме впервые за многие годы его существования стал служить еще и диакон. Им стал бывший псаломщик Иоанн Васильевич Мельников, ранее помогавший при богослужении в этом же храме. Отец-диакон Иоанн родился в здешнем заводе в 1881 году. В Верхнем Тагиле он окончил два класса земского училища. 6 апреля 1915 года его приняли на должность псаломщика, а спустя год 1 августа Преосвященный Серафим (Голубятников), епископ Екатеринбургский и Ирбитский, рукоположил его в сан диакона²⁴. Так же при отце Григории в

Ильинском храме трудились для блага общины следующие местные жители: крестьянин Мина Тимофеевич Герасимов (1848 г.р.) с 21 ноября 1910 года исполнял обязанности церковного старосты, крестьянка Васса Васильевна Ястребова (1852 г.р.) с 1906 года несла послушания просфорницы²⁵.

В 1913 году в период настоятельства отца Григория в единоверческом приходе произошло почти что историческое и уникальное событие. Благодаря усердию и стремлению к Церковному единению епархиального миссионера священника Александра Здравомыслова, к православию вернулась вся семья старообрядческого священника австрийского толка Павла Щепкина во главе с ним самим. По этому поводу отец-миссионер Александр написал обширный отчет. В знак особой радости и назидания для православных он был опубликован в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях». В своем отчете на имя правящего архиерея, Екатеринбургского владыки Митрофана, отец Александр сообщил следующие факты:

«Долг имею почтительнейше доложить Вам, Ваше Преосвященство, что согласно Вашей резолюции от 17 декабря 1911 года за № 993, по указу Консистории от 20 декабря за № 7854, мной совершено воссоединение с Православной Церковью лжесвященника австрийской иерархии Павла Акинфиева Щепкина. Щепкин крещен в единоверческой церкви села Куяштырь Уфимской епархии Бирского уезда. Там же и венчался со своей супругой Людмилой Павловой. Официальные сведения о сем, а так же и о крещении его детей – Анфусы 17 лет и Николая 10 лет, мною затребованы от причтов. Дети его, по словам Щепкина, не были присоединены к австрийскому толку. Так как Щепкин и его жена были крещены в православной церкви, то присоединение их к православию совершено третьим чином – через покаяние. С целью произвести впечатление на его бывших пасомых, присоединение было мной совершено в Верхнем Тагиле, где Щепкин служил у австрийцев священником. Для того чтобы присоединение видело возможно большее число людей, оно было назначено на воскресный день – 20 января и совершено между утренней и обедней в единоверческой церкви при сослужении единоверческого священника о.Григория Трухина. Я исповедовал Павла Щепкина, а о.Григорий Трухин исповедовал Людмилу Павлову. После исповеди чин присоединения совершен мною. Затем мной сказано было соответствующее случаю слово. За литургией

новоприсоединяемые не приобщались, так как весь день 19 января бывшие пасомые Щепкина приходили к нему в дом – ругать его, чем он был очень возмущен и не мог достойно подготовиться к Святому Причащению. Приобщение всей семьи Щепкина мной поручено священнику Григорию Трухину совершить не позже 26 января и об этом донести мне. В тот же день, 20 января, мною проведена была в православном храме Верхнетагильского завода беседа о незаконности австрийской иерархии. Бывшие на беседе австрийцы старались кричать, шуметь, хулить Щепкина, но их нервное возбужденное состояние показывало, что они очень смущены уходом их пастыря в православие. Двое из руководителей австрийства – Чистяковы, не пришли на беседу, а после нее зашли к священнику и здесь высказывали мне свое негодование на то, что я не известил их заблаговременно о беседе и они не могли вызвать начетчика и, кстати, с дрожью от злобы поругали и Щепкина. Мы указали на неосновательность их негодований и пригласили их вразумиться и последовать за бывшим пастырем»²⁶.

Стоит отметить и тот факт, что еще в 1850 году в Верхнетагильском заводе появился храм старообрядцев австрийского согласия²⁷. Территориально этот старообрядческий храм располагался в приделах современной улицы Трудовой. По всей вероятности тот храм был небольшим, так как был обустроен в частном доме Мелании Сергеевны Коровиной, сестры Косьмы Коровина, впоследствии ставшего Оренбургским епископом Константином, служившем в австрийской церкви. Правда, в 1895 году властями из Верхнетагильского старообрядческого храма была изъята вся церковная утварь, что послужило препятствием к совершению всех видов таинств и обрядов. Но несмотря на это, в «австрийском» храме продолжал служить священник Василий Иванович Кульков, ранее проживавший в Миасском заводе. После его кончины в 1901 году владелица дома, где размещался храм – Мелания Коровина все еще пыталась вернуть ранее конфискованные из их общины предметы, но так их и не дождавшись, она в 1904 году скончалась. После ее кончины новый лидер австрийских старообрядцев Григорий Павлович Чистяков продолжил писать властям ходатайства о разрешении и впредь совершать в своем храме старые обряды. В дальнейшем верхнетагильская община старообрядцев приемлющих священство, или «австрийцы», продолжила свое существование. Позднее в их общине появился приехавший из Уфимской губернии священник

Павел Щепкин²⁸. После своего присоединения к православной церкви Павел Акинфиевич с одобрения епархиального начальства 1 мая 1913 года был принят псаломщиком в Ильинский единоверческий храм Верхнетагильского завода²⁹.

Судя по данным, опубликованным в «Справочной книжке по Екатеринбургской епархии за 1915 год», известно о том, что местный единоверческий священник получал весьма приличное жалование. Его годовой доход составлял 600 рублей, причем это жалование выплачивалось из государственных средств – «за счет казны». Церковнослужитель-псаломщик, помощник при совершении богослужений, так же имел немалый доход. Его годовой заработок составлял 200 рублей³⁰. Для сравнения можно привести пример более низких доходов, получаемых в соседних заводах, таких как Нейво-Рудянский и Верх-Нейвинский. Служащее там единоверческое духовенство в год получало по 300 рублей, а псаломщик и того меньше, всего 100 рублей³¹. Так же в «Справочной книжке» сообщается о том, что прихожан в Ильинской церкви числится 857 человек. У прихода имеется собственная пахотная земля в размере 99 десятин.

Из статистического отчета за 1911 год можно узнать следующие цифры. Численность верхнетагильских единоверцев была немного ниже, так как насчитывала 808 человек, которые все проживали в 104 домах, и несколько приверженцев старых обрядов проживали в пяти дворах Шуралинского завода. Не обошли стороной священнослужители и тех жителей, кто крепко держался за старые обряды (старообрядцев). Судя по отчету, в здешних местах их численность была совсем не велика. Беспоповцев в Верхнем Тагиле проживало 12 мужчин и 48 женщин. Приемлющих священство австрийской иерархии и того меньше – 2 мужчин и 6 женщин³².

Никаких документов о том, как долго просуществовала община единоверческого храма после 1917 года, в процессе поисков выявлено не было. Вероятнее всего, что лишившись своего пастыря, спустя какое-то время решением местных властей храм был закрыт. Так поступали в большинстве случаев. У верующих попросту отнимали «культовое помещение», при этом разоряя и оскверняя храм. В 1931 году в церкви произошло возгорание³³, приведшее к большому пожару, от которого пострадало все внутреннее пространство. С укоризной стали взирать на окружающих едва заметные от копоти лики святых, с разных сторон постепенно стала осыпаться

штукатурка. Вопрос о том, кто будет восстанавливать здание церкви после пожара, в поссовете естественно никто не поднимал. Советскому атеистическому государству храмы были не нужны, местные власти решили храм снести и воспользоваться старым кирпичом повторно, используя его в своих нуждах.

В настоящее время в Верхнем Тагиле существует единоверческая община, у которой есть свой храм. Местные ревнители «древлего благочестия» продолжают духовную жизнь своих предков. Все предыдущее время лик местного чудотворного Знаменского образа Пречистой Девы осенял этих православных старообрядцев, помогая сохранить ту духовность, которая способствовала нынешнему поколению приверженцев старых обрядов возродить свой приход. Милость же Царицы Небесной вселяет надежду на то, что нынешний Михаило-Архангельский приход ожидает уверенное будущее.

Примечания:

¹ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1915. С.43.

² ЕЕВ, 1900, № 21. С.643.

³ ПЕВ, 1871, № Т-1. С.72. См. также: ПЕВ, 1871, №21. С.261.

⁴ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1915. С.587.

⁵ ПЕВ, 1867, №25. С.292. См. также: ПЕВ, 1869, №66. С.48.

⁶ ПЕВ, 1869, №35. С.411. См. также: ПЕВ, 1880, №36. С.376. ПЕВ, 1881, №18. С.230.

⁷ ЕЕВ., 1905, №20. С.671-674. См. также: ПЕВ, 1882, №5. С.63. ПЕВ, 1881, №49. С.597.

⁸ ЕЕВ, 1905, №20. С.674.

⁹ ПЕВ, 1880, № 8. С.56. См. также: ПЕВ, 1882, № 6. С.222.

¹⁰ ГАСО. Ф.6., О.8., Д.79., Л.23.

¹¹ См. там же: Л.57.

¹² См. там же: Л.169.

¹³ ЕЕВ, 1896. №24. С.631.

¹⁴ Мемуары горного инженера Гавриила Александровича Маркова / сост. Т.П.Клементьева. Новоуральск, 2011. С.91,92.

¹⁵ ГАСО. Ф. 6, оп.4, д.334, л.27.

¹⁶ Арапова Е. Дважды рожденный // Демидовские гнезда. Екатеринбург: Сократ, 2001. С.112.

¹⁷ ЕЕВ, 1900, №23. С.583.

¹⁸ ЕЕВ, 1900, №18. С.450. См. также: ЕЕВ, 1900, №22. С.548.

¹⁹ ГАСО. Ф.6, оп.4, д.334., л.29.

²⁰ См. там же: Л.27.

²¹ ЕЕВ, 1902, №13. С.270.

²² ГАСО. Ф.6, оп.4, д.334, л.101об., 102. См. также: ЕЕВ, 1908, №18. С.192.

- ²³ ГАСО. Ф.6, оп.4, д.334, л.29об. См. также: ЕЕВ, 1908, №34. С.428.
- ²⁴ ЕЕВ, 1915, №16. С.188. См. также: ЕЕВ. 1916, №33. С.275.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 6, оп.4, д.334, л.31.
- ²⁶ ЕЕВ, 1913, №4. С.73. См. также: ЕЕВ. 1913, №4. С.111-113.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 6, оп.4., д.77.
- ²⁸ См. там же.
- ²⁹ ЕЕВ, 1913, №19. С.232.
- ³⁰ Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915. С.43.
- ³¹ См. там же: С.43,45.
- ³² ГАСО. Ф.6, оп.4, д.334, л.31.
- ³³ Лавринов Валерий (протоиерей). Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. Екатеринбург, 2000. С.255.

Сведения об авторах

Акилова Ангелина Архиповна. Ветеран педагогического труда, руководитель клуба «Новоуральский краевед» при МБУК «Публичная библиотека» (г.Новоуральск).

Андруховский Феликс Иосифович. Автор воспоминаний о строительстве Новолялинского бумажного комбината.

Арданова Наталья Васильевна. Заместитель директора ВГИАМЗ по научной работе, председатель Общества любителей Верхотурского края.

Бессонов Михаил Сергеевич. Сотрудник Православного благотворительного фонда «Храм во имя Казанской иконы Божией Матери» (г.Карпинск), член-учредитель Уральского историко-родословного общества (УИРО), награжден медалью Российской Генеалогической Федерации «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» II-й степени. Автор многочисленных научных работ, посвящённых жизни и деятельности верхотурского купца и заводчика М.М.Походяшина.

Гунгер Юрий Владимирович. Заместитель директора Краснотурьинского краеведческого музея.

Желвакова Светлана Константиновна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Заплата Наталья Викторовна. Научный сотрудник отдела экспонирования и экспозиционного проектирования ВГИАМЗ.

Зырянова Тамара Александровна. Краевед (г.Верхотурье). Автор многочисленных публикаций по краеведению и истории библиотечного дела в Верхотурском уезде.

Карпеева Алла Павловна. Заслуженный работник культуры Удмуртской республики, научный сотрудник Музея истории и культуры города Воткинска.

Карфидов Алексей Николаевич. Методист по научно-просветительской деятельности отдела методической и выставочной деятельности НГИАМ.

Колбина Эльвира Минировна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Лобанов Дмитрий Алексеевич. Научный сотрудник отдела истории Пермского краеведческого музея.

Макарий, архимандрит. Доктор богословия, доктор церковной истории, почётный профессор Екатеринбургской духовной

семинарии, лауреат Макарьевской премии, член научно-редакционного совета Православной энциклопедии, член экспертного совета по Макарьевским премиям.

Макаров Лев Николаевич. Краевед (г.Серов). Автор многочисленных публикаций по истории железнодорожного транспорта Северного Урала.

Махмудов Альберт Рафилович. Директор Бардымского районного краеведческого музея (Пермский край).

Микитюк Владимир Петрович. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.

Муллова Анна Сергеевна. Студентка ПГСХА.

Набиуллина Венера Рифкатовна. Методист по музейно-образовательной деятельности НГИАМ.

Новиченков Николай Николаевич. Директор ВГИАМЗ.

Погорелов Сергей Николаевич. Заместитель начальника Отдела археологии Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области (г.Екатеринбург).

Тетерин Вадим Игоревич. Старший преподаватель кафедры истории, социологии и права ПГСХА.

Фенькина Мария Витальевна. Сотрудник экскурсионного отдела ВГИАМЗ.

Фомичёв Игорь Алексеевич. Заведующий историческим отделом Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Автор многочисленных книг по истории города Надеждинска (Серова).

Ширанова Екатерина Александровна. Студентка Института социально-гуманитарных и политических наук С(А)ФУ (г.Архангельск).

Щербина Денис Евгеньевич. Псаломщик прихода во имя Воскресения Христова посёлка Верх-Нейвинск Невьянского района, церковный краевед. Занимается церковной историей, краеведением, мемориальным искусством. Автор изданий, посвящённых церковно-религиозной жизни посёлка Верх-Нейвинск.

Список сокращений

- АОАСГО** – Архивный отдел администрации Серовского городского округа
- ВГИАМЗ** – Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области
- ГАТОТ** – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
- ГБЛ** – Государственная библиотека им.В.И.Ленина
- ЕЕВ** – Екатеринбургские епархиальные ведомости
- КГА** – Кунгурский городской архив
- МИНЗ** – Музей истории Невьянского завода
- НГИАМ** – Невьянский государственный историко-архитектурный музей
- ПГСХА** – Пермская государственная сельскохозяйственная академия
- ПЕВ** – Пермские епархиальные ведомости
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГВА** – Российский государственный военный архив
- РНБ** – Российская национальная библиотека
- С(А)ФУ** – Северный (Арктический) федеральный университет
- УрО РАН** – Уральское отделение Российской академии наук
- ЦГАДА** – Центральный государственный архив древних актов

Содержание

Бессонов М.С. Походяшины в истории России.....	3
Акилова А.А. Невьянский период жизни Григория Демидова. 1715-1731 гг.....	26
Андруховский Ф.И. Воспоминания о Новолялинском бумажном комбинате за период с 1913 года по 1918 год.....	37
Арданова Н.В. Верхотурье XVIII – начала XIX вв. в исследованиях иностранных ученых.....	66
Гунгер Ю.В. Герой Гражданской войны Б.В. Дидковский: мифы и реальность.....	73
Желвакова С.К. Уральские заводы и заводчики в эпоху крепостного права.....	85
Заплата Н.В. Баянов Алексей Алексеевич – уральский самородок.....	92
Зырянова Т.А. Земский учитель Александр Иванович Мартынов (1851 – 25.01.1904).....	102
Карпеева А.П. Выдающиеся российские деятели XVIII - XIX веков в истории города Воткинска.....	120
Карфидов А.Н. Из истории создания музейного историко-культурного комплекса в историческом центре города Невьянска.....	128
Колбина Э.М. Быт крестьян деревни Чушино Верхотурского уезда в XIX-XX вв.....	136
Лобанов Д.А. Тобольские гарнизонные солдаты на строительстве крепости в Екатеринбурге. 1723-1725 гг.....	147
Макарий, архимандрит. Послание Новгородского митрополита Иова.....	149
Макаров Л.Н. Богословско-Сосьвинская железная дорога.....	157
Махмудов А.Р. Башкирские копи.....	185
Микитюк В.П. Предприниматели Дрозжиловы.....	190
Муллова А.С. Быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв.....	198
Набиуллина В.Р. Госпитали Невьянска в годы Великой Отечественной войны.....	203
Новиченков Н.Н. «Дело Романовых» 1600–1601 гг. и судьба романовских слуг в Сибири.....	213
Погорелов С.Н. «Музеи под открытым небом» и другие проекты. Возможности и формы сохранения и использования объектов	

культурного наследия (по материалам средне-уральских историко-этно-археологических исследований).....	215
Тетерин В.И. Земская агрономия после Февральской революции 1917 г. (на материалах Пермской губернии).....	224
Фенькина М.В. Организация работы музеев, как комплексное средство патриотического воспитания учащихся.....	230
Фомичёв И.А. Военнопленные в Надеждинске в годы Первой мировой войны.....	235
Ширанова Е.А. Влияние студенческих поездок в университеты Германского союза на развитие интеллектуальной мысли на Урале в середине XIX в.....	245
Щербина Д.Е. Из истории единоверия Верхнетагильского завода.....	249
Сведения об авторах	262
Список сокращений	264

**Материалы
научно-практической конференции
«Верхотурский уезд в истории России»**

Редакционная коллегия: А.Г.Борисов
Е.Т.Ившина
И.А.Фомичёв

Компьютерный набор: А.Г.Борисов

Дизайн обложки: А.А.Надеждин

Подписано в печать Формат 60 x 84. Усл. печ. л.
Уч.-изд. л. Тираж Заказ №

Отпечатано в ИПЦ УрФУ, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 4.
Тел.: (343)358-93-22, 350-56-64

